

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

А. Славутский

АНГЕЛИНА

Annotation

Паша Ангелина — первая в стране женщина, овладевшая искусством вождения трактора.

Образ человека нового коммунистического облика тепло и точно нарисован в книге Аркадия Славутского. Написанная простым, ясным языком, без вычурности, она воссоздает подлинную правду о горестях, бедах, подвигах, исканиях, думах и радостях Паши Ангелиной.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Аркадий Славутский](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ](#)
 - [ПЕРВЫЙ ПОДВИГ](#)
 - [«ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ»](#)
 - [ПРИЗВАНИЕ](#)
 - [ПЕРВАЯ ЖЕНСКАЯ](#)
 - [В КРЕМЛЕ](#)
 - [СЕМЬЯ](#)
 - [ДВИЖЕНИЕ ПАТРИОТОК](#)
 - [ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!](#)
 - [В АУЛЕ ТЕРЕКТА](#)
 - [«НЕБЕСНИЦА»](#)
 - [ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ](#)
 - [НЕСМОТРЯ НА ЗАСУХУ...](#)
 - [БРАТ ИВАН](#)
 - [МИЧУРИНЦЫ](#)
 - [МАШИНЫ И ЛЮДИ](#)
 - [АНКЕТА МИСТЕРА КАЙСА](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

Основана в 1933 году М. Горьким

ВЫПУСК

10

[800]

МОСКВА 1960

Аркадий Славутский

ПРАСКОВЬЯ АНГЕЛИНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“**

*

М., «Молодая гвардия», 1960

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четыре солдата в течение сорока девяти дней боролись со свирепой стихией Тихого океана. Думали ли они в те дни, что после спасения их вот так встретит весь мир, как встретили ныне? Конечно, нет. Но им бы не удалось и победить, если бы они не были воспитаны в духе коллективизма. Однако людям, живущим вне нашей страны, подвиг четверки советских парней кажется чудом, хотя, как мы знаем, в их поступках никакого чуда нет, а есть дух, направленность, устремление и железная воля советской молодежи, воспитанной всем ходом созидательного труда Советской страны.

Одним из таких заслуженных воспитателей и является Паша Ангелина.

Паша Ангелина — первая в стране женщина, овладевшая искусством вождения трактора, понявшая смысл радостного труда в ту пору, когда эта профессия считалась мужской, когда царила еще мораль, принижающая женщину: «бабья дорога — не дальше порога», — вот в это время началась трудовая жизнь Паши, жизнь, полная тяжелых и драматических испытаний, борьба с косностью деревенского быта и нравов. Всем своим сердцем, новым отношением к труду Ангелина побеждала силы прошлого, утверждала новую коммунистическую мораль и нравственность.

Пашу Ангелину я знал почти тридцать лет. Знал в первые дни коллективизации, когда она, кареглазая романтически-наивная крестьянская девушка, села за руль трактора, показав пример тысячам крестьянских женщин. Знал ее и в последующие годы, когда она стала крупным общественным деятелем, умной воспитательницей десятков тысяч девушек-трактористок, для которых ее авторитет и советы были не только непререкаемы, но и священные.

Когда и в Кремлевском дворце она, сильная и волевая, умудренная житейским опытом, выступала перед колхозниками и механизаторами с призывом украсить трудом своим деревенскую жизнь, в ее облике предстала новая женщина, воспитанная партией Ленина. И ее призыв — дочери народа — был активно подхвачен миллионами тружеников колхозных полей.

Паша Ангелина, как любовно называли ее люди труда, была не просто трактористка. Она обладала природным талантом. Советские условия были для нее благодатной почвой, на которой расцветали ее дарования в полную

меру, как и у сотен тысяч тружеников полей и промышленности.

Книга о замечательной героине колхозных полей Паше Ангелиной — взволнованный рассказ о человеке нашей эпохи, о женщине, которой Родина дала все: научила ее работать, жить по-коммунистически. В этой книге показано, какими неизведанными путями к подлинному счастью в труде шла наша Паша, как она не щадила своих сил ради общества, поднявшего ее и других женщин деревни на небывалую высоту.

Труд во имя народа стал смыслом ее жизни. До последних дней, будучи уже больной, Паша не выпускала руля трактора.

Образ человека нового коммунистического облика тепло и точно нарисован в книге Аркадия Славутского. Написанная простым, ясным языком, без вычурности, она воссоздает подлинную правду о горестях, бедах, подвигах, исканиях, думах и радостях Паши Ангелиной.

Нет, не умерла Паша Ангелина, ее жизнь продолжают ангелинцы — тысячи и тысячи наших крестьянок, хозяев колхозных полей. В их труде — бессмертие чудеснейшей женщины-трактористки.

Паша любила жизнь. Бескорыстная труженица, крестьянка-мать в сердцах поколений будет служить прекрасным примером для людей нашего коммунистического мира.

Федор Панферов

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Шел 1927 год. Зима была суровая. Жестокие ветры намели в донецкой степи огромные снежные сугробы, но дороги оголились, и по ним неслись колючие черные пески.

В один из зимних холодных дней в Старо-Бешево прибыл уполномоченный Центрального Комитета Коммунистической партии Украины Иван Михайлович Куров.

До появления этого худощавого, с открытым лицом человека в черной кожанке крестьяне Старо-Бешева мало знали, что делается вокруг. Жили они тяжело, бедно, замкнуто, каждый со своими думами о хлебе насущном. О коллективной обработке земли в Старо-Бешево проникали только слухи.

Приезд Ивана Михайловича Курова ободрил старобешевских бедняков и середняков. Простой, доступный для всех, он почти четверть века проработал токарем на металлургическом заводе в Днепропетровске. Умел Иван Михайлович доходчиво, ярко донести людям ленинское слово, толково разъяснить политику советской власти. Он интересовался настроением старых и молодых крестьян, беседовал с активистами. Куров звал крестьян объединить свои силы для коллективной обработки земли.

— Покажем, товарищи, — говорил он, — что способен сделать на своей земле крестьянин, освобожденный от подневольного труда.

Иван Михайлович понравился старобешевцам. В их кругу не встречались раньше такие люди. Большая дружба с Куровым возникла у крестьянина-бедняка Никиты Васильевича Ангелина. Жил в ту пору Никита Васильевич со своей семьей в покосившейся избенке с маленькими оконцами за околицей деревни у самой реки Кальмиус, по соседству с болотом. С весны и до самых заморозков вокруг избы Ангелина, в лужах, затянутых густой зеленоватой пеной, гнила стоячая вода.

Как-то утром, еще затемно, Иван Михайлович постучал к Ангелиным.

— Догадываетесь, Василич, зачем пожаловал?

Ангелин отрицательно покачал головой.

— Ну, так вот, слушайте... — Куров не спеша закурил и пристально посмотрел на Никиту Васильевича. — Вчера советовался с активистами. Намерены, товарищ Ангелин, рекомендовать вас председателем товарищества по коллективной обработке земли.

Никита Васильевич от неожиданности даже переменялся в лице, но

ничего не ответил.

— Что же вы молчите?

— Большие слова услышал я. Боюсь, что не по мне это, не справлюсь... Богом прошу, Иван Михайлович, увольте меня. Я на такие вещи трезво смотрю. Тут нужен человек грамотный, с головой. А мне с моей грамотишкой...

И так случилось, что Куров, сам того не заметив, впервые обратился к старому крестьянину на «ты»:

— А если опереться тебе на народ, Василич?

— Оно, конечно, так, — помолчав, сказал Ангелин и ласково посмотрел на Курова из-под лохматых бровей. — Это верно. Но, однако ж, я права не имею, у меня жинка, дети, на кого я их оставляю.

— Боишься обреза?

— Жить хочется, Иван Михайлович.

— Так вот за эту жизнь и надо бороться! — почти вскрикнул Куров.

Вслед за трескучими морозами и беспощадными ветрами наступила оттепель. Солнце поднималось все выше. По огородам, где еще бурела прошлогодняя ботва, по канавам вдоль полей катилась талая вода.

В это безветренное утро двадцать восьмого года большая семья Ангелиных, как и все бедняцкие семьи Старо-Бешева, вышла на улицу. Людно было на площади перед одноэтажным домом сельского Совета — здесь собиралось первое крестьянское собрание. Пришли все бедняки и середняки.

Собрание было бурное. Каждому хотелось излить свою душу, высказать самое заветное. Ангелина единогласно избрали председателем товарищества.

Высокий, кряжистый, подвижной, Никита Васильевич ежедневно поднимался на рассвете, уходил в степь, а возвращался домой поздно. Поужинав, снова брался за дела. И каждый вечер у него бывал кто-нибудь из односельчан: спорили, решали и, сговорившись, записывали общее мнение в особую тетрадку.

— Растем, растем! — не раз весело, нараспев говорил Никита Васильевич своим друзьям. — Крепнут наши силушки...

Наступил двадцать девятый, переломный год на селе. В Старо-Бешеве, как и во многих других деревнях, организовался первый колхоз.

Общее собрание проходило все в том же помещении сельского Совета. Избирали правление колхоза. В большой комнате царила особенная тишина. Каждый понимал: решается судьба каждого, его жизнь, будущее.

Управлять колхозом должны смелые, сильные, преданные советской власти люди.

Кто-то назвал кандидатуру Никиты Васильевича. Паша, его дочь-школьница, сидела в первом ряду и внимательно следила за происходящим. Девочка обернулась на голос, назвавший имя отца, и увидела, что к столу пробирается Кирьязиев.

— Браты, товарищи — срывающимся от волнения голосом произнес Григорий Харитонович. — Советская власть, Ленин наш дорогой дали нам землю. Партия большевиков, советская власть говорят нам: «В колхозе ваша сила, крестьяне! Сами избирайте себе в правление людей, которые постоят за народное дело». Люди у нас такие есть. Вот, например, Ангелин Никита Василич... Наш мужик! Мое слово такое: бери, Василич, артельное достояние в свои руки. Только смотри оправдывай доверие!

Под конец своей большой речи старик махнул рукой, подошел к Ангелину и обнял его.

В комнате зашумели, захлопали в ладоши.

— Ай да Кирьязиев!

— Во-о-стро завернул!

Куров подозвал Кирьязиева, усадил рядом с собой, потом обратился к собранию:

— Голосуют только члены артели. Кто за Ангелина?

— Товарищ Куров... Иван Михайлович! — попытался остановить голосование Никита Васильевич, но уже поднялись десятки рук.

В полночь по дороге домой Никиту Васильевича остановил кулак Панюшкин, живший по соседству и, видимо, поджидавший нового председателя.

— Уж не тебя ли за главного поставили? — в упор спросил Панюшкин.

— Меня... А что?

— Придет время, с поклоном придешь, сукин сын.

— Нет, Степан Спиридонович, — спокойно ответил Ангелин, — ваше время прошло.

Первые колхозы... Даже в самые их названия люди старались вложить глубокий смысл, большие надежды, связанные с новой жизнью в деревне: «Путь к социализму», «За генеральную линию партии», «За счастливую жизнь», «Заветы Ильича», «За власть Советов», «Победа», «Восход»...

В колхозы вступали целыми семьями. Целиком вступила в колхоз и большая семья Ангелиных: сыновья Николай, Василий, Иван, Константин,

дочери Надя и Леля. Ангелины работали в поле, на огородах, ухаживали за скотом. От трудолюбивого отца дети унаследовали любовь к земле.

В те далекие годы Паша, самая младшая в семье, училась в пятом классе, но семейная закваска чувствовалась, и ее постоянно тянуло в степь.

Земля! Никита Васильевич всегда произносил это слово с гордостью. И, слушая отца, Паша сама расцветала от восторга.

...Чуть свет Паша уже проснулась. Вчера опять украдкой ходила в степь и, конечно, не подготовила уроки. Долго сидела над книгами и не переставала ломать голову, как ей поступить.

В избе никого. Мерно тикают старые часы. За окном воет ветер.

«Все давно в поле. Одна я дома, — думала она. — Почему такая несправедливость?»

Кто-то постучал в дверь. Девочка подошла к окну. Вставало багряное солнце и бросало лучи на молодое деревцо, уже зазеленевшее легкими листочками. В пламенных лучах оно казалось необыкновенно высоким.

Паша мечтательно покачала головой: как быстро выросло дерево, посаженное ее руками!

— Кто там? — наконец спросила она.

— Ты дома? Открой, Паша.

Хлопнула дверь, и вошла ее подруга Радченко.

— Ой, Наташенька, хорошо, что ты зашла! Посидим, а? Я так рада!.. Ты все уроки приготовила?

— Конечно, а что? — удивилась Наташа.

— Я нет... Ох, и попадет мне от Аси Федоровны, если вызовет к доске!

— Чем же ты была так занята?

Паша глубоко вздохнула.

— Опять потянуло подышать свежим воздухом?

— Да, там действительно пахнет весной.

— Ну и что же?

Паша не спешила отвечать. Она думала о том, что все люди пахнут, сеют, а она с Наташей в стороне. Ей давно хочется выращивать пшеницу, но ведь надо ходить в школу.

— Я твердо для себя решила: учиться и работать в поле.

— На все-то и сил, пожалуй, не хватит, — решительно возразила Наташа. — Будем кончать школу, а там — в институт.

Паша хорошо понимала, о чем говорит Наташа. Ведь сама она до десятилетнего возраста даже азбуку знала плохо. Не до учения было, когда работала у кулака Панюшкина. Иное дело сейчас. Учись, Паша, смело!

Наташа обрушилась на подругу:

— О земле забудь пока. Пойми: школу бросать нельзя, — и направилась к двери.

— Подожди, пойдем вместе!

— Как-нибудь сама дойдешь, — зло бросила Наташа и выбежала на улицу.

Через некоторое время Паша уже шагала по знакомой дороге.

«Наташа, милая! — мысленно обращалась она к своей самой близкой подруге. — Если ты осуждаешь меня, то как же другой поймет, что со мной происходит?»

...Прозвенел звонок. В класс вошла учительница. Стало совсем тихо.

— Ангелина! — вдруг донесся голос Аси Федоровны. — Подойди к доске.

— Это вы меня?

— Надо слушать, а не переспрашивать, — сказала Ася Федоровна. — Бери в руки мел и пиши: «И сказочен этот крепкий человек рядом со мною, человек, который изменяет лицо земли, такой внешне спокойный, но крепко уверенный в непобедимой силе знания и труда». Знаешь, кому принадлежат эти слова? Нет? Великому пролетарскому писателю Горькому.

Потом Ася Федоровна попросила разобрать предложение по частям речи, но Паша волновалась, в голове все путалось, и она не могла ответить.

Вскоре после полудня Ася Федоровна пригласила Пашу в учительскую.

— Похоже, что ты сегодня не приготовила урок. Как это случилось? Можно подумать, что у тебя нет времени. Так нельзя. Ты должна служить примером для класса. Ведь дочь председателя колхоза.

— Простите, Ася Федоровна, мне очень стыдно... Вышло так... Вы же знаете, я всегда готовлю уроки.

— Чем все-таки объяснить такое поведение? — раздраженно спросила учительница.

— Позавчера, да и вчера после обеда я ходила в поле и допоздна задержалась.

— Ах, вот как... Что ж, по-твоему, любить землю — значит бросить школу? Пора бы тебе знать, что земля любит только грамотного человека. Окончишь школу, тогда поймешь, что значит любить землю и быть любимой землею.

Паша — понимающе кивнула.

— Ну вот... так будет лучше. А теперь ступай домой.

На улицах деревни было безлюдно. Почти во всех домах оставались только дети и старики: все, кто способен был хоть чем-нибудь помочь в полевых работах, ушли в степь. И деревня, еще несколько дней назад такая шумная, говорливая, сейчас, казалось, совсем замерла.

По мостовой, гремя колесами, промчались широкие телеги, груженные зерном. Ветер доносил откуда-то издалека людские голоса и звонкий стук кузнечного молота.

Побродив еще некоторое время по улицам, Паша свернула к шоссе, которое поднималось вверх, и, не оглядываясь, помчалась в поле.

Люди вспахивали землю однолемешными плужками. Отец, опустившись на одно колено, измерял глубину пахоты. Потом поднялся и направился к старшему сыну Николаю.

— Твоя пахота? — спросил Никита Васильевич.

— Моя. — Николай ответил неуверенно Лошадей, тянувших плужок, он придержал.

— Мелко пашешь, — с досадой сказал Никита Васильевич.

— Совсем не так мелко. Глубже не берет, как ни старайся...

— Ишь, разговорился! — Никита Васильевич вытер широкой ладонью скуластое лицо и, не взглянув на сына, еще строже добавил: — На артельной земле надо с душой работать, а не шалай-валяй!

Они пошли рядом по узкой дорожке вспаханного поля. Паша брела позади, чувствуя себя лишней.

Солнце уже заходило. Вдруг она увидела, как из за рощи выехал на лошади Куров. Он молодецкато соскочил на землю, поздоровался с колхозниками.

— Ну, как вы тут, председатель?

— Да так, ничего вроде, Иван Михайлович. Однако ж не все еще ладно. Кое-кто работает с прохладцей, а некоторые и агрономию нарушают. — Никита Васильевич взглянул на стоявшего рядом сына.

Куров присел. Вокруг него собрались крестьяне. Он заговорил о новых планах, о том, как важно повышать урожайность, как надо расставить людей в бригадах, как работать с молодыми колхозниками.

— Пришел ко мне вчера вечером Панюшкин, — продолжал Иван Михайлович. — Принял я его как положено. «Дело у меня к вам, товарищ представитель советской власти. Вы человек добрый. Надеюсь поможете, — говорит он мне. — Понял я вашу власть. Без нее жить более не могу. Примите меня в колхоз, примерным хлеборобом стану, хозяйство поставлю на ноги». Что ему было сказать? «Сходите сами к народу, гражданин Панюшкин, и спросите, может, возьмут они вас. Колхоз — дело народное».

А он как загремит: «Они, да возьмут? Никогда в жизни, знаю я их». — «Чего же вам страшиться, — говорю ему, — спросите народ».

Колхозники возбужденно разом заговорили:

— Хитрая лиса.

— Иуда!..

— Гнать в шею Панюшкиных из деревни.

Иван Михайлович твердо сказал:

— И выгоним, товарищи.

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

Каждый день вносил что-то новое в жизнь деревни. Николай, Иван, Константин, Надя и Леля вступили в комсомол. Секретарем комсомольской организации выбрали старшего брата Николая.

А спустя месяц дети колхозников давали торжественное обещание, Паша стала пионеркой. Радости ее не было границ.

Кулаки на селе негодовали, шипели:

— Дьявольская затея. Курносая-то Пашка, дочка голоштанного Ангелина, красный галстук нацепила. Не к добру это, люди добрые.

А встречая на улице мать Паши — Ефимию Федоровну, кулацкие подпевалы гнусавили:

— В партийных задумала вытянуть деток своих? Ну, это еще поглядим...

— И глядеть нечего, — отвечала Ефимия Федоровна, — мои дети далеко пойдут.

Колхоз только становился на ноги. Яростно сопротивлялся кулак. Но бывшие батраки и бедняки уже твердо знали свою дорогу, и свернуть их с этого пути было невозможно.

Над степью бушует гроза. Из края в край перекатываются оглушительные раскаты грома, слепящие молнии пронизывают низкие, нависшие над землей черные облака.

Воет, стонет донецкая степь...

Деревня будто вымерла. На улице ни души. Темнота. Наглухо закрыты ставни, погашены огни. Кто решится выйти на улицу в такую погоду?

Визгливо и жалобно скулят собаки.

Но вот скрипнула калитка на самом краю деревни. Маленькая фигурка пробежала вдоль заборов и скрылась за поворотом. Наконец она добралась до какой-то избы. В то же мгновение ударил гром, небо словно раскололось. И сразу же с новой силой полил дождь.

— Ты, Паша? Случилось что? — Наташа Радченко смотрела на подругу с испугом.

— Телята на ферме без присмотра. Бежим сейчас же.

— Так поздно? В такую непогоду?

Из кухни послышался разгневанный голос матери, запрещающий Наташе уходить из дому. Но Паша не сдавалась:

— Струсил? Эх ты!.. А еще красный галстук носишь. Я-то считала... настоящая подруга, верная...

— Не сердись. Давай переждем дождь, — Наташа умоляюще посмотрела на нее.

— Э, нет, такого не будет. Наш долг спасти стадо.

— Потому что твой батя председатель, поэтому!.. — злобно крикнула мать Наташи, суровая, грубоватая женщина. — Хочешь — беги, а моей Наташе там делать нечего.

— Странно, Екатерина Николаевна, вы рассуждаете, — возразила Паша, — не отцовский же колхоз. Значит, все должны беречь его добро.

Екатерина Николаевна подбоченилась и ядовито отрезала:

— Ну и береги, ежели ты такая сильная!

Больше часа, вздрагивая при каждом ударе грома, добиралась Паша до фермы. Дождь не унимался, и его косые, хлесткие плети больно били по спине.

...Продрогшие, оглушенные раскатами грома, телята сбились в кучу. Паша скинула с себя стеганую телогрейку и поочередно укрывала то одного, то другого.

Затем пошла доставать корм. Снаружи слышались чьи-то приглушенные голоса. Кто бы это мог быть? Она остановилась, прислушалась. Шаги приближались.

В темноте заметила, как прошмыгнула чья-то фигура, смутная и расплывчатая. Кто-то нашаривал рукой железную задвижку, запиравшую ворота, и злобно говорил:

— Голодраные хозяева, даже запоров путных не сделают. Тоже мне коммуния!

— Орать-то зачем, — раздраженно отвечал другой. — Нож острый, работенка недолгая.

Скрипнули ворота.

— Эй, есть здесь кто живой?

Паша сделала шаг вперед, она вся дрожала. Неужели перережут телят?

В это же мгновение она увидела, как здоровенный парень схватил теленка за шею и занес над ним нож.

— Не смей! — крикнула Паша.

Пришельцы замерли. Надо действовать, не дать им опомниться. Не помня себя, Паша кинулась на бандитов.

Тот, что стоял с ножом, размахнулся. Но Паша ловко вывернулась и вцепилась в его руку зубами. Он закричал.

Какое-то мгновение Паша стояла неподвижно, тяжело дыша. Вдруг

она почувствовала сильный удар по руке. Защищаясь, она толкнула бандита. Тот, видимо, зацепился за корыто, потерял равновесие. Упал и на четвереньках пополз в открытую яму, в которую складывали корм для скота. Паша схватила лопату и ударила бандита по голове. Потом наглухо захлопнула крышку люка.

Паша с трудом сдерживала волнение, вот-вот расплачется. Она отошла подальше от люка. Провела рукой по лицу. Из уголка рта текла кровь. В крови были руки. В ту минуту послышался жалобный стон.

— Выпусти! Душно!..

Пришелец, запертый люком, то жалобно стонал, то угрожал, то упрашивал освободить его.

Вооружившись лопатой, Паша с волнением ждала рассвета. Как томительно это ожидание! Кажется, что со всех сторон кто-то крадется к ферме, вот уже явно ходит вокруг, шарит руками по стене.

Неподвижно простояла час, другой, третий. Но вот, наконец, медленно наступил рассвет.

Паша услышала голоса. Нет, она не ошиблась. Это голос Наташи.

— Давайте скорее! Там Паша...

Толпа приближалась. Первыми вбежали Наташа и брат Николай. Они увидели, как изменилось лицо девочки: под глазами залегли глубокие синие тени, губы побелели. Но по-прежнему блестели глаза.

— Паша, что с тобой? — Наташа подбежала, увидела кровь.

Вошли отец и мать.

— Боже мой, Пашенька! — мать беззвучно заплакала.

Никита Васильевич прошелся по ферме, подошел к закрытому люку.

— Крепко прихлопнула. — Он с гордостью смотрел на свою дочь. — Один был?

— Еще с Федунем. Удрал, гад!

— Далеко не убежит... Из-под земли достанем, — отозвался Николай. — Как же это случилось?

— Сам видишь, — сказала Паша и заплакала. — Даже не верится, что одолела в такой драке.

— Подлые люди! — крикнул Никита Васильевич. — А Федуну надо словить. Он уже сидел за убийство, но выкрутился.

Николай принес ведро воды, достал кружку. Ефимия Федоровна разорвала белый платок, перевязала рану.

— Ну, собирайся домой, — сказал отец.

Паша с огорчением посмотрела на него.

— А ферма? Кто станет ухаживать за телятами?

— Я возьмусь, — сказала Наташа.

— Ты же боишься. А у маменьки спросилась?

— Теперь и спрашивать не стану.

— Храбрая только днем, а ночью опять за мамину юбку.

Наташа молчала.

— А я из дома приду и останусь здесь на несколько дней, — сказала Паша, обнимая мать.

— Тогда и я с тобой останусь, — сказала Наташа. — Вдвоем будет веселее.

— Что ж, оставайся...

Прошло еще три недели. Каникулы были на исходе. Паша редко уходила с фермы. Как-никак пятьдесят пять телят. И все это капризные существа. За ними только смотри и смотри.

Паша сама составила рацион кормления, распорядок дня — часы отдыха и прогулок на свежем воздухе.

«Ты у меня главная животноводка, — хвалил Никита Васильевич, — работаешь молодцом».

Впрочем, так говорили в деревне все. Паша слушала, но голова у нее не кружилась. Признаться, больше всего ей хотелось в поле — «растить пшеничный колос».

Как-то рано утром на ферму прискакал Василий Кирыязиев. Он был расстроен:

— Собирайся домой!

Они сели на лошадей и поскакали в деревню.

Поздней ночью кулаки подожгли дом Ангелиных. Когда Паша подъезжала, уже догорали головешки. Собравшиеся вокруг двора крестьяне молча смотрели на пепелище. Никита Васильевич сидел в стороне, обхватив руками голову. Ефимия Федоровна носилась с вещами и что-то кричала.

— Третий пожар за неделю, — сказал старик Кирыязиев.

— Все дело рук одной шайки... Панюшкины стараются. — Ефимия Федоровна разрыдалась.

— Берегите сердце, Федоровна, — дружески обнял женщину Куров. — Панюшкины за все сполна ответят.

Никита Васильевич словно очнулся. Стал объяснять, что нет больше сил у честных людей жить в одной деревне с Панюшкиными, дышать с ними одний воздухом.

Со стороны большой деревенской улицы показалась фигура Панюшкина. Он шел в сопровождении каких-то трех здоровенных парней.

Увидев Курова и Ангелина, Панюшкин не растерялся и сделал вид, что только сейчас узнал о не счастье.

— Что такое? Неужели сгорела хата Ангелина?

— Прикидываешься овечкой! А сам, сукин сын, и поджег! — крикнул Куров.

— Господи Иисусе... Истинно не знаю, — испуганно озираясь, бормотал Панюшкин.

Из толпы раздались крики.

— Знаешь, собака, не прикидывайся!

— Жизнью своей заплатишься!

— Ну, это еще спорное дело, — сразу спохватившись, многозначительно возразил Панюшкин.

Но ему не дали разглагольствовать. С разных сторон слышались гневные голоса.

Панюшкин как-то сразу сник, потемнел, опустил голову.

Толпа хлынула к нему.

Старик Кирьязиев отчетливо, так что слышали буквально все, произнес:

— Никакой пощады врагам!

Но Куров не дал людям свершить самосуд. Встав перед Панюшкиным и широко раскинув руки, он сказал:

— Товарищи, спокойствие! Советское правосудие воздаст ему по заслугам.

Панюшкин был тут же арестован.

«ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ»

Прошло два года. А время, как говорится, разум растит. Днем Паша училась в школе, а вечерами работала на колхозной ферме. В свободное время читала Толстого, Горького, Тургенева, Чехова. А чаще всего — Пушкина.

Опять наступила весна. Поля вокруг Старо-Бешева оделись зеленью. В колхозном саду зацвели яблони.

Как быстро летит время! Вот еще совсем недавно колхозные дети копали ямки, и Никита Васильевич советовал: «Шире надо, глубже», а теперь этот сад, где посажены и сливы, и груши, и вишни, и яблони, стал украшением деревни.

Как много значит год в жизни колхозной деревни! Выросло и окрепло артельное хозяйство. Колхозники распахали еще триста пятьдесят гектаров залежной земли. В центре деревни построили клуб на двести мест. Рядом выросло каменное трехэтажное школьное здание.

Большие перемены произошли и в семье Ангелиных: они переехали в новый, большой красивый дом с просторными комнатами, высокими окнами и верандой.

...Тихий летний вечер. Лунный свет заливает избу. Возвратившись из школы, Паша приготовила ужин, прибрала на кухне, перемыла посуду. Потом вышла на веранду и долго стояла молча, наслаждаясь тишиной и свежим запахом листвы. Снова вернувшись в дом, прошла в свою комнату, села подле раскрытого окна и принялась за рукоделие.

С улицы слышались шаги. Приподняв край занавески, она взглянула на дорогу, но никого не увидела. Посмотрела на часы — было без пяти минут восемь. Не пойти ли спать? Нет. Она задумчиво глядела на звездное небо и вдруг слышала знакомые пушкинские строки:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Голос знакомый и такой приятный. Конечно, это Василек — сын

Григория Харитоновича. Василек прекрасно читал стихи.

...Восьми лет Василька отдали в подпаски к местному кулаку Наливайко. Паша в то время тоже пасла скот, но у кулака Панюшкина. С тех пор и началась у них дружба.

Безрадостно, в нужде и голоде проходили их детские годы. Хотелось думать об учении, об интересной жизни в будущем, но мечты эти разбивались в прах из-за голода: даже в самое урожайное время Паша и Василек редко досыта наедались хлебом.

Впервые Василек пошел в школу, когда ему исполнилось одиннадцать лет. Правда, к тому времени он уже умел читать и писать. У него были хорошие способности, и грамоте он научился без посторонней помощи.

— Сам не понимаю, как все это вышло, — говорил он Паше. — Еще с детства потянулся я к книгам. А ведь, знаешь, никто их мне не давал и не дарил. Я даже боялся при отце и матери листать страницы. А теперь без книги не смог бы жить.

Шестнадцати лет Василек вступил в комсомол. Паша продолжала с ним дружить, делила с ним все свои радости и горести, удачи и невзгоды. С Васильком ей было легко и весело.

...Василек вошел в дом усталый и весь в грязи.

— Кто тебя так вымазал?

— Что, не нравлюсь?

— Ой, какой же ты, право! Кто же все-таки так разрисовал тебя?

Василек попытался было уклониться от ответа, но натура его не терпела лжи.

— Большое событие, Пашенька, — сказал он и от волнения запнулся.

Наконец со слов Василька Паша поняла, что произошло. В Старо-Бешево из города пригнали два трактора. Это, конечно, огромная тайна, но факт остается фактом, и тракторы находятся в деревне.

То, что в Старо-Бешеве появились тракторы, Паша великолепно знала, и этой тайны Василек мог ей не выдавать, но вот то, что он поступил на курсы трактористов, ей действительно было неизвестно.

— Я пятый день изучаю трактор. Инструктор до одури нас затаскал.

Новость ее ошеломила. В деревне курсы трактористов — и она ничего не знает! Нет, с этим смириться нельзя.

— Скажи, Василек, только правду говори, трудно ли учиться на тракториста?

— Для кого как... Мне, например, легко, — гордо ответил паренек. — Но правду сказать — управлять трактором сложно.

— Зато интересно как! Ты понимаешь, что для меня это необходимо.

— Как, как? Тебе-то, наверное, известно, что трактором могут управлять только парни.

— А нам, девушкам, нельзя? — голос у Паши дрогнул, и она вот-вот готова была заплакать.

Их разговор прервал стук в дверь. Вошел Иван и попросил подогреть ему обед.

— Торопишься?

— А тебе что? — Брат, видимо, тоже не собирался разговаривать. — Много знать будешь, скоро состаришься.

— А ты, я вижу, помолодел. К трактору торопишься.

Иван прошелся по комнате, потом неожиданно все откровенно рассказал и попросил ее никому не говорить о том, чем они с Васильком занимаются.

— А почему это секрет? Почему в деревне не должны знать, что мой брат учится на тракториста? Почему в деревне не должны знать, что и твоя сестра тоже хочет стать трактористкой?

— Но ведь это просто глупо... — попытался было Иван остановить ее, но она не дала ему договорить.

— Если я решила, что стану трактористкой, то так и будет!

— Ты бы подыскала для себя чистую работу, — твердо сказал Василек. — Трактор — мужское дело.

— Ну, это мы еще посмотрим!

Ясно было, что переспорить Пашу невозможно. Она привела в свою защиту столько доводов, что Василек был просто сбит с толку, а закончился спор тем, что она обиделась и с глазами, полными слез, ушла в другую комнату.

Они не верили в ее силы, и это была самая большая обида в жизни.

Зима тридцатого года стояла суровая. Морозы доходили до двадцати девяти — тридцати градусов с сильными ветрами, снегопадами.

Уже стемнело, когда Паша возвратилась из школы. Дома было шумно. Отец и братья Николай, Константин и Василий, сидя за столом, азартно стучали костяшками домино. Ефимия Федоровна что-то шила, а в другой комнате сестры Надя и Леля возились с книгами.

Паша чувствовала себя плохо, ей казалось, что она никому не нужна.

Думы о тракторе не покидали ее. Побыв немного дома, она вышла на улицу. Все мысли вертелись вокруг одного. Хорошо еще, что Василек не разболтал родителям о том, что она хочет стать трактористкой. А что, если самой поговорить с отцом? Неужели и он, человек передовой, не поймет, не

поможет, не скажет: «Вот тебе мое благословение, Паша»?

Размышляя таким образом, она долго бродила по заснеженным улицам. Потом вышла к машинно-тракторной станции. У ворот несколько задержалась: зайти или нет? Может быть, лучше поскорее отсюда уйти? Кто знает, не вынырнет ли откуда-нибудь дорогой братец, не загремит ли на всю деревню: «Уходи, пока цела! Бате пожалуюсь...»

В это мгновение раздался знакомый удар молота по наковальне, и, может быть, благодаря этому она смело вошла в мастерскую. В нетопленном помещении с низким потолком увидела инструктора курсов трактористов Ивана Федоровича Шевченко. Это был высокий человек лет сорока пяти, с покатыми плечами и маленькими усиками. Инженер-механик по образованию, он обучал парней тракторному делу. За тремя небольшими столиками сидели на табуретках его ученики, и среди них — Василек и ее брат Иван. Как она им позавидовала!

Возле Ивана Федоровича лежали тетради, и он, проверяя их, время от времени безжалостно что-то подчеркивал синим карандашом.

— Товарищ Ангелин, — отложив в сторону толстую тетрадь, сказал он Ивану, — недоволен я вашей учебой. Практику вождения трактора знаете неплохо, а с теорией вы не в ладах.

Иван поднялся с места и стоял с опущенной головой, как провинившийся школьник. Когда он заметил Пашу, в глазах его появился гнев:

— Тебя еще тут недостает!

Невозмутимый Иван Федорович повернулся к Паше и спросил, зачем она пришла.

— Вероятно, трактором интересуетесь?

Паша растерялась и не знала, как лучше объяснить преподавателю свое желание. Да разве это желание? Это мечта, о которой она боится сказать вслух.

Ей стало жарко.

— Больше всего на свете мне хочется управлять трактором. Это моя мечта, цель моей жизни...

— Занятно, очень занятно, — Иван Федорович причмокнул губами. — Но посоветовать вам ничего не могу. Практика не знает такого примера, чтобы девушка водила трактор.

Внезапно в глазах у нее появилась лукавая усмешка.

— В нашей деревне многого до советской власти не знали. Это еще ничего не значит.

— О, вы, оказывается, умеете и сердиться... — он покачал головой. —

Не могу себе представить, чтобы девушка управляла трактором.

Разговор с инструктором, весьма неопределенный, все же несколько успокоил ее, раздражение, правда, осталось. И любопытная вещь: чем больше она думала о тракторе, тем чувствовала себя сильнее. Она готова была сердиться на себя за то, что родилась девушкой. Вот и Иван Федорович утверждает, что «трактор — мужское занятие»... Ладно, пусть думает как хочет, все равно он ее не переубедит. Пожалуй, лучше всего поговорить в открытую с отцом.

Прошла уже неделя с того дня, как Паша встретилась с Иваном Федоровичем Шевченко, а поговорить с отцом она все еще не решалась. Иногда уже совсем готова была начать разговор, но всякий раз сомнения одолевали. Надо ли? Не получится ли хуже?

Потом Никита Васильевич неожиданно выехал в областной центр — в город Сталине, чтобы «выбить» лес для строительства.

Возвратился домой лишь спустя несколько дней — под вечер в воскресенье. Выглядел он усталым, но настроение было хорошее.

Еще год назад правление колхоза приняло решение построить молочнотоварную ферму на сто голов скота. Решение-то приняли, а строить не строили. Не было леса, шифера... А сейчас он добился того, что в адрес колхоза уже было отгружено до двух тысяч кубометров древесины. Паша уловила настроение отца и решила, не теряя времени, поговорить с ним о своих делах.

— Батя, мне надо серьезно поговорить с вами...

Никита Васильевич откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на дочь. Таких слов от нее он еще не слышал.

Не пускаясь в длинные объяснения, она заявила, что решила теперь же вместе с парнями обучаться тракторному делу.

Никита Васильевич ничего не понимал. Он посмотрел на Пашу и, взяв карандаш, стал его внимательно рассматривать, словно эта деревянная палочка с грифелем могла ему что-нибудь объяснить.

— Тянет меня к машине, понимаете... хочу сама управлять трактором.

Никита Васильевич махнул рукой и опять ничего не сказал.

— Вы против? Да? Ах, если бы вы знали, как я хочу стать трактористкой!

— Не будешь, — наконец глухо произнес Никита Васильевич. — Подыщи какую-нибудь более подходящую специальность.

Паша проснулась рано. Брезжил серый холодный рассвет. Мать вошла

в комнату из кухни.

— Не спишь, Паша?

— Нет, я так несчастлива...

Болезнь свалила Пашу. Она, видимо, простудилась в своих бесконечных хождениях в МТС, а неудача с поступлением на курсы трактористов совсем ее подкосила.

Когда три дня спустя Василий Кириязиев вошел к Паше, она еще лежала в постели. Правда, состояние ее было лучше, но врачи все же запретили выходить на улицу.

— Ты зачем пожаловал? — спросила Паша.

Он попробовал отшутиться.

— Отправляйся к себе на курсы.

— Там мне уже делать нечего.

— Как так?

— Я уже тракторист.

— Ну, поздравляю. Значит, скоро пахать? Завидую. Ну, а мне что прикажешь делать?

— Слушать старших и продолжать учебу.

Паша не могла принять этот совет. Напротив, она принялась умолять Василька заступиться за нее. Он должен понять, что ее место на тракторе. Раньше они, бывало, мечтали о таком времени, когда могли бы обрабатывать свои, а не чужие земли. Теперь такое время наступило. Появились сильные, умные машины. Земля — своя. Как же можно запретить ей стать трактористкой? Но почему-то никто этого понять не хочет. Никто! Даже родной отец... Говорят, что ни в одной стране нет девушек-трактористок. Это верно. Их гам нет. А в нашей стране они должны быть. И будут.

— Парням и то тяжело управлять трактором, а девушкам... Куда там...
— Василек не мог понять Пашу.

— Я легкой работы и не ищу. Чем труднее и сложнее, тем интереснее.

В эту минуту вошла Ефимия Федоровна. Василек рассказал ей о разговоре с Пашей.

— И я так думаю, Василек. Но разве она кого-нибудь слушает?

— Вот видишь, — обрадовался Василек, — и мать меня поддерживает.

Паша стиснула зубы и сжала кулаки. Она сейчас просто ненавидела Василька. И зачем он встревает в ее дела? Выздоровеет — пойдет к товарищу Курову. Он поймет.

ПРИЗВАНИЕ

Многие юноши и девушки — около пятидесяти человек — уехали из Старо-Бешева учиться в разные города. Они готовились стать металлургами, химиками, строителями, агрономами, врачами, учителями. А Паша? Что ни день, то все больше крепло ее желание стать трактористкой. И ведь не случайно это — от отца унаследовала она любовь к хлебопашеству. Никита Васильевич, как и до него дед и прадед, всю жизнь от сохи не отходил. При советской власти в деревню проникла наука. Крестьяне стали по-новому обрабатывать землю, пахать, сеять... А главное, пришли машины. Как же могла сейчас Паша оставить свою мечту: «добраться до жирности земли и дать Родине как можно больше хлеба»?

Однажды Никита Васильевич собирался встретиться с Куровым, чтобы вместе проверить готовность машин к весенне-полевым работам. Уходя из дому, Никита Васильевич сказал Паше:

— Все-таки убедил меня Иван Михайлович не становиться тебе поперек дороги.

Паша сперва не поняла даже, о чем речь. Потом Никита Васильевич пояснил, что Куров настоял перевести ее в тракторную бригаду.

— Что ж, — от радости она даже изменилась в лице, — краснеть за меня не будете, батя.

Вскоре Паша поступила на курсы трактористов. Зимой она училась в школе механизаторов, а в летнюю пору работала прицепщицей. Она уже была близка к цели. Иван тоже стал относиться к ней по-другому и не раз втихомолку позволял управлять трактором.

Так было и в этот день ранней осени. Приглушенный гул двух работающих тракторов далеко разносился по степи.

Паша сидела за рулем. Брат Иван, одетый в синюю спецовку, бежал за трактором.

— Хорошо, Паша! Ай да молодчина! — старался он перекричать шум. — Ну-ка, подбавь газку. Переключай на третью скорость.

Мотор загудел еще сильнее.

Воздух бил Паше прямо в лицо.

Рядом остановил свой трактор Василек.

— Зря торопишься, — сказал он, усмехаясь, — все равно далеко не уедешь. Дали тебе трактор только из-за баловства. Ничего из этой затеи не выйдет.

Паша на мгновение приглушила мотор.

Иван взглянул на Василька, потом перевел взгляд на сестру и прищурил глаза.

— Выйдет, Василек, выйдет, — решительно сказал Иван. — Ангелины на своем деле крепкие. — Глаза у Ивана улыбались. — Не хуже, а, пожалуй, лучше тебя ведет Паша трактор.

Паша опять включила мотор. Ее лицо было напряженно, но спокойно. Она прижалась к спинке сиденья и крепко ухватилась за руль. Биение мотора отдавалось в руках, во всем теле. Паша словно чувствовала мощь машины.

За трактором ровным слоем ложилась глубоко вспаханная земля.

На каком-то повороте задние колеса трактора занесло. Паша несколько раз повернула руль и снова вывела машину на борозду. Она проехала еще один круг и вскоре выбралась на прямую дорогу. Навстречу шел бригадир тракторного отряда Владимир Скрипниченко. Увидев за рулем машины Пашу, он испугался и побежал, чуть прихрамывая.

— Эй, остановись!

Паша приглушила мотор.

— Слезай с трактора!

— Не сойду!

— Больно прыткая. — Скрипниченко окинул ее пренебрежительным взглядом и, не допуская возражений, сказал: — Не смей больше прикасаться к машине!

— А если посмею?

Скрипниченко был вне себя и набросился на Ивана:

— Ты чего молчишь, дурья башка?

Скандалный разговор мог бы уже закончиться, Иван Ангелин довольно твердо сказал бригадиру, что Паша может и должна оставаться на тракторе, но в этот момент на дороге показались люди.

Паша растерялась и не знала, сойти ей с трактора или оставаться за рулем.

Неожиданно к машине подбежала Марфа Васильевна, грузная, наглая женщина, дальняя родственница бывшего кулака Наливайко. Она-то и навалилась на Пашу.

— Где же, люди добрые, видано, — кричала она, — чтоб девка машиной понукала!

— Всякий стыд потеряла! — добавил кто-то из стариков.

Иван заломил фуражку, вскочил на трактор. Он понял, что сопротивляться сейчас не стоит. А Паша упорно не выпускала из рук

баранку: она словно боролась за свое место на тракторе.

— Иван, чего церемонишься! Гони ее... и никаких гвоздей! — подзадоривал Василий.

Наконец Паша с трудом поднялась и уступила Ивану место за рулем.

— Ты моя отважная, хорошая, — говорил Иван пытаясь ее успокоить. — Все идет хорошо. А за тебя мы еще повоюем.

Иван повел трактор, и люди стали расходиться. Паша направилась домой. Ее нагонял Василек.

— Паша, подожди, хочу с тобой поговорить.

Она не хотела слушать его.

Налетевший ветер сорвал с головы косынку, Василек подхватил ее и бросился догонять девушку.

— Будь я проклят, если хотел тебя обидеть... Я... я люблю тебя, Паша. Твоя работа на тракторе не принесет счастья ни мне, ни тебе.

Паша молчала.

— Слушай, Паша. Я хочу строить новую жизнь. С тобой. Навсегда...

— Нет, лучше врозь.

Он пожал плечами.

— Ведь мы поклялись дружить.

— О такой дружбе нечего и думать.

— Прости меня, я, видимо, не соображал, что делаю.

— Откровенное признание, — Паша улыбнулась.

Он умоляюще посмотрел на девушку, и она наняла, что он боится остаться в одиночестве.

— Конечно, — сказала она, — все зависит от тебя, надо стать другим.

— Каким же?

— Иди. Трактор твой вроде скучает.

— Уходишь? — спросил он с тревогой.

— Не смею никого отрывать от дела. Земля ждет.

Паша уходила не оглядываясь, подставляя свое разгоряченное лицо налетающему ветру.

Дома мать сидела у стола, штопала чулки, а Никита Васильевич вслух читал ей статью из газеты.

Ефимия Федоровна, услышав шаги, подняла глаза: Паша стояла в дверях и смеялась.

— Тебе весело?

— Очень, мама. Петь, плясать охота. До чего же хорошо на душе!

— Потому что голодная, — сказала мать и пошла на кухню. — Всю

неделю была в поле.

— Положим, не всю, а только шесть суток.

— И поработала, хорошо ведешь трактор, — многозначительно сказал отец, — сам видел...

Паша слушала и не верила своим ушам. Отец хвалил ее за то, за что прежде готов был ругать: ведь она первая среди девушек овладела сложной техникой и научилась водить трактор.

От волнения она заплакала.

— Ну, уж это трактористу не к лицу, — сказал отец. — Теперь все ясно, с трактора тебе не уйти. Обидно будет, ежели вздумаешь от своего отступить.

— А Василек вот фыркает, негодует...

— Ты лучше всего никого не слушай. Трактор — это твое будущее.

Ефимия Федоровна чуть не выронила тарелку из рук, глаза у нее заблестели, и по лицу медленно покатилась слеза.

— Василек никому не мешает, — заметила она, — парень он ловкий, смысленый, надо прислушаться к его советам.

Никита Васильевич кивнул, достал махорку.

— Хорошо они дружат, — и засмеялся, — с пеленок. Однако в этом деле он плохой советчик. Говорю тебе, Федоровна, Паше от трактора не уйти.

Усадьба МТС находилась на отлете. Небольшая механическая мастерская станции была превосходно оборудована, здесь имелись сложные станки.

Паша работала в мастерской вот уже третий месяц. Она досконально изучала машины по узлам и деталям. Работа так ее увлекла, что суток не хватало. Ей хотелось многое сделать, многое испытать. В дневные часы Паша возилась у тракторов, а вечерние просиживала над расчетами и чертежами.

Иван Федорович Шевченко, первый учитель старобешевских трактористов, тот самый, который год назад так равнодушно встретил шестнадцатилетнюю девушку, вынужден был сдаться. Паша преуспевала. Она не хуже, а гораздо лучше парней осваивала технику. Это удивляло и даже занимало Шевченко. Получилось так, что он не только обучал Пашу вождению трактора, но и сам учился у нее многому.

К весне Паша уже в совершенстве владела техникой, умела самостоятельно разобрать и собрать мотор, на слух безошибочно определяла качество его работы. Она проявляла в работе такие

способности, что все окружающие только руками разводили.

В конце марта прошли обильные дожди. А в апреле небо прояснилось и земля сбросила с себя снежный покров.

Не дожидаясь высыхания почвы, Паша одной из первых в районе приступила к тракторной пахоте.

Она великолепно вела машину. Легко управляла рулем, умело делала заезды, повороты. Она не торопилась, как это случалось со многими трактористами. На гребень борозды поднимала машину плавно, уверенно. И все же бригадир тракторного отряда Петр Бойченко, сменивший к тому времени Скрипниченко, очень волновался. Такая уж была у него беспокойная натура. Он буквально шагал «по пятам» Пашиного трактора и присматривался, как Паша управляет машиной, на какую глубину ведет пахоту.

И все же придаться было не к чему. У семнадцатилетней трактористки трактор работал отлично, пахота на высоких скоростях велась ровно, без «огрехов» и «облизов».

В эту весну Паша поставила рекорд — первый рекорд в своей жизни. Впоследствии было у нее еще много больших трудовых побед, но, пожалуй, никогда она не радовалась им так, как этому своему первому успеху. Трактор, которым управляла Паша, проработал без единого перебоя весь сезон, у машины не было ни единой поломки. Своим трактором Паша вспахала больше всех в отряде.

На собрании работников МТС ей в торжественной обстановке вручили книжку ударника, значок отличника сельского хозяйства и премировали ценным подарком.

А спустя несколько дней, придя на усадьбу МТС, Паша увидела странную картину какой то здоровенный парень разбирал по узлам ее машину.

— Откуда ты взялся? — от злости у нее уже сжимались кулаки.

— Оттуда, дорогуша, — он сделал неопределенный жест и на замечание, что она не терпит грубиянов, довольно нагло посоветовал ей за всеми справками обратиться к товарищу Талалаенко, директору МТС.

Бледная и взволнованная стояла Паша перед входом в контору и читала приказ, который гласил «За выдающиеся успехи на севе и на пахоте трактористку П. Н. Ангелину повысить в должности и назначить кладовщиком на нефтебазу...»

Снова и снова перечитывала она приказ и не верила своим глазам. Недоразумение? Неувязка? Ведь это так низко, так подло...

Пулей влетела она в контору. В комнате было тепло, даже душно, но

она дрожала, как в ознобе.

— Как вы могли подписать такой приказ? — в упор спросила она у сидевшего за столом Талалаенко. — Неужели вы способны на такой подлый поступок?

Он повел плечами.

— А может быть, это благородный... Мы освободили тебя от работы на тракторе потому, что печемся о твоём будущем.

— Кто это «мы»?

— Руководство энтээс...

— В лице директора... самодура...

— Что-о? — Талалаенко даже привскочил от неожиданности. — Не ослышался ли я? Ты назвала директора самодуром?

Паша подтвердила все ею сказанное и, подскочив к столу, с силой взяла Талалаенко за руку, вытащила его на середину комнаты. Она уже не отдавала отчета своим поступкам.

— Под суд! К черту! — орал Талалаенко.

Надо ли говорить, какую обиду затаила Паша в душе. Она протестовала, требовала вернуть ее на трактор. Но никто из тех, к кому она обращалась, не хотел вникнуть в суть дела. Друзья советовали: «Не скандаль, смирись! Не лезь на рожон», — но она не успокаивалась. Дома тоже уговаривали сдаться, но она не считала свое сражение проигранным. Паша знала, что во всяком правом деле надо положиться на поддержку партии, и она пошла в политотдел машинно-тракторной станции.

Иван Михайлович Куров поднялся ей навстречу.

Паша подошла к столу. Губы у нее дрогнули в печальной улыбке. Куров, наоборот, взглянул на нее весело.

— Значит, устроила мамоево побоище, била, колотила директора и... не добила. Смело, бойко, но безрассудно.

— Вы-то откуда все знаете?

— Разведка у нас работает идеально.

— Меня оторвали от трактора, от земли... Кто имел на это право?

— Факт печальный, — сказал Куров. — Никто не имел права снять тебя с трактора. В этот вопрос мы внесем полную ясность. Я уже сообщил в обком партии. Приказ директора будет отменен.

Паша просто не знала, как отнестись к этим словам. Готова была разрыдаться от счастья.

— Я положу все силы, чтобы оправдать доверие партии.

Иван Михайлович улыбнулся, но чувствовалось, что он еще не все

высказал, что хотел.

— Надо, Паша, смотреть вперед. Как бы ты отнеслась к такому совету — подобрать хороших девчат из прицепщиц, из молодых колхозниц и научить их управлять трактором? Взялась бы за это?

Паша обдумывала то, что услышала. У нее много таких подруг: Наташа Радченко, эта давно на курсы тянется, сестра ее Маруся, Любаша Федорова, Вера Анастасова. Еще Верочку Коссе можно взять, Веру Золотопуп...

— Самое главное — создать большой, квалифицированный коллектив трактористок, — сказал Куров. — Надо воевать за новое. Ведь так, Паша?

— Это будет здорово!

— А тебя, уже опытную трактористку, — продолжал Куров, — бригадиром назначим. Понимаешь, как звучит: бригадир первой в стране женской тракторной бригады Ангелина!

Паша вздрогнула. Она ждала от сегодняшнего разговора всего, только не этого. Но не успела она ответить на предложение Ивана Михайловича, как вошел Талалаенко. Паша вся залилась краской и заторопилась.

— Господи ты боже мой! — Талалаенко всплеснул руками. — Она уже здесь?

— А вы знакомы? — спросил Куров.

Талалаенко уперся в него гневным взглядом.

— Даже больше, чем знакомы. Это такая... бестия, доложу я вам. Я... я всю их семью хорошо знаю — Никиту Васильевича, братьев ее Николая, Ивана, Константина...

— Ну, раз у вас такая прекрасная память, — усмехнулся Куров, — то разрешите представить вам бригадира первой в стране женской тракторной бригады.

— Что?! — У Талалаенко уже не хватало слов, чтобы высказать свою злобу. Не стесняясь присутствием Ангелиной, он крикнул: — Мне бабы в МТС не нужны! Зря, что ли, я приказал ее убрать с трактора!..

— Тем хуже для вас, — заметил Иван Михайлович и тут же порекомендовал директору МТС отменить свой приказ.

Талалаенко, театрально жестикулируя, шагал из угла в угол и то и дело отбрасывал со лба свои взъерошенные волосы. Из выкриков его можно было понять, что он не намерен оставлять Ангелину на тракторе. «Доверять машину какой-то девчонке? Ни за что. Беру всю полноту ответственности на себя».

Куров посоветовал ему прислушаться к голосу партийной организации и предупредил, что за незаконные действия придется держать строгий

ответ.

Талалаенко пытался сослаться на свои заслуги, на то, что он в партии с двадцать третьего года, но Куров отстаивал свою линию.

— Скажите прямо, согласны ли вы отменить свой приказ?

— Категорически нет, и не... заставьте! — крикнул Талалаенко.

Куров поднялся и дал понять, что разговаривать больше не о чем.

Действительно, следующего разговора между начальником политотдела и директором МТС так и не было. По приказу наркомата Талалаенко за бюрократизм был с должности директора МТС смещен.

ПЕРВАЯ ЖЕНСКАЯ

Постепенно все становилось на свое место. При Старо-Бешевской машинно-тракторной станции были организованы краткосрочные курсы трактористок.

Всю зиму «гоняла» Паша своих подруг. Их было пятнадцать. Упорные, любознательные девушки. Они не только изучали устройство трактора, но и осваивали основы агротехники, знакомились со структурой почв, штудировали труды Вильямса, Докучаева...

А тем временем по деревне ползли грязные слушки. Чего только не выдумывали враги первой женской тракторной бригады!

Марфа Васильевна, давнишняя противница Паши, нашептывала.

— Я достоверно знаю, девчат пускают на трактор, чтоб, значит, бензином «унавозить» наши земли... Такое задание бригадирша Паша из центра получила.

— То-то и горе, что все пойдет прахом. Господи, прокляни же Пашину бригаду на вечные времена! — стонал ей в тон Гриценко.

Так недруги женской бригады пытались сбить ее с верного пути. Но девушки были настойчивы и упорны. Ремонт своих тракторов они закончили на целых пять дней раньше срока и готовы были выехать в поле. Приказа же двинуться с места не поступало. Паша нервничала и несколько раз подряд бегала в МТС.

— Разрешите нам занять исходные позиции, — упрашивала она нового директора Цимиданова.

— Не торопись, Паша. У тебя еще три дня в запасе.

Она недоумевала. Откуда? Снег сошел, земля обнажилась. Надо удержать влагу и поскорее начать сев.

Она сказала Цимиданову, что думает двинуть тракторы завтра же. Но директор не соглашался.

— Успеешь закрыть влагу, весна еще впереди.

Долго просидела Паша в тот вечер в кабинете Цимиданова. Планировала с ним пахоту, сев пшеницы, овса, ячменя, поля севооборота.

Уйдя от него, пошла не домой, а на усадьбу МТС. Пока шла, на деревню напозлили черные тучи. Два километра показались ей десятью. Прибежала на усадьбу за несколько минут до дождя. Смотрит, подружки бодрствуют, возятся у машин, в который раз пробуют сцепления, тормоза.

— Все наяву и в то же время как во сне, — усмехнулась Наташа

Радченко.

— Что как во сне? — переспросила Паша.

— Вижу, на рассвете поведу машины в степь.

В этот момент стало еще темнее и где-то в небесной вышине глухо прокатился гром. Обложной дождь покрыл землю.

— Как же нам не везет, Паша! — печально сказала Наташа.

Как же обрадовались подруги, когда через несколько часов увидели ясное и чистое утро! Небо как по заказу очистилось от туч, и первые лучи солнца осветили деревню.

Девушки повеселели и вышли к машинам. Было лучшее время для начала работы. Машины дрогнули и плавно двинулись вперед. Последнее легкое облачко проплыло где-то в вышине и исчезло, словно растаяло в бездонной голубизне неба.

Головную машину вела Паша, за нею шли Наташа Радченко, Люба Федорова, Вера Анастасова...

Четко выдерживая дистанцию, тракторы медленно двигались по главной улице деревни. Радости девушек не было границ.

— Вперед, подруженьки! — Паша включила большую скорость, отпустила педаль сцепления. Ветер растрепал и отбросил копну ее волос.

Вот головная машина уже перевалила через пригорок, еще минута, и начнутся колхозные поля. Но что это?! Навстречу тракторам двигалась огромная толпа женщин. Вооруженные дубинами, вилами и лопатами, они обступили машины.

Паша остановила свой трактор. За ней остановились и другие.

Женщины подняли шум, требуя кровавой расправы над «душегубками» полей.

Больше всех бушевала бабка Марфа Васильевна, тоже пришедшая сюда со своим дружкой Титычем.

— Тяните заводилу... дочку голоштанного! — раздался чей-то истеричный голос.

— Поворачивай оглобли!..

— Не пусти-им бабьи машины на поля!

— Пашку на расправу!..

Гриценко подошел к головному трактору, загудел:

— Земли наши портить не дадим!

Паша с силой оттолкнула бабку Марфу от трактора. Та схватила девушку за руку, пытаясь стащить ее на землю. Но опасность придала Паше силы, и бабка с Титычем ничего не могли с нею поделать. Она как влитая сидела за рулем своей машины. Неизвестно, чем кончилась бы эта

борьба, если бы не подоспел Иван Михайлович Куров. Его появление сразу остудило толпу.

— Чего же не пускать вертихвосток! Земля-то все одно не наша, — посмеиваясь, тихо говорил Гриценко. — Пусть поездят, поковыряют поля.

Куров рывком схватил его за руку и строго потребовал отойти в сторону, дать дорогу машинам.

Паша встала во весь рост на своей головной машине и молча, еще не оправившись от пережитого, смотрела, как Иван Михайлович наводит порядок.

— Что же нам делать, Иван Михайлович? — тихо спросила она.

— Что делать? Включить моторы и перебираться в поле.

Паша схватила заводную ручку, провернула раз, другой... Мотор не включался.

— Хватит машины мучить! — опять крикнул кто-то из толпы.

— Выходит, не девки на машинах ездят, а машины на них!..

— Ай, ловко!

— Неправда! — крикнул Василек Кирьязиев и подскочил к Пашиному трактору.

Она протянула ему ключи.

Василек потянулся к мотору, исправил магнето.

— Все в порядке, — сказал он, запустив мотор. — Трогай, Паша!

Машины двинулись в путь. Шли медленно, будто по неисследованной трассе. Девушки работали молча, и так же молча двигалась за тракторами толпа женщин. Но вот машины дошли до края поля, развернулись и двинулись строем вперед.

Ровный рабочий гул разнесся далеко вокруг.

Постепенно дело наладилось. Работали час, другой, третий. Как Паша и ожидала, подруги ее хорошо вели машины — по ровной борозде.

Во второй половине дня Паша опять увидела Ивана Михайловича.

— Что? Жарковато было, Паша, а? — спросил Куров, улыбаясь.

Паша весело посмотрела ему в лицо.

— Жарковато...

Куров поднялся на трактор.

— Вот так, Паша, все с бою берется. Борись за новую жизнь на родной земле, — сказал он, пожав ей крепко руку.

За первые три дня Паша и ее подруги вспахали под яровую пшеницу до трехсот гектаров земли. Потом сами же эту землю и засеяли. Семена хорошо ложились в прогретую солнцем землю.

Прошло еще шесть дней. Вся перепаханная тракторами степь от края

до края зазеленела, словно покрылась бархатным ковром.

«Радуйтесь и гордитесь, — мысленно говорила Паша своим подругам. — Смотрите, какие земли поднимаем мы к новой жизни. А нам не верили... Пусть же приходят наши отцы и матери и любуются зелеными всходами».

Вечерние тени сгустились над степью. От оврага повеяло прохладой. Пронесся порыв ветра, и снова полил дождь. Машины с трудом продвигались по залежным землям. Трактористки работали из последних сил — был дорог каждый час, а погодные условия не благоприятствовали им. Внешне Паша держалась спокойно, но в-душе волновалась за своих подруг.

Девушки сутками не покидали поля, а впереди еще было много дела... Быстро пролетела первая неделя.

Как-то в воскресенье утром в степь примчались из деревни мальчишки — учащиеся здешней школы.

— «Мужчины» к нам в гости пожаловали, — увидев их, сказала Вера Юрьева.

Она остановила свой трактор и тотчас же была окружена гостями.

— Все-таки вспомнили о нас, — засмеялась Наташа. — Она подошла к двум мальчуганам, стоявшим рядом, обняла их и повторила, притянув к себе: — «Мужчины»!

— Мы давно собирались, да нас не пускали, — сказал темноволосый мальчуган.

Ребята принесли трактористкам белый хлеб, молоко, сало, масло. Девушки благодарили их за ласку и заботу и, конечно, стали первым долгом показывать свои машины. Восторг у мальчишек был огромный.

— А к вам в гости вся деревня собирается, — сказал один из школьников.

Наташа сейчас же передала об этом девушкам.

— Неужели опять скандалить идут? — заволновалась Юрьева.

— Что вы, вас ругать не будут, это точно, мы знаем... — Кудрявый мальчуган сообщил, что колхозники задумали в поле что-то строить.

— Не дворец ли, ребятки? — спросила Люба Федорова, улыбаясь.

— А это нам не известно, — серьезно ответил тот же кудрявый мальчишка.

Девчата продолжали сев. За тракторами двигались сеялки. Не прошло и двух часов, как со стороны деревни показался народ. Вскоре от идущих отделился Степан Иванович Николаев, а за ним следом, как-то чудно

ковыляя, подпрыгивал на одной ноге дед Алексей.

— Пойдите, деточки! — кричал, размахивая руками Степан Иванович.

Девушки выключили моторы. В степи стало непривычно тихо. Казалось, слышно было дыхание людей.

Степан Иванович слегка помялся, побряхтел, а потом громко стал говорить про то, как неверно в деревне отнеслись к «бабьей» тракторной бригаде.

— Деточки, родные, — продолжал он, подергивая плечами от волнения, — всем обществом просим прощения. Ох ты, бригадир, ох ты, Пашенька! Какие же вы все молодчины! Любо глядеть на поля... Сроду посевы так не радовали глаз, как вот ныне...

Дед Алексей стоял тут же рядом. Выставив вперед ногу в добротном полуботинке, он внимательно слушал и, словно чему-то радуясь, все больше улыбался.

Надо было видеть деда Алексея лет десять назад! Ходил он всегда сгорбленный, в рваной одежонке и всегда хмурый, печальный. Летом, весной и осенью — всегда босиком, только в лютые морозы надевал валяные опорки.

— Честью прошу от всей деревни, — начал он нараспев, — не поминайте старого. Ну, конечно, было... по нашей неосознанности, а ныне больше не будет. Слышь, Паша, не будет... — дед Алексей глубоко и облегченно вздохнул, как вздыхает человек, которому предстоит сказать о самом заветном, — Память, говорят, штука драгоценная, однако же ее, как мешок, всяким тряпьем набивать не следует. Помнить надо все хорошее. Вот Асю-то Федоровну Алексееву, учительку нашу, которая грамоте меня на шестидесятом году выучила, вовек помнить буду. Из старого я много перезабыл, а вот как впервой газетку прочел, никогда не забуду... Отродясь, детки мои, не радовался так, как в тот раз, когда первую книгу прочел. Вот она, деточки, новая жизнь без помещика и дармоеда-кулака. Хорошо жить стало! Жаль только, что состарился, а то, клянусь богом, и на трактор сел бы... Да таких-то делов натворил бы! Куда там кому за мной угнаться! До самой Москвы... до Кремля дошла б весть о моем хлеборобстве. Ну... хватит всем вам на нас сердчать-то...

Девушки, конечно, и не думали сердиться. Зачем вспоминать прошлое? Неловкость и скованность первых минут уже прошли. Приятно было повидаться с отцами и матерями, пришедшими посмотреть, как они в шутку говорили: «пахнут ли девичьи посевы булкой».

— Вот закончим всю работу, вырастим добрый урожай, тогда и

приходите нас хвалить, — сказала Наташа.

Дед Алексей кивнул головой.

— Добре, деточки!

Распрощавшись с колхозниками, трактористки опять взялись за работу.

Они уже заканчивали на одном участке сев ячменя, а рядом посеянная несколько дней назад яровая пшеница уже всходила. С каждым днем набирала силу, тянулась к свету, стойкая, рослая.

Земля, хорошо обработанная девушками-трактористками, принесла по тем временам добрый урожай. Колхоз сполна рассчитался с государством. По плану и сверх плана было сдано девяносто тысяч пудов зерна.

Теперь девушки готовили черные чистые пары и вели зяблевую пахоту.

...Стояла дождливая осень. Черные тучи нависли над степью. Размякли дороги. Но тракторы бригады Ангелиной двигались к усадьбе МТС своим ходом, в то время как из соседних колхозов многие машины приходилось тащить на буксире.

Удачи окрыляли девушек. Уже в то время они показали образцы работы на пахоте и севе: при плане в четыреста семьдесят семь гектаров каждая девушка своим трактором обработала по семьсот тридцать девять гектаров. План тракторных работ был выполнен с превышением на 29 процентов.

Слава о замечательных делах первой в стране женской тракторной бригады уже неслась по стране. В Старо-Бешево хлынул поток писем и телеграмм. Все интересовались одним: в чем секрет успеха первой женской тракторной бригады? Что помогло девушкам взять в донецкой степи большой урожай?

«Спасибо тебе за труд, доченька», — писали Паше колхозники и колхозницы из разных уголков Советского Союза.

«Главное в наших делах — это упорство в достижении цели, — отвечала своим корреспондентам Паша, — вот и все, больше ничего героического в наших делах нет».

Ее и радовало и удивляло, что совсем чужие, казалось бы, люди так близко принимают к сердцу дела старобешевских трактористок.

А девушки действительно были упорные. Еще не утихло радостное волнение, вызванное первым успехом бригады, еще звучали в ушах рукоплескания, которыми старо-бешевские хлеборобы встречали появление трактористок на собраниях, а они уже готовили себя к новым испытаниям.

Первое время, когда они работали на ремонте своих машин, они еще как-то отличались друг от друга. Но теперь, когда комбинезоны

обтрепались, а на лицах поверх загара и на головах поверх волос легла едкая маслянистая пыль, такая густая, что волосы никаким гребнем не расчешешь, все эти девушки стали походить на родных сестер, с тем еще дополнительным сходством, которое бывает у людей одной профессии и достигается благодаря одинаковому и беззаветному труду.

Да, труд упорный» кропотливый, мужественный объединил девушек на преодоление любых трудностей.

Приближались весенние полевые работы, и девушки трудились на ремонте тракторов круглые сутки. И случилось так, что в новом году они опять на пять дней раньше срока вывели свои машины в степь.

К тому времени у девушек уже был пусть небольшой, но ценный опыт, и они извлекли из него немало полезных уроков. Так, они по-новому распределили силы в бригаде, продумали, как лучше организовать подвоз горючего, чтобы избежать простоев, подготовили весь необходимый инструмент, который должен быть у трактористов на случай даже незначительной поломки.

В тридцать четвертом году бригада Паши Ангелиной работала уже на полях семи колхозов. И снова бригада добилась успеха. Качество пахоты у нее было безупречное. Выработка на трактор поразительно высокая — семьсот девяносто пять гектаров. Сама Паша обработала своим трактором одну тысячу пятьдесят гектаров.

Как-то Паша осталась дома: в ремонте машин был перерыв, и девушки могли, заняться домашними делами.

Вечером Паша вслух читала «Войну и мир». Внимательно слушала ее мать, взволнованно переживая судьбу Пьера Безухова, очутившегося в плену врага.

Кто-то тихонько открыл наружную дверь и осторожно прошел на кухню. Слышно было, как стукнулось о раковину выскользнувшее из рук мыло и как после маленькой паузы потекла вода из крана.

— Батя, шуми... мы не спим, — сказала Паша.

— Ну, это хорошо. Значит, повеселимся.

Ефимия Федоровна рассмеялась.

— По какому случаю, Василич?

— Твоя дочка так парней обскакивает, такие урожаи собирает, что сроду таких не бывало. Не грех отпраздновать.

Потом с работы возвратились Николай, Константин, Иван, Надя и Леля. Пришли к Ангелиным на огонек Наташа Радченко и Вера Юрьева, а с ними Василек.

Дом наполнился звонкими молодыми голосами. Все наперебой говорили о своих делах, об успехах девушек.

Ефимия Федоровна накрыла большой стол. Хозяину дома по такому случаю было разрешено выпить полную чарку «горилки».

— Я, дети мои, пью за ваше счастье, — взволнованно сказал Никита Васильевич, — за ваш усердный труд на земле. Крепнут наши силушки. Умом все, по-хозяйски решаете. Радостно мне, вольному хлеборобу, что вы на деле крепите нашу дорогую советскую державу.

Паша бросилась отцу на шею.

Шум и песни долго не утихали. Василек пересел поближе к Паше. Спросил о «ЧТЗ». Он не мог забыть, что на пахоте Пашин «ЧТЗ» обогнал его новый трактор — «СТЗ». Он все еще мечтал опередить свою подругу.

— Я сегодня покорная, — смеясь, сказала Паша, — догоняй и перегоняй. Вот пей, если хочешь, двойную.

— Опять поссорились? — спросил Никита Васильевич.

— Нет, дружим.

— Тогда, Василек, налей себе тройную, — пошутил Никита Васильевич. Василек отказался.

— Боюсь, потеряю почву под ногами.

— И то верно, — сказала Паша, — пить надо уметь.

Все утро Паша прибирала свою комнату. Как и на работе, она соблюдала у себя в доме чистоту и порядок.

Днем забежала провести Верочку Коссе. Та болела, и Паша не видела ее почти целую неделю. Они условились вечером встретиться, по дороге зайти к остальным подружкам и всем вместе пойти в кино.

Было уже без двадцати минут семь. Сквозь большие окна, выходящие во двор, Паша увидела торопливо идущую мать. Прежде чем Паша успела подняться, она уже вошла.

— Забыла сказать... давеча Иван Михайлович присылал за тобой, к себе зовет.

Паша вскочила, посмотрела в зеркало.

— Уже иду. А вы тут займите пока Верусю.

Иван Михайлович встретил Пашу, как обычно, ласково.

— Дело ко мне, Иван Михайлович?

— Ты очень загружена, Паша?

— Как всегда... А что?

— С ремонтом, конечно, управитесь, — сказал он. — А есть у вас еще какая-нибудь спешная работа?

— В основном к весне подготовились.

— Вот и хорошо, — и он положил перед нею правительственную телеграмму: Пашу вызывают в Москву, в Кремль на Всесоюзное совещание передовиков сельского хозяйства.

— Меня одну?

— Да, — ответил Куров. — Завтра выезжать.

В КРЕМЛЕ

Дальше города Сталино Паша никогда не выезжала. А теперь скорый поезд везет ее в Москву. Не отрываясь глядит она в окно. Мимо проносятся деревни, станции, полустанки. Солнце заливает заснеженные поля, а небо такое голубое, каким Паша его давно не видала. Светло, ясно и у нее на сердце.

Соседи по купе спят. А она не может ни вздремнуть, ни уснуть — все думает о Москве. Шутка ли, побывает в Кремле, встретится с руководителями партии и правительства.... А дальше? Что она, дочь бывшего батрака из далекого старо-бешевского села, сможет рассказать? Неужели большим и занятым людям будет интересно слушать о том, как она овладела трактором? А может, вместо этого поведать о том, как дед Алексей на шестидесятом году жизни впервые прочел статейку в «Правде»?

...Поезд прибыл под вечер. Яркие огни электричества заливали перрон. На вокзале множество людей. Встречающие и прибывшие обменивались приветствиями. Пашу никто не встречал. Вскоре перрон опустел. К ней подошел носильщик.

— В какую гостиницу? — спросил он и, узнав, что перед ним участник Всесоюзного совещания, громко произнес:

— В Кремль! — и тут же подозвал шофера такси. Но Паша решила идти пешком. Она приехала налегке. Даже без чемодана. За спиной — старенький рюкзак, привезенный Никитой Васильевичем еще с русско-японской войны.

Паша добралась до Дзержинской площади, вышла на улицу Куйбышева и вскоре очутилась на Красной площади. С минуту она стояла неподвижно, прижимая к груди руки и оглядываясь вокруг. Преодолев растерянность, Паша неспешным, но твердым шагом направилась к Мавзолею.

Ленин... Владимир Ильич... Он мечтал о ста тысячах тракторов для России. Не знала Паша об этой ленинской мечте, когда весной тридцатого года впервые села за руль трактора.

— Ленин.... Дорогой Владимир Ильич! — вслух тихо-тихо сказала она. — Сбываются ваши светлые мечты. Счастье, радость и довольство приходят в колхозный дом...

Паше и еще одной старой колхознице из сибирской деревни, очень

милой и доброй женщине, предоставили комнату в гостинице «Националь». Все здесь было для нее ново, непривычно. Сперва все виденное как-то переплелось и перепуталось у нее в голове, но потом все улеглось. «Для всех людей Москва родна, тепла и чуточку для меня».

Никогда, пожалуй, не спалось Паше так крепко, как в ту ночь, когда она, пригревшись с мороза, усталая, улеглась в постель.

Проснувшись, услышав голос соседки-сибирячки Варвары Степановны: — Ну, пора нам, Пашенька, в Кремль.

С трепетным волнением вошла она в Кремлевский дворец. Все выглядело торжественно и строго. Паша медленно пробиралась по залам дворца, смотрела на высокие своды, на люстры, которые, как казалось ей, сверкали всеми цветами радуги. Казалось, будто чьи-то могучие руки подхватили ее и ввели в этот новый сказочный мир.

Паша заняла место во втором ряду и слушала речи ораторов, боясь пропустить хотя бы слово. На трибуну один за другим поднимались колхозники и колхозницы, люди молодые и старые, из разных республик — русские и украинцы, грузины и армяне, белорусы и азербайджанцы, узбеки и казахи.

Люди колхозных полей держали отчет перед страной о своей работе. Они отмечали главные вехи большого пути — от Великого Октября до сегодняшнего дня. Вспоминали трудную жизнь в разоренной деревне после войны, засилье кулака, первые годы коллективизации. Благодарили рабочий класс за бескорыстную помощь. Говорили о механизации сельского хозяйства, об агротехнике — новой науке в колхозах, о великом организаторе колхозного движения — Коммунистической партии.

— Слово предоставляется бригадиру первой в стране женской тракторной бригады Паше Ангелиной, — объявил председательствующий.

Паша поднялась на трибуну.

Некоторое время она стояла за кафедрой и не могла вымолвить ни слова. Смотрела в президиум, в зал и мучительно молчала.

Товарищ Сталин, сидевший близко к трибуне, видно, заметил волнение трактористки, тихо сказал:

— Смелей, смелей, Паша!

Глаза Паши возбужденно загорелись, ее влажное от пота обветренное лицо заблестело, голос приобрел силу и мужественность. Паша рассказывала о своем жизненном пути, о трудовых подвигах трактористок в бригаде, о чудесном друге Курове...

На исходе второго дня работы съезда, во время перерыва, Паша беседовала с девушками, участницами съезда. Делились впечатлениями о съезде, о всем виденном в Москве, о новых постановках МХАТа, Малого.... До того увлеклись разговорами, что не заметили, как к ним подошли товарищи Сталин, Ворошилов, Калинин, Микоян. Девушки растерялись, не знали, что сказать, — все обычные слова неожиданно показались маленькими, блеклыми, неспособными выразить и тысячной доли того, чем были переполнены их молодые сердца. И как понятен был восторженный порыв одной девушки из далекой уральской деревни, которая срывающимся голосом сказала руководителям партии и правительства:

— Хорошая, зажиточная жизнь, счастливая у нас жизнь. Такое возможно только при колхозном строе! Спасибо родной партии!

Постепенно в разговор вовлеклись все. Каждой хотелось сказать что-то о своем родном крае, о колхозе. Рассказала и Паша о новой жизни в Старо-Бешеве. Руководители партии и правительства спрашивали о том, как живут трактористки, тепло и уютно ли у них в вагончиках, как они проводят свой досуг, какие книги читают, регулярно ли получают газеты...

Паша на все вопросы отвечала подробно. И тут же заявила, что она и ее подруги-трактористки не пожалеют сил и на каждый трактор выработают по тысяче двести гектаров.

— Хорошо, — улыбаясь, сказал Климент Ефремович Ворошилов, — но помни, Паша, тысяча двести гектаров. Не много ли?

Еще в дороге, когда Паша возвращалась домой, она много думала над своими новыми обязательствами и над словами Климента Ефремовича. Тысяча двести гектаров выработки на каждый трактор! В самом деле, не много ли взяла на себя? Осилит ли ее бригада такую нагрузку? В то время существовала норма, утвержденная Наркоматом земледелия, — триста гектаров на пятнадцатисильный трактор. А тут — тысяча двести! Такой выработки еще не знала ни одна страна в мире.

«Работать будем, если понадобится, и по двадцать часов в сутки, а слово сдержим», — решила про себя Паша. Но не все зависело от нее одной. Поддержат ли подруги? Выдержат ли они такое напряжение?

Через день после возвращения из Москвы Паша поехала в МТС. Тракторы с гудящими моторами стояли на дворе.

— Вот хорошо, что приехала, — сказала Вера Коссе, — я как раз собираюсь испытать твою машину.

Из газет девушки уже знали о том обещании, которое Паша дала руководителям партии и правительства. Разумеется, о наркомземовских

нормах не могло быть и речи: они не выдерживали никакой критики. Но было ясно и другое: одним желанием и бессонными ночами, работой в поле даже двадцать часов в сутки обеспечить выполнение таких высоких норм невозможно. Надо было искать что-то новое...

Девушки взялись искать это «новое» и нашли. Во-первых, перестроили организацию работы в бригаде, ввели профилактические ремонты, которые гарантировали их от простоев из-за мелких поломок, во-вторых, ликвидировали перерывы в рабочее время, в-третьих, наладили подвоз горючего, в-четвертых, подтянули прицепщиков. Была разработана целая программа, обеспечивавшая большое повышение производительности тракторов.

Вся деревня с горячим сочувствием и участием следила за работой девушек. Два раза в день в поле приезжал Иван Михайлович Куров: «Как дела, ангелинцы? Нужна ли помощь?» Колхозники приходили с тем же вопросом: «Как успехи? Готовы в любую минуту помочь».

Приходил смотреть работу трактористок «отважной Паши» и дед Алексей. Он теперь работал ночным сторожем на животноводческих фермах, расположенных как раз вблизи поля, где девушки культивировали черные пары.

Дед Алексей появлялся всегда утром, в одно и то же время. Любил отвести душу с молодыми, да и тем работалось веселее под его ласковый разговор:

— А ну, поднажмите, любезные девоньки, подмогите колхозникам... То-то они вас озолотят, когда раскроете все богатства земли.

— От критики уводишь, дед, ты бы уж лучше побранил нас, — отвечали девушки.

— А нельзя... Хорошего-то коня кнутом только испортишь: он тебя бояться начнет. Хлебопашца понимать надо, его похваливать надо под руку, он тогда бодрее и веселее ведет дело.

Впрочем, девушки и так работали весело. Даже опытным трактористам стало нелегко соревноваться с ними.

Так прошли весна и лето.

Подошла осень.

В один из осенних вечеров девушки собрались в вагончике, чтобы подвести итоги. Они их не очень радовали. План тракторных работ был выполнен только на девяносто восемь процентов. Предстояло еще вспахать до пятисот пятидесяти гектаров. А тут, как назло, зачастили дожди, подули холодные ветры, размякли дороги.

— Что ж, выходит, — заключила Паша, — что, несмотря на наши

старания, план может сорваться. Как же будет с нашими обязательствами? Неужели подведем?

— Нет, нет, Паша! Не можем мы подвести, — успокаивала Люба Федорова.

— Ты нам верь, Паша: на пахоте зяби поднажмем как следует, — говорила Наташа.

И опять степные просторы оглашались гулом моторов. Погода ухудшалась с каждым днем. То сеялся, как сквозь решето, мелкий осенний дождь, то налетал ветер и дул с такой страшной силой, что казалось, опрокинет машины. Но именно в эти трудные дни по четыре гектара за смену вырабатывали Люба Федорова, Маруся Радченко и Вера Золотопуп, а Паша установила новый рекорд: семь с половиной гектаров за смену. Правда, рекорд ее держался недолго: на третий день Наташа Радченко вспахала восемь гектаров зяби.

В тридцать пятом году каждым трактором девушки выработали по тысяче двести двадцать пять гектаров.

В декабре того же тридцать пятого года Пашу опять пригласили в Москву на совещание передовиков сельского хозяйства, но на этот раз со всеми подругами. Очутившись в непривычной обстановке, девушки очень волновались. Паша старалась их успокоить: девоньки, мол, милые, будьте как дома, — а все-таки и сама переживала все эти события не меньше, чем они.

Председательствующий на съезде Андрей Андреевич Андреев предоставил ей слово. Услышав свое имя, Паша вздрогнула, словно прикоснулась к электрическому проводу. Несколько секунд сидела, не поднималась с места. Потом поднялась, неторопливым движением поправила волосы, спадавшие на лоб, направилась в президиум.

Паша рассказывала о себе и о подругах, о работе бригады, о том, какие статьи пишут они в стенную газету, какими цветами украшают вагончик, который стал для всех девушек-трактористок вторым домом, какой урожай пшеницы был выращен по парам, по зяби...

Паша смотрела в зал и хорошо видела подруг, сидевших в первом ряду. Все это время она словно чувствовала их горячее дыхание.

— Как видите, — говорила Паша, — урожаи на колхозных нивах в наших руках, если только применять современную агротехнику...

Она ничего не приукрашивала, не выдумывала. Да ей и не надо было выдумывать. Будничные дела в ее тракторной бригаде, жизнь в колхозной деревне были замечательны.

А когда в конце своего выступления Паша под аплодисменты зачитала

частушки, которые были помещены в бригадной стенной газете, Сталин громко сказал:

— Хорошо...

— А сколько человек у вас в бригаде? — спросил Ворошилов.

— Девять, — ответила Паша и показала рукой на первый ряд, — они все здесь, в Кремле...

— И все они выработали по тысяче двести двадцать пять гектаров на трактор? — заинтересовался Сталин.

Паша подтвердила:

— Да, по тысяче двести двадцать пять гектаров.

— Отличные результаты, — похвалил Ворошилов. — Выходит, больше, чем по обязательствам.

— Совершенно верно, Климент Ефремович.

— Спасибо вам за труд ваш, — сказал Ворошилов.

— Нам, молодым земледельцам, только и бороться за отличные результаты да хлеб давать стране в полном достатке, — заявила Паша.

И тут Сталин бросил реплику:

— Кадры, Паша, кадры!

Для Паши Ангелиной, как бригадира тракторной бригады, и для ее подруг-трактористок это уже была новая задача, следующая ступень их роста. Кадры, люди, решали теперь всё! Девушкам надо было не только самим давать высокую выработку на тракторе, не только глубоко пахать и поднимать черные пары, но и научить других бороться за высокие урожаи.

Разумеется, во много раз легче было добиться высокой выработки, оставив бригаду в прежнем составе; девушки уже сработались между собой, отлично знали трактор, были дружны, дисциплинированы. Но все эти соображения не могли остановить их. Новые задачи, поставленные перед ними партией, нужно было выполнять во что бы то ни стало.

Вскоре в Старо-Бешевском районе были организованы десять женских тракторных бригад. Бригадирями стали Наташа Радченко, Вера Золотопуп, Вера Юрьева-Михайлова. Они обучали тракторному делу пятьдесят девушек, с которыми им предстояло в будущем работать. Новыми кадрами пополнилась и бригада Ангелиной. В нее вошли девушки: Маруся Мастеровенко, Киля Антонова и Лиза Кальянова. Место за рулем трактора заняли Пашины сестры — Надя и Леля, жена брата Ивана — Екатерина.

Бригада Ангелиной превратилась в своего рода высшую техническую школу по подготовке механизаторов. Колхозники с гордостью говорили: «Паша-то вроде технический институт организовала...»

Да, они не ошибались. В Старо-Бешеве действительно действовал

своеобразный «тракторный институт», в котором готовились технически грамотные водители машин. Была в этом институте и своя система обучения. Первый сезон новички работали прицепщиками и вместе с трактористками проводили технический уход за машинами. Под руководством бригадиров они изучали трактор по чертежам, узлам, деталям. К осени у них накапливались уже известные навыки, сноровка, практический опыт. Тогда их на время зимнего ремонта закрепляли за тракторами, на которых им предстояло работать в следующем сезоне. После окончания зимнего ремонта выпускницы сдавали экзамен на водителей.

Эта система вполне себя оправдывала. Состав бригады ежегодно изменялся: опытные трактористки уходили на самостоятельную работу, новички получали знания и закалку.

От каждого механизатора здесь требовали не только знания машин, но и строжайшей дисциплины, культуры в работе. Кадровые механизаторы учили молодых бережно ухаживать за трактором, не позволяли подходить к нему в грязном виде: «Ты грязная, и трактор будет такой же». Борьба за культуру труда становилась боевым девизом как в самой бригаде Ангелиной, так и в других женских тракторных бригадах.

Паша часто бывала в бригадах Радченко, Золотопуп, Михайловой, ревностно наблюдала за их работой во время пахоты и уборки урожая, во время подъема паров, пахоты зяби и сева озимых. В самые горячие дни, когда, казалось, некогда было даже и вздохнуть, трактористки поражали своей опрятностью, аккуратностью. И трактор у каждой действительно блестел, «как самовар у хорошей хозяйки».

...Все машины работали превосходно. В Старо-Бешеве на каждого трудоспособного колхозника приходилось по тридцать гектаров пахоты — нагрузка не маленькая. Но колхозы, на полях которых работали женские тракторные бригады, заканчивали и пахоту, и сев, и уборку, и все прочие сельскохозяйственные работы до срока.

Тысяча девятьсот тридцать шестой год был на исходе. Более ста девушек, пройдя выучку в этом своеобразном «тракторном институте», стали квалифицированными трактористками, бригадирами и механиками. Была подготовлена, выкована и сцементирована новая колхозная сила. Именно о такой «мощной силе» Паша мечтала, когда много лет назад Иван Михайлович Куров сказал ей: «Пусть тогда осмелятся сказать, что вам, девушкам, не место за рулем трактора».

В том же тридцать шестом году Паша была избрана делегатом Чрезвычайного восьмого съезда Советов. В Кремлевском дворце как

представитель народа она вместе с делегатами съезда обсуждала и утверждала основной закон страны социализма — Конституцию СССР.

В эти же дни трактористки Старо-Бешевской МТС успешно закончили все сельскохозяйственные работы. Поля, ими обработанные, посевы, засеянные в лучшие агротехнические сроки, дали невиданный доселе урожай.

Некогда старо-бешевские крестьяне мечтали: «Эх, дожить бы до того счастливого часа, когда можно было бы получать в нашей степи по полсотни пудиков зерна с десятины! Эх, ежели бы вдохнул бог такую силу!..»

Теперь в донецкой степи дочери и внуки бывших батраков и бедняков без «божьей силы», но с помощью агрономической науки и техники благодаря своему честному, самоотверженному труду снимали уже по сто — сто двадцать пять пудов пшеницы с гектара.

СЕМЬЯ

Когда Паша сказала Василию Кирьязиеву, что отказывается за него выйти замуж, он расстроился, как ребенок. Почему? Чем он не подходит ей? Тракторист он первоклассный, трудолюбивый и исполнительный. В какой бы колхоз он ни приезжал, к нему относились с уважением, ибо все знали, что сын старого хлебороба Кирьязиева по-хозяйски вспашет и засеет. И ведь любит он ее, Пашу!

— Выходит, врозь? На всю жизнь? — воскликнул Василий в отчаянии.

Паша умоляюще посмотрела на него. Нет, она готова дружить с ним по-прежнему. Ей не безразлична судьба друга. Но выйти замуж за него все-таки не решается. Не ее вина — сердцу не прикажешь.

— Знаешь ведь, Василек, люди мы с тобой разных характеров и наклонностей, — сказала Паша, — потому и не склеится наша жизнь. Прямо говорю: охладела я к тебе из-за твоей отсталости.

Ничего плохого Паша не имела в виду, но слова о том, что он отсталый человек, возмутили и обескуражили его. Как странно, что именно Паша ценила его, способнейшего тракториста Старо-Бешевской МТС, меньше других. Почему ни Цимиданов, ни Куров, ни товарищи по работе, ни родители ни разу не говорили ему этого, наоборот, хвалили, возвышали, верили в его способности земледельца и в его будущее.

Василий был озадачен. Почему так нелепо все оборвалось? Неужели потому, что оставил вечернюю школу? Но он же всего себя отдавал работе, сутками не покидал трактор, которым пахал, сеял... Кто лучше его в колхозе имени Кирова, на полях которого он, Василий, четвертый сезон работает, знает машину, управляет ею? Он и в нынешнем году по парам соберет хороший урожай — по сто пудов пшеницы с каждого гектара. Никакие трудности его не остановят, чтобы в будущем по хорошо возделанной земле взять по сто пятьдесят пудов пшеницы вкруговую. Такие обязательства он взял на себя. Только стоит ли рассказывать Паше? Да и об этом ли должен у них идти разговор? Василий давно хотел устроить свою личную жизнь. Дома все знали, что этой зимой Василий пойдет в загс с Пашей. А тут решительный отказ.

Нет, Василий не может с этим примириться. Надо дать ей время подумать. Поэтому не следует донимать ее разговорами. А может, посоветоваться с Куровым?

— Вот еще, кстати, поговорю с Иваном Михайловичем, — сказал

Василий, глядя на нее в упор, — я верю, он, как старый друг, умно рассудит нас.

Она выдержала его взгляд.

— Василек, в этих делах и Куров не советчик... никто не сможет нам помочь, нельзя нам вместе... — Помолчав, Паша подошла вплотную к Василию, положила руку на его плечо, как никогда не делала, и ласково сказала: — Ну, не расстраивайся, не надо горевать. Давай по домам. Мне рано выезжать в поле. А тебе, Василек?

Он не ответил, осторожно снял Пашину руку, кивнул ей и шагнул через калитку на улицу. Паша молча проводила его взглядом. Только когда он скрылся, она поняла, что теряет друга.

Паша и не думала в то время выходить замуж. Она работала с необыкновенным воодушевлением. Сама училась, учила парней и девушек вождению трактора, обработке земли по новой агрономической науке. Колхозные дела настолько увлекли ее, что некогда было заняться устройством личной жизни. Ведь все, что она до сих пор сделала в земледелии, — сущие пустяки по сравнению с тем, что сможет и должна сделать. Будь ей, скажем, двадцать четыре или двадцать пять лет, то она, возможно, под влиянием Василька решилась бы на такой серьезный шаг. Но Паше было двадцать лет, она стала лучшей в стране трактористкой, она окружена ореолом славы, она здорова, весела, счастлива...

И в самом деле, в своей деревне она нашла все необходимое для счастья — и машины, которыми превосходно управляла, чтобы глубоко пахать и качественно сеять, и высокие урожаи пшеницы, которые радовали всех земледельцев и даже ученый мир, и отзывчивые человеческие сердца. Паша жила среди людей добрых и веселых, деятельных и трудолюбивых, которые уважали и любили ее. И она откликалась на эти чувства такой же искренней любовью. Даже Титыч, работавший ныне молотобойцем в колхозной кузнице, даже бабка Марфа Васильевна, ставшая примерной на всю старо-бешевскую округу колхозной свинаркой, даже эти люди, доставившие ей немало горьких минут, когда она создавала первую в стране женскую тракторную бригаду, не вызывали у нее неприязни.

Всем Паша была довольна. В том году опять пополнилась ее бригада новыми механизаторами. Опять пришла напряженная пора: едва в колхозе управились с покосами трав, а уже подходила уборка зерновых. Горячие, солнечные дни повсеместно ускорили созревание озимой пшеницы, ржи и ячменя. А до начала покоса многое надо было сделать бригадиру тракторной бригады: проверить ходовые части комбайнов, готовность

крытых токов и привести в порядок амбары для засыпки семян. Да и, помимо этого, переключать тракторы на вспашку зяби, на подъем черных паров и посева озимых. Других такая нагрузка утомляла, выводила из строя. Паша же, наоборот, не знала никакой усталости, хотя взвалила на свои плечи большие и малые заботы. Как будто кто-то сильными руками вел ее по полям и говорил: «Паша, делай все вот так... Ты упорная, сильная — не надломишься!»

Паша потрудились в полную силу и уже поздней осенью возвратилась в деревню. Не так долго она отсутствовала, а сколько за это время произошло перемен. Выходит замуж сестра Надя. В ее отсутствие приезжал жених, хороший рабочий парень из Сталино. А у Николая родилась дочь.

— Значит, в полку Ангелиных прибыло, — смеется Паша.

Новости, как оказалось, были не только дома, но и в МТС. На усадьбе выстроили новую механическую мастерскую, которую оборудовали автоматическими токарными и зуборезными станками.

— Вот это здорово! — восхищается Паша.

Но самая большая новость — Паше сообщили по особому секрету: тракторист Василий Кирьязиев женится на Марфе Спиридоновой.

— Я рада, — говорит Паша, — что у моего друга так все хорошо устроилось. Марфа славная, трудолюбивая девушка. — И ни одного упрека, ни одной колкости в адрес Василька.

Паша надолго задержалась в МТС, переходя от станка к станку. Но, собираясь уже уходить, она вдруг увидела на другом конце мастерской парня, работающего у тисков напильником. До этого дня она его никогда не встречала.

— Новое пополнение? — спросила она старшего механика Петра Гордеевича Скачкова.

— Ну да, — Петр Гордеевич внезапно оживился, — по путевке комсомола прибыл. Имей в виду, холостяк.

— Разве же мне так обязательно знать его биографию?

— Не знаю, может, и необязательно, но желательно. Он бедовый, этот парень, по тебе, с характером... — и прищурился, сделав паузу, чтобы посмотреть, как она отнесется к его словам, — и специалист своего дела.

Об этом приезде парне на следующий день сказали Паше и Цимиданов и Куров: «Ловкий парень»...

Нередко встречала она этого парня с круглой бритой головой в райкоме комсомола и неизменно в окружении комсомольцев и пионеров.

Потом уже на комсомольском активе слушала его выступление. Он

руководил кружком текущей политики, выступал с докладами перед колхозниками. Паша оставалась равнодушна к нему, ни разу не подошла, чтобы познакомиться и поговорить. Мало ли на белом свете хороших парней!

Накануне выезда в поле Паша снова встретила этого парня, но уже не в мастерской МТС, а на животноводческой ферме, куда его послали отремонтировать насос для подачи воды на коровник.

Случилось то, о чем Паша и не могла предположить: парень подошел к ней, поздоровался и сказал:

— Прасковья Никитична, один я не управлюсь с насосом. Хотел бы попросить в помощь тракториста из вашей бригады.

— Вот как оно обстоит... — рассмеялась Паша, — а с виду будто парень такой, что можешь горы ворочать. Может быть, меня возьмешь в помощники? Подойду?

— Как знать...

— Ты не дипломатничай, а прямо говори: взял бы в помощники? — в упор спросила Паша.

— Подумал бы...

Паша внимательно посмотрела на него. Почему-то ей пришло в голову, что он в помощи не нуждался, а просто из-за любопытства заговорил с ней.

— А я все соображала: куда же мне сегодня приложить руки, — не меняя выражения лица и не двигаясь, заговорила Паша. — Выходит, если хорошенько попросить вашу милость, то пристроиться просто.

Он не ответил и взялся за молоток.

— Выкручивайся, дружок, как знаешь, но через два дня насос должен действовать безотказно, — после недолгой паузы сказала Паша, — иначе можем оставить все поголовье без воды.

— Но в данный момент, как мне известно, бедняжки пляшут от бескормицы, — иронически произнес он.

— Ошибаетесь, Сергей Федорович. Так, кажется, вас величают? — стараясь ничем не обидеть его, сказала Паша. — В прошлом году собрали мы хороший урожай сочных кормов. А сократили рационы кормления из-за бесхозяйственности. Собственно, я сюда и примчалась, чтоб разобраться.

— И очень хорошо, что не ко мне прикомандировали, — сказал Сергей, улыбаясь.

— Не спеши радоваться, — бросила она резко, — я еще и за тебя возьмусь, если воду не обеспечишь к сроку.

Эти слова не оскорбили Сергея. Он ответил:

— И обеспечу! Но мне можно будет прийти к бригадиру трактористов с рапортом?

— Конечно, приходи, — снисходительно разрешила Паша.

Больше года дружила Паша с Сергеем. Он уже работал первым секретарем Старо-Бешевского райкома комсомола, а она по-прежнему бригадиром тракторной бригады.

Когда Паша через некоторое время сказала дома о том, что выходит замуж за Сергея, никто уж не удивлялся. Сергей всем нравился. Хороший человек, самостоятельный, образованный, уважительный. Только Никита Васильевич наедине как-то сказал Паше:

— Я, конечным делом, не против Сергея, хоть и вспыльчивый он, но умный, работающий, грамотный, тебе, наконец, с ним жить. Только сынок Кирьязиева был нашей семье дороже, ближе.

— Зато я была от него далека...

И Паша снова заговорила о Сергее, которого полюбила за его исключительное трудолюбие, за искреннее отношение к ней. Ведь это Сергей окружает ее вниманием и заботой, радуется каждому ее успеху и вместе с ней переживает неудачи. Работая в МТС, а затем в райкоме комсомола, он одновременно учится в заочном институте. Сергей находит время и ей помогать учиться.

— Таким я люблю Сергея, — заключила Паша. — А вы считаете, что я не смогу связать свою судьбу с ним?

Нет, Никита Васильевич ничего не считал, он лишь высказал то, что он думал.

Еще полгода спустя Паша вышла замуж за Сергея.

— Любите друг друга... Да смотрите же внука мне даруйте, — сказал молодым Никита Васильевич и смахнул с лица набежавшую слезу.

В том году теплая погода в Донбассе наступила в апреле. И в ясный, солнечный апрельский день Паша родила дочь. Имя дали ей Светлана. Никита Васильевич сиял от счастья, он теперь говорил, что лично он, «дедушка Василич», ждал именно ее, вот эту самую внучку Светочку, крепенькую, пухленькую.

С рождением Светланы появились новые заботы, новые хлопоты.

Паша очень любила детей, дружбу с ними заводила с полуслова. Всея бригадой они шефствовали над школой, с Пашиной помощью была оборудована детская библиотека, созданы площадки для разных игр. Дети души в ней не чаяли, звали «тетя Паша», и, когда она приходила в школу, они окружали ее плотной стеной.

Домашние шутили, что со временем Паша обзаведется семьей человек в двенадцать, причем все будут обшиты, обмыты и накормлены: более умеренные представления о семейном благополучии как-то не вязались ни с расточительной щедростью ее доброго сердца, ни с самим обликом ее.

Паша была очень деятельная, работоспособная, всегда занятая колхозными и энтээсовскими делами. С появлением на свет дочурки она как-то сразу растерялась. Времени теперь ни на что не хватало: днем и ночью была на ногах: то надо было спешить в МТС, то решать дела в правлении колхоза, то пеленать Светочку (а Паша этого даже родной матери не доверяла), то кормить ее, то купать.

Ефимия Федоровна, посмеиваясь, говорила:

— До чего же чудно, Пашенька, видеть тебя в новой роли...

Светлана росла очень спокойной и тихой девочкой. Много была на воздухе: даже в лютые морозы Паша выносила ее на улицу, чтобы «крепчала телом и душой».

Но больше всех, кажется, возился с внучкой Никита Васильевич. Только возвратится с работы, возьмет ее на руки и до позднего вечера забавляется: «Светочка, а Светочка, скажи: де-да! Светочка, радость ты наша, ну говори: па-па! ма-ма! ба-ба!»

Сергея в последнее время не занимали семейные дела. И у Никиты Васильевича не оставалось сомнений: что-то надломилось у Сергея, связанное с Пашей. Не случайно он редко бывает дома, не помогает в хозяйстве, ни о чем не спрашивает, не рассказывает, как бывало раньше, о делах, о радостях и переживаниях.

— По стариковски, может, я и ошибаюсь, как ты, Федоровна, толкуешь? — сказал как то Никита Васильевич. — Но отношение Сергея к нашей Паше непонятно. Неласков он.

Ефимия Федоровна покачала головой она не согласна. Она оправдывала Сергея ведь секретарь райкома комсомола. Потому и редко дома, хоть пополам переломись, а все сделать невозможно. Молодежи много, а у каждого комсомольца свои хлопоты, запросы, желания. Кому же откликаться, как не ему?

— Ты о нем плохого не думай, — тихим и ласковым голосом говорила она Никите Васильевичу, — человек он бесшумный, непьющий, вроде наших ребят, покладистый.

Никита Васильевич не спорил. Может, он в самом деде ошибается в Сергее. Ефимия Федоровна лучше разбирается в сердечных делах.

— Бог с ним — Никита Васильевич обнял ее. — Паша тоже перегружена, редко дома бывает. Просто, признаться стало мне вдруг

больно. Ведь она-то к нему с открытой душой.

То был обыкновенный зимний вечер. Ефимия Федоровна постучала соседке Варваре Осиповне и пригласила ее в гости. Внучку уложила спать.

Втроем — Никита Васильевич уже был дома — сели за стол в большой светлой комнате, пили чай с вареньем и рассказывали друг другу разные новости.

Уже поздно вечером явился Сергей, снял пальто и, ни на кого не глядя, прошел в детскую.

— Спит Светлана?

Никита Васильевич прошел вслед за ним.

Сергей остановился у кровати вглядываясь.

— Не находите Никита Васильевич, что в моей дочурке ничего нет Пашиного?

— А ты радуешься?

— Во всяком случае, не печалюсь, вылитая моя мать.

Никита Васильевич пытливо следил за каждым его движением.

— Так — произнес он наконец — Ну и что?

— Просто уточняю' — выкрикнул Сергей, не справившись с раздражением.

— Матери твоей я не видел, — сказал Никита Васильевич, — ну а то, что в моей внучке много от Ангелиных, — это уже доподлинный факт.

Размолвка грозила разрастись, если бы Ефимия Федоровна не остановила спорящих. Она увела Никиту Васильевича, потом побежала на кухню, внесла самовар и пригласила Сергея попить чайку. Он отказался. Видите ли, ему некогда, забежал мимоходом, едет в Марьяновский колхоз по неотложным делам.

Казалось, разговор был исчерпан. Все окончилось благополучно. Еще мгновение, и Сергей уйдет. Он же направился к выходу, но у двери обернулся и раздельно произнес.

— Передайте Паше, чтобы дочку накормила да и сидела бы дома, как все матери.

Пауза была долгой, наконец Никита Васильевич спросил.

— Это что же, приказание секретаря райкома комсомола?

— Да, секретаря и мужа Ангелиной! — резко бросил Сергей.

— Слыхала, Федоровна, наказ Сергея, а? — глухо спросил Никита Васильевич, как только тот исчез за дверью.

Она положила ладонь на тяжелою его руку, как бы призывая к спокойствию. Все это пустое, несерьезное, мальчишеское. Наверно, под

настроение вырвалось.

Долго Никита Васильевич не мог успокоиться. Лежал без сна, все думал.

За окном ревел ветер, снежные хлопья били в стекла. Время шло, Паша не возвращалась с работы. А он, Никита Васильевич, лежал с открытыми глазами и будто всматривался в недоброе лицо Сергея, а в ушах все еще звенел грубый голос его: «Передайте Паше».

Было три часа, Паша все еще не приходила, и не было сомнений: она придет к утру — верно, спешная работа. Позавидуешь такой выносливости. А Сергей? Он переоценил себя, зазнался и стал просто грубияном. И за что Паша только так его любит? Вот о чем размышлял Никита Васильевич. И еще он думал о том, что Сергей ошибается; не привязать ему трактористку Пашу к кухне.

Отворилась дверь — Никита Васильевич увидел перед собою Пашу.

— Коссе так поздно задержал? — спросил он.

— Нет, в МТС одну каверзу выправляла...

— И выправила? — заволновался Никита Васильевич.

Она успокоила его — все идет хорошо. Даже голова кружится оттого, что дела пошли так здорово. Спешила домой — спина стала вся мокрая, хотя мороз усиливается. Да еще в мастерской ребята задержали... Пришлось выслушать, посоветовать. У каждого свои заботы, а копнешь глубже — все это заботы общие, колхозные...

Внезапно Паша оборвала разговор, прошла в комнату к дочери, потом, когда возвратилась, спросила:

— Сережа приходил?

— В Марьяновку выехал...

— Наверное, так надо. Сергей повел комсомол района в гору.

— С показухой в лужу сядет этот пустоцвет... — И добавил с горечью: — Ослеплена ты своим Сережкой. Ручаюсь, вытряхнет его комсомолия. Может, рассказать о сегодняшнем поступке милого зятя?.

— Не надо... в другой раз, — устало ответила она.

Паша ушла в свою комнату, потушила свет и повалилась в постель. Она прятала лицо в подушку, чтобы ни отец, ни мать не слышали ее всхлипываний. Никто не должен знать, что Паша, первая в стране женщина-трактористка, которая своим благородным примером увлекает на великие дела тысячи и тысячи крестьянок, переживает личную семейную драму.

Всю неделю Паша была занята в МТС. В субботу вечером Сергей обещал прийти за нею, но его почему-то долго не было. Солнце давно

скрылось, кое-где в избах уже зажегся свет, а Паша все еще стояла возле отремонтированного трактора и вертела в руках поднятый ею блестящий металлический шарик. Эта потребность в минуты раздумья вертеть в руках какой-нибудь предмет укоренилась в ней с детских лет.

Уже решив покинуть усадьбу МТС, она увидела бегущего Сергея и услышала его дрожащий голос:

— Тоже мне мать! Тебе бы совсем перебраться в МТС на постоянное местожительство.

— Сереженька, милый, а знаешь, это действительно гениальная идея. Ты, как секретарь комсомола, помоги осуществить ее.

Он не ответил. Паша сказала, что решила пригласить его в колхоз. Разговор предстоит сегодня серьезный, о кукурузе, о том, как поселить ее на старобешевских полях. Трудное это дело — возделывать кукурузу. Но зато почетно.

— Ни в какой колхоз я не пойду, — упрямо сказал он, — мы приглашены в гости к Константину Муравенко...

— Твой дружок? — поразились она и отшатнулась от него. — Ты забыл, что сам голосовал за исключение его из комсомола. Ведь отпетый хулиган, пьяница!..

Нет, Сергей не забыл. Он голосовал за его исключение. Но с тех пор, мол, прошло два года. Теперь он перевоспитался. Свой человек. Веселый, задорный и первостатейный баянист.

— Я обещал и выполню свое слово. А ты отправляйся куда хочешь.

— Не куда я хочу, а туда, где могу принести пользу...

И зашагала от него так быстро, будто боялась, что он сейчас же погонится за ней.

...В правлении колхоза былолюдно. В большой светлой комнате, где обычно происходили заседания правления, старший агроном МТС Никифор Литовченкознакомил колхозников и механизаторов с новой агротехникой обработки земли под кукурузу. Многие не одобряли ставку на кукурузу. Колхозник Степан Иванович Николаев говорил, что в донецких просторах ветры выдуют семена и земля заполнится опаснейшими сорняками. Такие же доводы не в пользу кукурузы приводил старейший хлебоборб Александр Матвеевич Терещенко. По всему чувствовалось, что правление колхоза от посевов кукурузы пока воздержится.

Очевидно, Литовченко решил положить конец необедительным, с его точки зрения, разговорам. Споры — само собою, а кукурузу надо повсеместно внедрять.

— Я ручаюсь, что стоит нашим механизаторам взяться, и они

обеспечат высокие урожаи. — И обратился к Паше: — Поддерживаете?

Паша все поняла, не нужно было ей обстоятельно растолковывать. Так все ясно: кукуруза должна занять и займет достойное место в артельном хозяйстве.

Что же было потом? Пришел день, и трактористы обработали и засеяли кукурузой небольшой массив. В итоге на площади в десять гектаров колхозники сняли по двадцать пять центнеров кукурузы с гектара.

— Важно начать, а теперь уже не страшно, — радовался агроном Литовченко, когда Паша поделилась своими дальнейшими планами по возделыванию кукурузы уже на больших площадях, — я думаю, даже самый отсталый человек не осмелится нынче выступать против посевов кукурузы в донецкой степи.

ДВИЖЕНИЕ ПАТРИОТОК

Страна стремительно шагала по дорогам пятилеток. Каждый день приносил радостные вести: вступал в строй новый завод, дала ток новая электростанция, понеслись поезда по новой железной магистрали. Один за другим вступали в строй мощные гиганты индустрии: Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Сталинградский, Челябинский, Харьковский тракторные заводы, Краматорский машиностроительный завод, Уралмаш, Днепрогэс...

Советские люди не жалели сил и средств для перевооружения своей страны, успешно создавали новую светлую жизнь.

А на Западе? Именно в это время бесноватый фюрер вынашивал свои бредовые планы «крестового» похода против СССР. Он кричал о превосходстве арийской расы, призывал стереть с лица земли «мировой коммунизм». И верный фашистский пес Муссолини уже формировал боевые отряды чернорубашечников для борьбы против свободолюбивого испанского народа.

За тысячи километров от нас, в горах Гвадаррамы, уже начались кровопролитные бои республиканской Испании за свою независимость. Отзвуки этой войны доносились и сюда, в Старо-Бешево. Трактористки видели, как распространяется фашистская зараза, какой страшный «новый порядок» несет народам фашистский режим.

...Каждое воскресенье девушки бывали в Доме культуры. В этот воскресный вечер показывали кинохронику. В развалинах лежал Университетский городок под Мадридом. Юноши в клетчатых рубашках, плохо вооруженные, но смелые и отважные, героически защищали родную землю. У фашистов были танки, пушки, самолеты, но они долго не смогли сломить сопротивление республиканцев. Стрелял каждый дом, каждый камень. Юноши шли в атаку, и танки поворачивали назад...

«Какие молодцы!» — восторгалась республиканцами Паша.

«Гоните, гоните, друзья, извергов! — сжимались кулаки у Наташи Радченко. — Бейте гадов!»

...Из осажденного Мадрида увозили детей, и матери, плача, бежали за машинами. Дети махали им своими крошечными ручонками.

— Девушки, если потребуется, если Родина призовет, нам нетрудно будет пересечь и на танк, — сказала Наташа. — Правда?

— Верно, Наташа! Держись тогда дуче Муссолини и фюрер Гитлер! —

подхватила ее слова Верочка Коссе.

Выходили все вместе из кино. Паша высвечивала фонариком дорогу. Подруги обсуждали только что увиденную картину.

Испания, далекая, мужественная, истекающая кровью страна, стала им близкой, как родной дом, как свои бескрайные колхозные поля... И девушки еще раз подумали о том, что, став трактористками, они овладели и мирной и военной профессиями. В нужную минуту они смогут стать на защиту Родины.

Спустя несколько дней произошло, казалось бы, невозможное, невероятное событие. В Старо-Бешево пришло письмо из далекой Испании.

«Барселона. Испания. 15 апреля 1937 года.

Товарищам трактористкам Старо-Бешева.

Дорогие друзья! Вместе с письмом посылаем вам наш горячий дружеский привет. Мы в своей маленькой стране ведем борьбу за свое счастье, за свою независимость. Надеемся, что когда вы в этом году будете праздновать международный революционный день Первого мая, вы вспомните ваших испанских братьев и сестер, которые борются за мир, за счастье, против кровавого фашизма.

Мы пользуемся случаем поблагодарить вас от имени испанских рабочих и крестьян за вашу солидарность и помощь испанскому народу.

Жмем ваши руки. Ваши испанские друзья».

В тот же день Паша со своими подругами Наташей и Марией Радченко отправила в Барселону ответное письмо:

«Защищайте сердце своей демократической республики — революционный Мадрид, — писали они. — Мужайтесь, организуйте силы, укрепите организованность, дисциплину — и вы победите!»

О прекрасном начинании старобешевских девушек узнал весь мир. Бойцы республиканской Испании приветствовали их, как соратников по борьбе за светлое будущее народов всех стран.

12 декабря 1937 года избиратели 474-го Амвросиевского избирательного округа единодушно отдали свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Большое доверие избиратели оказали бригадиру первой в стране женской тракторной бригады Паше Ангелиной, послав ее в высший орган советской власти.

А спустя год в жизни Паши произошло еще одно немаловажное

событие. На областной партийной конференции ее избрали делегатом 15-го съезда Коммунистической партии Украины.

Дни стояли короткие. Темнело рано, по-зимнему. Собираясь в дорогу, Паша стала прощаться со всеми домашними, хотя не бог весть куда ехала — от Старо-Бешева до Киева рукой подать. После неизбежных в таком случае напутствий и советов беречь себя и толково рассказать о делах колхозных лично Никите Сергеевичу Хрущеву, если посчастливится с ним встретиться, все вышли проводить Пашу к машине. В доме остался один Сергей. Перед ее уходом он сдержанно пожал ей руку:

— Ну, так держись, если что...

Еще в дороге Паша успела до мелочей обдумать свое выступление, даже конспект составила, но все случилось иначе, чем она предполагала. Когда Паша поднялась на трибуну съезда и увидела доброжелательные взгляды делегатов, она отложила свою записную книжку и стала говорить без конспекта. Она рассказывала о делах в своей деревне, в колхозе и эмтээс. Когда перешла к делам бригады, в зале поднялось оживление.

— Партия подняла колхозное крестьянство для свершения великих дел на родной земле, — звучал в тишине ее голос. — Мы, трактористки, на призыв родной партии отвечаем, что готовы совершить любой подвиг.

— Твоим трактористкам верим, Паша, — по-отечески ласково сказал в этот момент Никита Сергеевич. — Но теперь международная обстановка ставит перед нами более сложные задачи. Надо замечательный опыт твоей бригады сделать достоянием тысяч и тысяч крестьянских девушек. Так, Паша?

Никита Сергеевич помолчал, как бы давая ей возможность продумать только что услышанное.

Ответ Паши легко было прочитать по ее глазам:

— За нами дело не станет, самые сложные задания родной партии выполним. Бороться за высокие урожаи, Никита Сергеевич, готовы не только старо-бешевские девушки. Я получаю много писем. Их тысячи... Девушки просят обучить их тракторному делу. Наш злейший враг — фашизм. Восемьдесят восемь тысяч тракторов работают на полях Украины. И если бесноватый Гитлер пойдет на нас войной и трактористы уйдут на фронт, кто их заменит? Мы, сестры и жены, должны будем их заменить. Девушки, на трактор!

Никита Сергеевич вышел из-за стола президиума и протянул ей руку:

— Не знаю кому как, а мне лично нравятся твои рассуждения, Паша. Доводы твои убедительные, похвальные. Мы должны, это наша святая обязанность, быть готовыми ко всяким неожиданностям. В случае войны

сегодняшние трактористы завтра станут танкистами. Следовательно, нам надо крепко подумать о достойной их замене. Колхозы Украины должны подготовить много тысяч трактористов, бригадиров, механиков. Можем ли мы подготовить такую армию механизаторов?

— Можем! — гулко ответил зал.

— Конечно, можем! — с радостью подтвердила Паша. — В одном нашем Старо-Бешевском районе трактористами, механиками и бригадирами уже работают сто двадцать пять девушек.

— Очень хорошо, что такое молодое племя растет, — сказал Никита Сергеевич.

— Да, Никита Сергеевич, наши девушки крепко подросли!

Девушки из бригады Ангелиной давно уже работали на новых отличных тракторах «СТЗ-НАТИ». Правда, они с удовольствием вспоминали и тракторы «ХТЗ», с которыми были связаны их первые победы. Но теперь задания были посложнее. Девушки боролись за то, чтобы выработать каждым трактором «СТЗ-НАТИ» по две тысячи триста гектаров.

Они снова добились успеха. В тридцать восьмом году трактористки бригады Ангелиной выработали на каждый трактор по две тысячи семьсот гектаров и сэкономили по тысяче килограммов горючего.

Какими же путями шли старо-бешевские трактористки к своей победе? Они прежде всего сократили холостые переезды тракторов, уплотнили рабочий день, обеспечили подвоз горючего к месту работы, улучшили качество ремонта, наладили технический уход за тракторами и инвентарем. Благодаря этим и другим мероприятиям девушкам удалось на двадцать пять — тридцать процентов повысить полезную работу каждого трактора по сравнению с прошлыми годами.

Успехи окрыляли, звали на новые подвиги во славу Родины.

Через газеты «Правда», «Известия» и «Комсомольская правда» Паша Ангелина обратилась с горячим призывом к советским женщинам овладеть управлением трактора. «Сто тысяч подруг — на трактор!» — писала она в своем обращении. На призыв ее откликнулось двести тысяч девушек!

На Алтае и в Сибири, на Урале и в Белоруссии, в Армении и в Грузии, в Поволжье и на Дальнем Востоке женщины — жены, сестры и невесты трактористов — вливались в бригады, создававшиеся в машинно-тракторных станциях. В деревнях и селах, в далеких кишлаках и аулах организовывались курсы по изучению трактора, комплектовались женские тракторные бригады. Следуя примеру Паши Ангелиной, бригадирами тракторных бригад стали молодые колхозницы Прасковья Ковардак и

Мария Мухартова.

В тридцатом году Паша была единственная в стране трактористка. Прошло десять лет. И за рулем трактора уже находились двести тысяч трактористок.

Так в колхозной деревне родилось новое патриотическое движение.

В дверь осторожно постучали: вошла колхозная сторожиха Варвара Гавриловна, высокая и суховатая старуха, мать четырех сыновей и пятерых дочерей.

— Паша, немедля собирайся к Дмитрию Лазаричу, — сказала она.

— Срочность какая?

— Об этом мне товарищ Коссе не докладывал, — ответила сторожиха.

Паша объяснила, что закончит вот стирку и тотчас же отправится в правление колхоза. Нрав Дмитрия Лазаревича был известен: уж если зовет — приходи сейчас же, иначе бури не избежать.

Дмитрия Лазаревича Коссе Паша знала с детства. Был он настоящий хлебороб. Дружба с ним началась у нее еще лет шесть назад, когда он стал председателем колхоза. Кандидатуру Коссе на колхозном собрании назвал сам Никита Васильевич. Он тогда так говорил: «Все мы хорошо знаем Дмитрия Коссе. Человек он способный, грамотный, обладает ясным, прозорливым умом. Хозяйственный мужик. В самые, казалось бы, отчаянно тяжелые дни кулацких провокаций Дмитрий Коссе всегда находился с передовыми колхозниками, бесстрашно воевал за новую жизнь. Дмитрий Лазаревич знает и практику обработки земли, да и теоретически он подковал себя не хуже любого агронома. Поэтому, друзья мои, я и рекомендую Дмитрия Лазаревича председателем колхоза и верю, что он оправдает наше высокое доверие».

Дмитрий Лазаревич и в самом деле оказался крепким руководителем артели. Под его руководством выросли все отрасли колхозного производства. Он работал не в полсилы — целиком отдавался колхозной работе. Правда, не всем в деревне пришелся он по душе. Кое-кто даже прозвище ему дал: «Скупой рыцарь». Но передовые люди артели говорили:

«Нам такой «Скупой рыцарь» хорош, именно благодаря ему колхоз наш накопил миллион».

Дмитрий Коссе с необыкновенным упорством начал внедрять на полях старо-бешевского колхоза новую, передовую агрономическую науку. Он знал «секрет», как ухаживать за донецкой землей. И труды его не пропали даром: год за годом старобешевцы снимали устойчивые урожаи пшеницы. Вот почему Паша Ангелина, бригадир тракторной бригады, с таким

уважением относилась к этому человеку.

...Когда Паша вошла в правление, Дмитрий Лазаревич строго на нее покосился.

— Вы меня звали? — спросила Паша.

— Да-а-а, — протянул Дмитрий Коссе. — Странно, очень странно... — он торопливо перебирал на столе какие-то бумаги. — Ты садись, разговор у нас серьезный... Вообще говоря, ты почему-то редко к нам заглядываешь.

Паша пожала плечами и заметила, что, насколько она помнит, они вчера виделись и даже основательно поспорили.

— Вчера? — переспросил Коссе. — Ну, да ведь сегодня появилась новая потребность...

— Опять поспорить?

Дмитрий Коссе не ответил на шутку, подсел к столу и задумался. Разговор зашел о будущем колхоза, о перспективах роста различных отраслей хозяйства. Вспомнил, какой допотопной техникой обрабатывалась в прошлом донецкая земля, каким каторжным трудом добывался хлеб, а затем стал говорить о том, что несет с собой новая агрономическая культура и из каких главных элементов она, по его мнению, складывается.

— Вы считаете, что мы недостаточно умело пользуемся новой агрономической наукой? — в упор и быстро спросила Паша.

Дмитрий Коссе выдержал длительную паузу. Потом протянул бригадиру свою «особую» папку с бумагами, диаграммами, снимками. Паша долго рассматривала эти материалы и поняла, что речь идет о том, чтобы создать на больших степных просторах лесозащитные полосы и таким образом защитить посевы от суховеев.

План был очень интересный, и Паша взволнованно поддержала эту идею.

— Неужели есть люди, которые не верят в осуществление этого плана?

— Конечно, есть. Но если бы я в него не верил, то зачем же я коптел над этим, — сказал Дмитрий Лазаревич. — Большое это дело — лесонасаждения. Для нашего степного района, где почти нет деревьев, оно приобретает, по-моему, особенное значение.

— Прекрасно, — живо откликнулась Паша. — А что же получится от этой идеи, если другие ее не поддержат?

— Не поддержат? Старожилы на моей стороне. А твой батя просто заболел новым планом. Мы несколько ночей вместе просидели над ним.

— Выходит, что отец все это время коротал с вами.

— А что?

— Он дома оправдывался, что играл в домино.

— Между прочим, в перерывах стучали и костяшками.

Вдвоем они вышли на улицу. Шли медленно, продолжая начатый большой разговор.

Уже светало. Все вокруг — и дома, и сады, и зеленеющие равнины — окрашивалось в светлые тона.

— Я знаю, вначале дело пойдет туговато, на пути встанут немалые трудности. Но подумай, Паша, как будет здесь все выглядеть, когда мы полностью осуществим свои планы! Степь, голая степь будет закрыта для суховеев.

Дмитрий Лазаревич повел ее вверх по улице, чтобы при восходе солнца получше рассмотреть степные равнины.

— Вон оттуда, — сказал он с вдохновением, указав вперед рукой, — пойдут полезащитные полосы. Они будут ограждать наши земли от суховеев. Сорок пять с лишним гектаров леса. Мы посадим и березу, и грушу, и сливу, и ясень. Одним словом, переделаем природу помичурински.

Еще долго-долго смотрел Дмитрий Лазаревич в степную даль, любуясь первыми лучами восходящего солнца и картиной будущего, которая поднялась перед его глазами.

Паша попрощалась с председателем колхоза и заторопилась по утоптанной дорожке уйти в степь, где уже рокотали тракторные моторы.

Третий день кряду девушки вели пахоту под посев кукурузы.

Сегодня первый день, когда Паша не выехала в поле. Бригадирские обязанности она передала сестре Наде, а сама уезжает учиться в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева.

В этот день двери дома не закрывались с самого раннего утра: приходили прощаться и пожелать счастливого пути молодые и старые колхозники. Школьники принесли подарок с трогательной надписью: «Любимой тете Паше от колхозных ребят».

Когда наступили сумерки, Никита Васильевич зажег все огни, даже лампочку у парадного подъезда, которую обычно включают только по большим праздникам.

— Итак, дорогие гости, прошу к столу! — весело закричал Сергей. Он был в лучшем своем костюме, с белым воротничком и голубом в крапинку галстуке.

Николай повернулся к нему и прищурил глаза.

— Ты что-то в ударе сегодня, Сережа. Чем же ты, дорогой тамада,

угощать будешь?

— Федоровна наготовила всего столько, что хватит на полк солдат, — рассмеялся Сергей. — А для нас с тобой есть особая.

— Разве ты пьешь? — удивился Николай.

— Первоклассно хлестаю, Николай.

Пашу всю передернуло от этих слов, но она промолчала. Не хотелось омрачать праздник.

С места поднялся Иван Михайлович Куров и предложил тост за успехи Паши в учебе.

Никита Васильевич пригласил всех гостей поднять бокалы за родную партию, за счастье жить в Советской стране.

— За нашего друга Пашу! — крикнул Дмитрий Коссе.

— За всю семью Ангелиных! — подхватил Григорий Харитонович Кирьязиев.

Куров дал слово Дмитрию Лазаревичу.

— За вами стихи, Дмитрий Лазаревич! — тут же крикнул Николай.

Послышались дружеские хлопки.

— Маяковского... Маяковского!..

Дмитрий Лазаревич поднялся. Вскинув голову, он вдохновенно стал читать:

*Партия и Ленин —
близнецы братья —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем —
Ленин...*

Было без десяти девять. К дому подкатила машина.

Кто-то постучал в дверь.

— Думаю, это наш Алексей, — заторопился хозяин дома. — Видимо, запоздал немного старик.

Паша выбежала навстречу. Никита Васильевич не ошибся.

— Милости просим, дедушка.

Паша уступила ему свое место.

— Э-хе-хе... Старика-то забыла! — сказал он сердито.

— Налить штрафную — крикнул Сергей.

— Желаю тебе удачи на ученом поприще, Пашенька! — сказал дедушка Алексей.

Паша покраснела.

— Куда мне до учености, поучусь немного и домой вернусь.

Но старик рассудил иначе.

— Не верю, Пашенька. Меня, старика, не обманешь. Останешься в Москве, в Старо-Бешеве и на аркане тебя не притащишь. Как же, выросла, ученой стала! Но знай, Паша, ученые нам и в колхозе нужны. Хорошо, что в самую академию едешь... Жаль, не мои лета, а то и я бы подался в ту самую академию. Без науки, детки, нельзя нынче даже старикам...

Паша взглянула на часы. Пора было ехать. Провожающие вышли к машине, а она отправилась в детскую. Светлана крепко спала, подложив под голову ручки. Прежде чем поцеловать дочь, Паша поправила одеяло. Потом на цыпочках, закрыв за собою дверь, вышла на улицу.

Вечер был тихий и ясный. «Газик» мчался по широкой гудронной дороге в сторону Иловайска. Паша смотрела в окно и махала платочком, прощаясь с земляками, сидевшими на завалинках перед избами. Неоглядные просторы колхозных полей, выстроенные из камня и бетона животноводческие фермы, клубы и детские ясли, ровные улицы, утопающие в зелени, синева неба, на котором переливались золотые алмазы, — все волновало Пашу. Не раз приезжала она в эти деревни и села, чтобы встречаться с избирателями.

— Трудно расставаться, Паша? — добродушный голос Сергея заставил ее обернуться.

— Да, все такое родное, близкое.

— Понятное чувство... — и, запнувшись, умолк.

— А есть ли у тебя понятие о глубоких чувствах! — покачала она головой.

— Странно... У кого их нет?

— Ты не сердись, — сказала Паша после долгой паузы, прижавшись к плечу Сергея, — а спокойно отвечай мне, ты можешь, наконец, стать другим?

— Каким? — раздраженно спросил он.

— Ну таким, каким был, когда слесарем работал... Простым,

доступным для всех, человеком достойным, мужественным, любящим свою семью.

Сергей вспыхнул, но сдержался. Он старался говорить спокойно. Может, она считает, что секретарство избаловало? Чепуха. Ведь к молодежи он хорошо относится, пользуется авторитетом и уважением. Все-таки секретарь райкома комсомола. На последней конференции его снова избрали. Правда, против него голосовали пятьдесят семь делегатов. Ну, а остальные сто пятьдесят проголосовали «за».

— Да, дорогой, — выслушав исповедь его, сказала Паша, — все же ты гораздо хуже, чем кажешься... — И добавила с сожалением: — Да к тому же еще часто выпиваешь.

— Положим, не так... — отшучивался он, — я убежденный трезвенник; обеими руками голосую за «сухой закон».

— Но пока он у тебя мокрый. Ты кончай свои походы к друзьям.

Она требовала от него прекратить выпивки, быть к себе требовательнее, строже. Ее муж должен стать другим, умнее строить жизнь.

Сергей внимательно слушал и кивал головой. Спорить не надо, сейчас не время. Он обещает «умнее строить жизнь»...

— Правда, у меня все быстро меняется? — спрашивает он Пашу и обнимает ее.

Она смеется. Что верно, то верно. Так быстро, что иногда за ним не уследишь. Ей становится даже весело: «Какой Сергей послушный, смирный! Прямо ангелочек!» Значит, можно влиять на него? Конечно, можно. Надо за него драться, вырвать из рук «влиятельных» дружков. Ведь легче всего развестись и выгнать прочь Сергея. Труднее его спасти, исправить.

Нет, нельзя, не может она ломать семейную жизнь, терять мужа и отца для Светочки.

Занятые разговорами, они не заметили, как машина въехала в Иловайск. Оставалось еще полчаса до отхода поезда Тбилиси — Москва.

ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Два года училась Паша в Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Но на третий год, в счастливый год ее жизни, когда у нее родился сын Валерик, чрезвычайные обстоятельства оторвали ее от учебы.

Каждый год Паша проводила каникулы в Старо-Бешеве. Так было и в то лето 1941 года.

В воскресенье 22 июня она работала в поле, когда узнала, что гитлеровская армия совершила вероломное нападение на нашу Родину.

Небо было чистое, голубое — ни единой тучки. Солнце палило. Ни ветерка, ни дуновения, хотя бы колосок пошевелился. Когда слышали о начале войны, в степи такая тишина настала, что казалось, сдавливает грудь. Девушки стояли, взявшись за руки, и можно было подумать, что они уже никогда не выведут свои запыленные «ЧТЗ» и «СТЗ» в борозды.

— Почему мы здесь? — нарушила молчание Наташа Радченко.

Наташа посмотрела на Пашу. О чем она думает?

— Надо проситься на фронт, всей бригадой влиться в одну танковую часть.

— Не то говоришь, Наташа, — сказала Паша, плечом касаясь Наташиного плеча. — Ты собираешься на фронт? А я, напротив, надумала остаться. Надо же кому-нибудь хлеб давать стране.

— Воля твоя решать, как хочешь, а. только мое место на фронте, — сдержанно ответила Наташа и посмотрела на подруг, как бы ища у них поддержки.

— Найдутся другие, кто заменит нас на тракторе! — крикнула Вера Коссе.

Все заспорили. Леля Ангелина в упор спрашивала Веру Коссе, собирается ли она на фронт. Наташа перебила подруг и стала говорить о том, что им надо лучше работать и завтра же с самого утра переехать на новый участок, чтобы за два дня закончить зяблевую пахоту.

— Ну, это другой разговор. — Паша вскочила на трактор. — Пора, девоньки!

Работать девушки стали круглые сутки. К первому июля вспахали девятьсот гектаров земли. Бригада Ангелиной работала вблизи шоссе, которое вело на Ростов. День и ночь слышался скрип повозок и мычание гуртов, угоняемых в тыл. Эвакуация шла полным ходом.

В тот день девушки рано закончили работу. Рано ли? Было одиннадцать вечера. Весь хлеб на площади в две с лишним тысячи гектаров был убран до зернышка. В фонд обороны Советской Армии колхозники сдали сверх плана десять тысяч пудов зерна.

Ужин давно приготовлен, но есть никому не хотелось. Потушили свет, легли отдохнуть. Лежали молча, не ощущая усталости, прислушиваясь к новым звукам — звукам, принесенным начавшейся войной. Отчетливо слышался цокот копыт военных патрулей.

— Ты не спишь, Наташа? — спросила Паша, обнимая подругу. — Спи... завтра с утра снова пахать.

Наташа поднялась, подошла к окну.

— Темно и грустно. Ни огонька в деревне... Призваться, душно мне здесь... Я бы молнией понеслась на танке. Если бы ты знала, как мне хочется на фронт, мстить злему врагу! Такую жизнь покалечил, гад!

Испытующе, как бы взвешивая силу своей подруги, Паша осмотрела ее с ног до головы, сказала:

— Ух, ты у нас боевая, сильная... Пустила бы на войну, но боюсь, что без меня скучать будешь.

— Тогда давай вдвоем, Паша. — В больших черных ее глазах зажглись огоньки. — Сергея оставь со Светочкой и Валериком, а сама просись на фронт.

Но Паша только усмехнулась.

— Глупенькая ты, Наташка... Кто же нам позволит такое делать? Нет, мы хлеб фронту давать обязаны Ясно?

До сознания Наташи не доходили слова бригадира трактористов Ангелиной. Она прикусила губу от обиды, проклиная себя в душе, что в первый день войны не подалась в райвоенкомат.

«Ну, хорошо, допустим, Паша, тебя, бригадира, не пускают на войну, но какое это имеет отношение ко мне, рядовой трактористке? — мысленно обращалась к ней Наташа. — После реорганизации тракторной бригады в марьяновском колхозе я добровольно пришла к тебе работать. Надеюсь, что в любой момент, когда только потребую, ты поможешь мне уехать на фронт. А ты? Читаешь лекции по политграмоте и не отпускаешь из бригады. Это, Паша, несправедливо. Что-то ты дипломатничаешь! Не похлопочешь за меня, сама добьюсь отправки в любую танковую часть...»

Размышления ее прервала Паша.

— Ты еще не спишь?

— Нет. А что? Может, надумала похлопотать за меня в военкомате?

— Да, чтобы высекли упрямую подруженьку, — усмехнулась Паша.

Наташа не ответила. Тяжело дыша, она чуть приподнялась и выглянула в окно. Рассвет еще не наступал. В эту минуту кто-то шумно постучал в дверь вагончика. Паша стремительно вскочила, зажгла огарок свечи.

Паша не поверила своим глазам. Вошел Сергей, а с ним брат Наташи, черноглазый, с черной как смоль копной волос — Петр.

— Это ты, Сергей? — воскликнула Паша, разглядывая его. Вид у него был утомленный. Воспаленные глаза. Лицо заросло щетиной.

— А что? Не может быть? — смеясь и обнимая ее, отозвался Сергей. — Собственной персоной, самолично.

Девушки повскакали с коек и обступили Сергея и Петра.

— Соскучились, друзья? — перекрывая шум, спросила Наташа.

— Откровенно говоря, нет... Некогда было.

Так больно отозвались в Паше слова «некогда было», что она была готова воскликнуть: «Мой Сережа не умеет скучать. Это чувство чуждо ему». Но она смолчала, и только ее побледневшее лицо выражало волнение. За два месяца работы в поле Сергей не нашел времени, чтобы поинтересоваться, как живет и работает его жена, бригадир тракторной бригады, в чем нуждаются ее подруги. Ведь время тревожное. Война!.

Вера Коссе тут же заметила, что такое объяснение не делает чести секретарю райкома комсомола. Надо проявлять постоянную заботу о комсомолках-трактористках, работающих для победы над врагом, вникать в их дела, помогать им по силе возможности.

— Ах ты, кусачая! — поначалу задетый такой прямоотой и оторопевший, громко произнес Сергей. — Каюсь, виноват, исправлюсь.

Последнюю фразу Сергей добавил только потому, что не хотел накалять обстановку и вызывать девчат на критику. Их только затронь, попробуй отвертеться! И Паша, будто только и ждала открытого признания от Сергея, подавляя суровость, сказала:

— Ты не обижайся. Ведь знаешь, как всем трудно. Пришло тяжелое испытание...

— Солдатское. — Сергей выпрямился. Скулы его зарумянились. Он свернул папиросу, закурил и после двух-трех затяжек неожиданно добавил: — И я признан в армию. Секретарство уже сдал.

— А я? — вырвалось у Паши.

Он пытливо посмотрел сначала на девушек, потом на Пашу. Им самим пахать, сеять и хлеба убирать. Ребята все на войну ушли. Устоят ли трактористки? Справится ли Паша? Он невольно проникся сочувствием к ней.

— Ты, конечно, Пашенька, останешься в Бешеве. Это, пожалуй, самое

правильное решение: надо же кому-нибудь крестьянствовать.

— И как никогда крестьянствовать! — поддержала Паша. — Работать на полях не устанем, нервы крепкие. Ты только смотри оправдывай народное доверие на фронте.

Он хотел что-то ответить, но властная рука Петра легла на его плечо: мол, пора прощаться.

— Да... да, именно так, — поторапливал Петр, — вам скоро начинать работать, а нам с Сергеем Петровичем ехать. — Он подошел к Наташе и, приподняв ее голову за подбородок, заглянул ей в глаза — Ты чего разревелась? Вытри глаза. А еще на фронт, на танк просится! Там железным нужно быть, а ты раскисла оттого, что твой брат на войну идет.

— Я и есть тверже железа! — Наташа вытерла глаза, но все еще всхлипывала. — Обидно, что даже провожать не сможем.

— Что ж, это и хорошо, — откликнулся Сергей, — а то реветь станете.

— Но, право же, таких слез не стыдно, — задумчиво, словно разговаривая сама с собою, сказала Паша. — Поплачем и злее в работе будем. Ведь так, Сережа?

Он тяжело вздохнул.

— Ты вот не плачешь... Разве я не понимаю, что это значит?

— Я — другое дело... просто не умею, а заставить себя выше моих сил, — уклонилась от прямого ответа она.

Сергей не обиделся. Он только спросил:

— А скучать будешь?

— Кто его знает...

Никого уже не осталось в вагончике, все вышли, чтобы провожать Сергея и Петра. Паша спрашивала: «Чемодан упаковал? погладил ли рубашки? взял ли белье? а носовые платки?» Сергей пожимал плечами. Он собрал только самое необходимое: мыло, зубную пасту, щеточку и полотенце. Был дома, прощался с Валериком и Светланой, а рюкзак отнес в райком комсомола.

— А с родителями попрощался?

— С матерью только... Она и собрала меня в дорогу, пироги напекла. А батя твой дома почти не бывает, в колхозе все хозяйнует. Но ты не беспокойся, я еще встречусь, мне самому охота поговорить с ним, успокоить...

— Спасибо, милый, — сказала Паша, подумав, что все складывается хорошо. Ее радовало, что муж уезжает из дому не чужим человеком.

Некоторое время они постояли молча. Паша захотела проводить его до шоссе.

— Нет, — сказал Сергей, — не надо. Ты устала... Нам нужно торопиться, ребята в деревне уже ждут.

— Как хочешь, могу дальше и не ходить. — Подавленно вздохнув, она остановилась. — Сережа, так ты... не забывай, пиши.

Словно расставаясь навсегда, они расцеловались и обменялись крепким рукопожатием.

— Береги себя... Не для меня, нет, нет, для детей наших. Жалко мне их, скучают без ласки. Будь тверже стали, помни о нас, воинах... Наташу не отпускай от себя, верная она тебе подружка. Кланяйся всем! Ну, вот и все будто. Бежим, Петр!

Сергей еще раз кивнул ей на прощание, а Паша, провожая его глазами, долго стояла и махала платком. Она ждала, что Сергей возвратится, чтобы в последний раз обнять ее, но он даже не оглянулся. Вскоре он совсем скрылся из виду, растворившись в толпе людей, которая двигалась по шоссе. Ушел ее Сергей. Неужели это была последняя в ее жизни встреча с ним? С минуту она стояла неподвижно, как вкопанная, вытирая непрошеные слезы. Видно, и в самом деле первая любовь сильно привязывает. Она простилась с человеком, который приносил ей много горя, но все же с бесконечно родным, близким, отцом ее детей.

Паша с трудом шагала к вагончику, до предела напрягая слух и зрение. Умолкшие на ночь тракторы снова загудели, не прерываясь. Значит, девушки уже пахут, сеют и готовят землю под урожай будущего года.

Вставал ясный тихий и теплый день. По-прежнему — ни ветерка, ни дуновения. Кто скажет, что где-то идет Кровопролитная война и, звеня тяжелыми гусеницами, грохочут танки? Кто убедит, что льется человеческая кровь и фашисты рвутся в Донбасс — в край угля, металла и хлеба?

«Будь тверже стали», — невольно вспомнила она слова Сергея.

Да, теперь она знала, что значит быть тверже стали, знала, какие трудности ждут ее впереди. Надо работать, работать и работать. Она всегда работала во всю свою силу, не представляла себе жизни без труда, но сейчас это желание было еще сильнее, чем когда-либо.

Трактористки работали самозабвенно, не зная ни отдыха, ни сна. Выработка на пахоте повысилась в два с половиной раза. Казалось, машины устали, а девушки усталости не чувствовали. Они были действительно тверже металла.

В октябре линия фронта приблизилась к Донбассу.

В это утро Паша была дома. В окнах соседних домов еще горел свет,

но вокруг было тихо. Через деревню двигались воинские колонны. Крестьяне и крестьянки вышли на дорогу и безмолвно смотрели им вслед. «Неужели они не остановят врага?»

— Паша! — окликнул ее отец. — Тебя вызывает Сталине.

Она вздрогнула. Телефон действует. Значит, все в порядке, враг будет остановлен на подступах к Донбассу.

— Слушаю...

У телефона был секретарь Сталинского обкома партии.

— Паша? Здравствуй... ты еще в своем Бешеве? — он говорил спокойно и тихо.

— Ну да... А где же мне быть? Хотелось бы на фронт... сводки Совинформбюро сердце жгут.

— Я не об этом... — голос секретаря по-прежнему звучал спокойно. — Тебе задание: готовь бригаду к эвакуации. Тракторы пойдут своим ходом, запасайся бензином. Путь держи на Ростов. Понятно?

— Хорошо... Все сделаю. — Паша постаралась сказать эти слова окрепшим голосом, но, закончив разговор, тотчас же опустила на стул, оглушенная необычным поручением.

Рядом с нею был Никита Васильевич. Он видел слезы в глазах дочери, но еще не понимал, какое задание получила она от обкома.

— Батя, собирайтесь в дорогу...

Никита Васильевич был к этому готов. Он глубоко был убежден в том, что врагу нельзя оставлять добро, невозможно. Он верил, что его сыновья — Константин, Василий, Сергей, как и сыновья всех его земляков, остановят и сокрушат немца, но пока дела складываются так, что надо готовиться к эвакуации.

Паша подошла к Светлане, обняла ее.

— Ты плачешь, мама?

Она виновато взглянула на дочку:

— Что ты, Светочка?

— А папка наш уже далеко, фашистов бьет...

— Может, и близко, Светочка. Немец уже в Донбассе.

Неторопливо возвращалась она в степь. День был безоблачный, теплый. Солнце светило, как в летнюю пору. Только пожелтевшие на деревьях листья напоминали о том, что сейчас осень. Кругом стояла удивительная тишина. Странно было даже думать о том, что где-то недалеко идут кровопролитные бои, и гитлеровские орды уничтожают города и села, строят виселицы, убивают детей, женщин, стариков...

Как оставить любовно вспаханные и засеянные поля? Четыре тысячи

гектаров! «Не верится, — думала она, — что наши люди не остановят врага. Как сказать подругам, что мы оставляем Старо-Бешево?..»

Она шла уже более часа. Вот, наконец, показался заветный вагончик. Внезапно ею овладела страшная усталость.

По дороге Паша встретила Лелю. Та задыхалась от слез и, не останавливаясь, тихо, словно про себя, говорила: «Вот Илью своего проводила... Одна с детьми осталась. Тяжело, Паша...»

Спустя час в поле прискакала Надя. Лицо ее сияло, глаза горели.

— Свершилось, дорогие! Можете меня поздравить. Еду в действующую армию.

Вера Коссе ей откровенно завидовала.

— Попросилась в танковую часть, — объясняла Надя.

Паша советовала ей научиться управлять тяжелым танком, таким, как «КВ», чтобы таранить врага наверняка. Надя все с той же счастливой улыбкой на лице обещала оправдать доверие.

На рассвете следующего дня к Паше прибежала Наташа Радченко.

— Районный комитет партии удовлетворил мою просьбу. Остаюсь партизанить в тылу врага.

Паша обняла подругу, крепко поцеловала.

— Я знаю, это ненадолго, — говорила Наташа, шумно вздыхая. — Врагу будет страшно на нашей земле!.. Эх, Паша, у меня сейчас столько силы... — и, помолчав, усмехнулась: — Думаешь, хвастаюсь? Нет. Гитлеровцы на своей шкуре испытают силу ненависти трактористки.

Паша пошла ее провожать. Дойдя до угла, они снова обнялись, расцеловались. Паша протянула растерявшейся подруге свой подарок — маленький револьвер.

В эту ночь фашистские самолеты сбросили первые бомбы на Старо-Бешево. Красное зарево вспыхнуло на горизонте. На самой окраине деревни, по ту сторону Кальмиуса, загорелась старая школа, первая в Старо-Бешеве школа, построенная еще в двадцать втором году...

Из Старо-Бешева тракторная бригада Ангелиной тронулась в пять часов утра. Все ближе и грознее были раскаты рвущихся снарядов и бомб. По дороге и по степи понуро шли женщины, старики и дети.

Машины, грохоча гусеницами, двигались на Ростов. За тракторами цепочкой тянулись подводы, груженные продовольствием и колхозным имуществом.

Вдруг над головами уходящих низко пролетел самолет с фашистской свастикой. Раздался взрыв... Но люди продолжали свой путь. За первым

обозом медленно шагал Никита Васильевич. С лица его катился пот, он о чем-то громко разговаривал с идущими рядом колхозниками. Вот он остановился и, сжимая кулаки, громко крикнул:

— Земля наша должна гореть и взрываться под ногами врага! Так оно и будет!

В АУЛЕ ТЕРЕКТА

После почти двухнедельного тяжелого перехода на восток тракторная бригада Ангелиной очутилась в ауле Теректа Западно-Казахстанской области. Местные жители встретили трактористок тепло, радушно. Им отвели самую большую избу, поставили в четырех комнатах койки, приготовили постели. Паше с семьей отвели отдельную комнату и постарались обставить ее поуютнее.

Первые дни на новом месте были, как всегда, трудные, но Паша тем не менее освоилась быстро. Большую часть суток проводила она в мастерской, возле тракторов. Она всецело отдавалась работе и не вела счета дням; готовила тракторный парк к выезду в поле и ради этого забывала порой даже о детях.

Весна 1942 года пришла в аул Теректа с опозданием, деревья едва зазеленели к маю, но земля подсохла раньше.

Перед самым выездом в поле председатель колхоза имени Буденного Аменгельды Кокирбаев зашел домой к Паше. Зашел как будто мимоходом, а по всему видно было — неспроста. Наступало горячее время пахоты и сева, и председатель, несмотря на положительные отзывы о бригадире тракторной бригады, хотел (мало ли что когда-то писали о ней газеты на Украине!) в чем-то удостовериться лично.

Кокирбаев родился и вырос в ауле Теректа. Сам он с юношеских лет занимался земледелием. Вот уже пятнадцать лет он стоял во главе артели. Человек хозяйственный, рассудительный, он пользовался большим уважением среди колхозников.

Войдя в дом, он сказал Паше, что хочет поближе разузнать о ее жизни, выяснить, в чем она нуждается, не обижает ли кто.

— Много слышал я о твоих делах на Украине, — говорил Кокирбаев, разглаживая свою и без того реденькую бородку, — хвалят тебя за трудолюбие, за отменное мастерство в земледелии и за знание трактора. Брала ты в донецкой степи большие урожаи. Но ведь там земля другая, плодородная, черноземная. Не то у нас. Наша казахская земля иссушается жгучими ветрами. Даже в самые урожайные годы собираем по шесть-семь центнеров пшеницы. Наши хлеборобы знают и любят землю, не без опыта они. Ох, как старались взять побольше хлеба, но не выходило. Можно сказать, самым богом проклятая земля.

Выслушав длинный и печальный рассказ Кокирбаева, Паша с

необыкновенной уверенностью сразу сказала ему, что высокий урожай они возьмут.

— Казахская земля, как и украинская, богатая и плодородная. До жирности ее только надо добраться, — повторила она свое любимое выражение.

Кокирбаеву не очень-то понравилась ее самоуверенность.

— Ты еще скажи: не нашли «золотую жилку», — вспыхнул он. — Знаменитый боевой бригадир трактористов, — в голосе у него чувствовался сарказм. — Ты, знаешь, приткая... Посмотрим, как получится на деле.

— Верно, дорогой Кокирбаев, дела нас рассудят. Но зачем же так сердиться? — Паша укоризненно посмотрела на председателя. — Неверие расслабляет человека, а я верю в силу своих девчат, в силу науки.

Раз казахская земля иссушается жгучими ветрами, рассуждала Паша, значит, надо добиться того, чтобы как можно больше накопить и дольше удержать в почве влаги. Сев надо вести в самые короткие сроки, не дожидаясь высыхания земли, сеять, пока влага не испарилась. Вслед за сеялкой надо пустить легкие бороны, чтобы разрыхлить землю и поглубже заделать семена. После первого дождя тут же, опять-таки не упуская сроков, разрушить образовавшуюся корку и, таким образом, закрыть все пути для испарения влаги из грунта.

Да, на казахской земле, где непрерывно дуют испепеляющие ветры, трудно, очень трудно брать урожаем. Даже старые, опытные земледельцы иногда становятся в тупик.

Шли последние приготовления к выезду в поле. Никто из бригады в эту ночь не ложился спать, одни «колдовали» у моторов, другие проверяли исправность масляных насосов, третьи — муфты сцепления.

На рассвете трактористки вывели свои машины в поле.

Впереди расстилалась незнакомая земля. Удастся ли удержать влагу? Можно ли будет вести глубокую качественную вспашку? Как вести культивацию, боронование? Как, наконец, укладывать зерно?

Пашин трактор бороздил поле вдоль и поперек. Это был новый способ тракторной обработки почвы, при помощи которого можно было лучше удержать влагу в земле.

Трактор ее работал день, второй, третий... Но и на четвертый день Паша не чувствовала усталости, продолжала работать.

Именно в эти дни газеты принесли весть о том, что гитлеровские войска крепко зажаты нашими войсками под Сталинградом. В час отдыха Паша собрала свою бригаду и рассказала им о делах на фронте. Потом все

опять направились в поле, и снова казахская степь наполнилась гулом тракторов.

Прошла первая, вторая декада. Трактористы подвели итоги работы. Девушки на сто тридцать процентов перевыполнили план, утвержденный МТС, но у них был еще свой план — «фронтвой». Ради этого задания они не считались со временем, работали почти круглые сутки.

Так родилась у них идея вспахать дополнительно к плану еще триста пятьдесят гектаров целинных земель.

— Вот, оказывается, какие вы романтики, — сказал Кокирбаев, когда приехал посмотреть на обработанные поля.

Паша относилась к нему с большим уважением. Ей нравилось, что председатель горячо любит свое дело, что он, несмотря на огромную занятость — большое хозяйство требовало постоянной заботы, — никогда не забывал трактористок. Какой скандал учинил Кокирбаев однажды, узнав, что трактористкам вовремя не привезли в поле обед! «Трактористы в моем колхозе не должны чувствовать недостатка ни в чем!» — говорил он и о «чужих» трактористах с Украины беспокоился больше, чем о своих, теректовских.

Зазеленела, покрылась изумрудным ковром вся степь — от края до края. Колхозники по-хозяйски гектар за гектаром выхаживали посевы, оберегали их от сорняков. Но вот прошло время, и буйно заколосилась пшеница на огромных колхозных массивах.

— Ай, Паша! — говорил председатель колхоза и весь словно светился от радости. — Теперь я тебе верю, мы много, много хлеба возьмем. Ай, сработали! До жирности добрались, золотую жилку нашли! Казахская земля даст много хлеба. Давно мечтали, ай, как мечтали! Теперь идет твой председатель Кокирбаев по степи, смотрит на хлебное море и думает: «Почему, бес его знает, до приезда украинских механизаторов посевы так не радовали глаз?» У вас, наверное, свой особый секрет имеется.

Паша улыбалась и отвечала, что весь «секрет» в том, что колхозники работают в тесной дружбе с трактористами.

— Нет-нет, не убеждай. Паша, — упрямо возражал он, — у вас есть какой-то волшебный, неразгаданный секрет.

В августе на двух автомашинах в поле приехали трактористы, агрономы, механики. Все они работали в близлежащих аулах. Группу возглавлял секретарь райкома партии Жансултан Демеев.

— Принимай гостей, товарищ Ангелина! — спрыгнув с машины, весело сказал Демеев. — Прибыли к тебе посмотреть «чудеса»...

— Милости просим, только, пожалуйста, не очень строго судите.

Гости пробыли в колхозе имени Буденного больше пяти часов. Ходили по полям, рассматривали тучные хлеба. А уже перед отъездом Демеев сказал и гостям и хозяевам, что хорошо все повидать собственными глазами. А то, честно говоря, трудно было поверить, что на казахской земле можно взять такие урожаи пшеницы. Пудов сто выйдет на гектаре — не меньше.

— Ай, больше! — откликнулся председатель колхоза Кокирбаев.

— Хорош ваш метод, право, хорош, — одобрительно качал головой Демеев. — Вы делом доказали, что и на казахской земле можно получить хороший урожай. На вашем примере мы будем учить всех наших механизаторов и колхозников.

В итоге в сорок втором году колхозники сельскохозяйственной артели имени Буденного собрали вкруговую по сто двадцать пять пудов пшеницы. Паша с гордостью говорила: «За освобождение Украины от фашистов мы боремся на полях Казахстана».

Колхоз начислил трактористам в порядке дополнительной оплаты около двадцати тонн хлеба. Да и на трудодни они должны были получить немало. Леля, например, выработала за сезон семьсот восемьдесят девять трудодней, столько же трудодней было у Марксины Анжелиной, у Верочки Коссе, у Антона Дмитриева и других. До тысячи трудодней выработала Паша.

— Можно разбогатеть, Паша, — сказал Антон Дмитриев. — Столько хлеба!

Паша удивилась этим словам Антона и оборвала его. Как можно думать сейчас о личном богатстве! Она считает, что большую часть зерна, полученного механизаторами, надо сдать в фонд Красной Армии.

Антон сразу согласился с бригадиром и попросил доверить ему сопровождение верблюжьего каравана с хлебом.

Паша возвратилась к своему трактору. Да, она обдумала все. Послезавтра на рассвете первый верблюжий караван с хлебом уйдет в город.

В полдень прибежал обеспокоенный новой вестью колхозный счетовод.

— Куда, любезная, прикажешь вести зерно?

Паша удивленно посмотрела на него. Как куда? На государственный приемный пункт, куда же еще?

— Давай, любезная, свезем на базар. Хлеб стоит дорого. Три тысячи за пуд. Дом построишь такой, что залюбуешься...

Она не могла сдержать своей злости и обозвала его мерзавцем и дураком.

— Зачем оскорбляешь? — Лицо у счетовода покрылось испариной.

Паша презрительно на него посмотрела. Какой подлый человек! Идет война. Враг захватил и топчет ее родную землю, а он, сукин сын, дает ей советы, как выколачивать деньгу.

— Весь хлеб будет отправлен в государственные закрома, в фонд Красной Армии, — решительно заявила она.

— И твои двести восемнадцать пудов? — развел руками счетовод.

— До последнего зернышка!

Через день, на рассвете, Антон Дмитриев сопровождал верблюжий караван хлеба. В фонд Красной Армии бригада Ангелиной сдала 768 пудов.

Спустя пять дней прямо в полевой стан принесли телеграмму.

«Высшая правительственная. Бригаде Паши Ангелиной. Благодарю всех трактористок за заботу о Красной Армии и лично вам, Паша Ангелина, жму крепко руку. И. СТАЛИН».

Произошло это вечером, в тот момент, когда Паша возвращалась из мастерской, где ее бригада вела ремонт машин.

Шагала торопливо, чтобы самой успеть накормить и уложить спать Светлану и Валерика. Вдруг ее окликнули.

— Торопитесь, Прасковья Никитична? Пойдемте вместе. Ведь давно не виделись... Ну, как настроение, бригадир первой женской?

Паша от неожиданности чуть не вскрикнула. В идущем рядом человеке она узнала давнего знакомого, корреспондента «Правды».

— Это вы? Откуда? Каким ветром, дорогой товарищ Рябов?

— Попутным, — рассмеялся тот, — из Москвы скорым — и прямо к вам... С корабля на бал.

Паша радушно распахнула перед гостем двери избы.

— Да вы поглядите, батя, мама, кого я привела!

Никита Васильевич сразу узнал Рябова, обнял его, заставил «немедля скидывать шинельку». Потом обернулся к Ефимии Федоровне и упрекнул ее за то, что она не сразу узнала своего старого знакомого, которого в Бешеве свининкой потчевала.

— Да погоди!.. Дай сперва посмотреть. Ну, такой же бравый, ничуть-ничуть не изменился, только вон сединка стала пробиваться, а в остальном все такой же, — оправдывалась Ефимия Федоровна.

Никита Васильевич первым долгом осведомился, как Москва, как дела на фронте.

— Москва стоит нерушимо! — Слова гостя были так уверенны и правдивы, что не оставляли и тени сомнения или беспокойства.

— Побьем фашиста... Под Москвой ему за мое почтение всыпали и под Сталинградом досталось. Так оно и пойдет...

Ефимия Федоровна занялась по хозяйству, а Никита Васильевич принялся заправлять печь.

— Так сколько же мы не виделись с вами, Прасковья Никитична? — сказал Рябов, когда все уселись за стол. — Неужели десять лет? Ну да, конечно. Светлане было тогда два года, а теперь барышня, скоро на выданье.

— А про внука Ангелина забыли? — напомнила Паша.

Он рассмеялся.

— Да, тогда Никита Васильевич только мечтал о внуке.

Они помолчали, поглядывая на разгоревшийся огонь.

— Знаете, товарищ Рябов, еще вот сегодня утром думала собрать девчат и написать в газету «Правда». А тут вы... Это же просто удивительно, какое совпадение. Не ожидала, что «Правда» специально командирует своего человека в аул Теректа за тридевять земель от Москвы.

— И зря не ожидали, нужно, чтобы и в тылу и на фронте знали о делах украинских механизаторов в Казахстане. Наша редакция внимательно следит за работой вашей бригады.

По-хорошему, по-доброму шла беседа. Обо всем переговорили, каждый день работы бригады в Казахстане перебрали. Ефимия Федоровна почти все это время не присела, все хлопотала на кухне. Но вот она подошла к буфету и, как видно, забыла, что хотела взять. Гость заметил это и посмотрел на нее.

— Понимаю вас, хотелось угостить бешевской свининкой, а ее нет. Но, ей-ей, не стоит волноваться. Вот закончим войну, приеду я к вам в Старо-Бешево, и тогда уж, конечно, отведаем все вместе поджаристой свининки. Ладно?

— Дожить бы только, — вздохнула она.

— А пока согреемся водочкой, — Никита Васильевич вспомнил о своем старом запасе, сохранившемся еще с довоенного времени.

Сидели долго, до полуночи. Подняли рюмки.

— Итак, за победу, за нашу партию, ведущую народ на разгром врага, за здоровье первого в стране бригадира женской тракторной бригады, за старейших земледельцев Ангелиных! — провозглашал Рябов.

— А про всех Пашиных трактористок и позабыл, — сказал Никита Васильевич. — Паша одна — как былинка в поле.

Гость с удовольствием принял эту поправку.

— И трактористы и бригадир их трудятся во имя мира на земле. Верно, Василич?

Несколько дней провел корреспондент «Правды» в ауле Теректа. Перед самым его отъездом Паша написала письмо односельчанам и попросила сделать все, что можно, чтобы «эта весточка издалека» попала в Старо-Бешево.

— Сделаем все, — пообещал Рябов.

Паша все допытывалась, как же удастся через фронт переправить ее письмо землякам?

— Нам помогут. А кто? Ну, это уж, товарищ Ангелина, наша тайна.

Почту из Москвы Паша получала примерно на десятый день. Все новости слушала по радио. На шестнадцатый день после отъезда Ивана Рябова из Теректы она по радио слушала напечатанную в «Правде» статью о работе ее тракторной бригады в колхозе имени Буденного.

И аул после этой радиопередачи словно преобразился, зашумел как улей. Сюда, в Теректу, со всех уголков страны и со всех фронтов полетели письма и телеграммы. Ее подруги, которые работали на тракторах в разных краях и областях, друзья, которые с оружием в руках боролись с врагом, спешили поделиться своими мыслями с бригадиром первой женской тракторной бригады.

С чувством большой гордости и волнения читала Паша эти письма.

Как-то прибыло письмо из сибирской деревни Спаленки от трактористки Зины Еловских. Она рассказывала о том, как овладела трактором, какие урожаи получает ее колхоз, сколько тысяч пудов зерна колхозники сдали сверх плана государству. Зина Еловских переслала Паше также письмо, полученное ею из действующей армии от брата Ивана, в прошлом тракториста.

«...И думаю я, — писал Иван Еловских своей сестре Зине, — что случилось бы с нашим колхозом, если бы ты и твоя подруга Поля Харина и остальные твои девчата загодя до войны не научились бы управлять трактором по примеру Паши Ангелиной. Некому было бы сменить нас, ушедших на войну. И заглохли бы горячие моторы наших «хатезе». И осыпался бы золотой наш хлеб...»

«Какое счастье, — думала Паша, — что женщины сели за руль трактора еще двенадцать лет назад, что они заблаговременно готовили себя к грозным испытаниям военного времени! Тысячи и тысячи трактористок, освоивших технику вождения машин, работали сейчас на колхозных полях

и помогали обеспечивать страну и фронт хлебом».

«...Сегодня я прочел в газете «Правда» о том, что вы лично, товарищ Ангелина, внесли на строительство танковой колонны двести восемнадцать пудов хлеба, а ваши славные подруги — пятьсот пятьдесят пудов, — так начал свое письмо фронтовик-танкист Илья Назаров. — Ваш благородный поступок воодушевляет нас на еще более героическую борьбу с фашистами. Дорогая Паша, мы на фронте, а вы в тылу решаем общую задачу: как можно скорее разгромить гитлеровцев и освободить священные земли нашей Родины...»

Паша читала эти письма и слышала в них ободряющий голос всего народа. Великая правда была в этих словах: советские люди делали все необходимое для того, чтобы защитить от врага свою свободную жизнь.

В те короткие минуты, когда Паша читала письма, Никита Васильевич сидел неподвижно и думал свою думу. Сердце его было полно любви ко всем парням и девушкам, которые писали Паше. Он знал, что избавление от фашизма скоро придет. Ведь и его дети — сыновья Николай, Константин, Василий, его дочери Паша и Надя, его зять Сергей, борются за то, чтобы наступил вечный мир на его родной земле.

После тяжелого ранения на фронте Надя Ангелина пролежала шесть месяцев в госпитале и в один из весенних дней неожиданно приехала в Теректу. Радости всей семьи не передать. Не раз всплакнула Ефимия Федоровна, обнимая и целуя свою «дорогую, ненаглядную доченьку», которая примчалась в родительское «гнездышко». Даже Никита Васильевич не сдержал слез, глядя на верную защитницу Родины.

Паша собрала всех трактористок, знавших Надю по прежней работе, пригласила и местных людей — председателя колхоза, бригадиров полевых бригад, звеньевых: пусть весь аул пригубит чарочку за здоровье ее храброй сестры...

Надя едва успевала отвечать на вопросы.

Паша советовала хотя бы недельку еще отдохнуть, побыть со стариками, повозиться со Светланкой и Валериком.

— Надо поправиться, ведь сама как былинка, того и гляди ветер сломит.

Надя вспыхивала и сердилась. Неужели Паша так «заработалась», что газет не читает, ведь война продолжается...

Спор решил Никита Васильевич. Он убежденно сказал дочери, что советская власть на нее в обиде не будет, свой долг она выполнила, а теперь ей нужно укрепить здоровье. Это очень важно. Ведь подумать только, как

много придется еще сделать, сколько земли перепахать, когда эта проклятая война закончится.

— Так что, Надюша, подумай, рассуди.

И Надя рассудила. Она решила поговорить с Кокирбаевым и пойти к нему в колхоз на любую работу.

Кокирбаев сразу предложил ей пойти в тракторную бригаду к Паше.

— Вот видите, — сердилась Надя, — не берет он к себе в колхоз. Посылает в бригаду к Паше, а с кем же я буду соревноваться?

Но Паша сказала, что вопрос, с кем соревноваться, решается на добровольных началах. Пусть Надя решает сама.

— Выбор мой пал на бригадира Прасковью Никитичну Ангелину, — весело подмигнула Надя. — Соревноваться так соревноваться, как в Старо-Бешеве, за стопятидесятипудовые урожаи вкруговую.

Спустя четыре дня Надя стала трактористкой в Пашиной бригаде.

Все жители Теректы собрались проводить старобешевских трактористок. Трогательными были минуты расставания. Почти три года работала на полях колхоза имени Буденного тракторная бригада Ангелиной. И какие это были годы!

Председатель колхоза Кокирбаев, впервые встретившись с Пашей, говорил: «Наша земля бедная, не то что на Украине, черноземная, плодородная. Больше шести-семи центнеров пшеницы с гектара, хоть тресни, не возьмешь!»

А спустя три года никого уже не удивляли стопятидесятипудовые урожаи, которые давала эта же земля. Дружно боролись за повышение урожайности старо-бешевские механизаторы и теректовские колхозники.

На голубом небе зажглись звезды, миллионы звезд, но было еще светло. Колхозная автомашина стояла уже у крыльца, а Паша все еще не была готова: то книги надо было связать, то еще слово сказать кому-то. Уже старики принялись обнимать Никиту Васильевича, а женщины и девушки приготовились всплакнуть, как внезапно верхом на лошади появился Аменгельды Кокирбаев.

— Значит, успел! — крикнул он.

— На посошок, пожалуй, опоздал, — усмехнулся Никита Васильевич.

— Райком задержал... двадцать километров скакал, быстрее птицы. Поднимем второй посошок, законный. Так, Паша?

Он замолчал, взял ее за руку, вывел на площадку перед домом, чтобы всем было видно, и отечески кивнул головой.

Вокруг стояли — локоть к локтю — казахи и украинцы, старые и

молодые, — одна дружная семья. Кокирбаев еще раз внимательно посмотрел на Пашу. Неужели все-таки пришла пора расставаться? Ведь три года были вместе.

— Слушайте мое откровенное слово, Прасковья Никитична, — так начал он, впервые называя ее торжественно по имени и отчеству. От полноты чувств ему хотелось сказать о Паше какими-то особенными словами, но, как на грех, они не приходили в голову. — Долго говорить не буду, сами знаете... всеми нашими успехами мы обязаны вам, Прасковья Никитична. Вы научили нас работать не шаляй-валяй, как говорит Никита Василич, а любовно, по-хозяйски. Ваш способ глубокой пахоты, обработки чистых и особенно черных паров, подъем зяби принес нам богатые плоды. Сто пятьдесят пудов с гектара! Никогда наша земля не давала столько. Спасибо вам за ваши щедрые труды, за редкостное трудолюбие. Теперь мы видим, что скупая казахская земля может быть такой же плодородной, как и украинская земля. Это дело вашего разумного труда, ваших золотых рук. Смотрите сами, как печальны наши люди. Они готовы вас задержать, чтобы вы продолжали радовать казахский край, — заключил Кокирбаев и поцеловал Пашу.

«НЕБЕСНИЦА»

В раннее утро, поеживаясь от назойливого ветерка, Паша вышла из дому. Это был первый день после ее возвращения из Казахстана. Пристально вглядывалась она в свои родные места, разоренные войной.

Вот за поворотом, в двадцати шагах от дома, в котором она прожила почти четверть века, открылись знакомая излучина реки Кальмиус и широкая улица на косогоре. Но сейчас Паша скорее узнала эту улицу по своему учащенному сердцебиению, нежели по ее внешнему виду. Десяток разоренных изб да печные остовы — вот и все, что здесь осталось.

Вот другая улица. Сохранились одноэтажные белые избы, но где же большие кирпичные здания, стоявшие здесь? Где Дом культуры, где трехэтажная школа, больница, детские ясли? Будто огненный смерч пронесся и превратил все эти здания-красавцы в развалины.

На окраине деревни, вон за той лощиной, колхозники в течение многих лет выращивали фруктовый сад. Он занимал площадь в пятнадцать гектаров. Перед войной сад уже плодоносил, а сейчас здесь ни дерева, ни кустика — все вырубил фашисты.

На площади, вблизи здания райкома партии, была школа — гордость и краса Старо-Бешева. От здания школы ничего не оставалось, на земле валялись лишь искореженные взрывом железные балки.

Внезапно пошел дождь, но на душе у нее даже стало веселее, ведь она находилась дома, тут никакой дождь не страшен.

Опасаясь оставить в раскисшей почве свои кирзовые сапоги, Паша двинулась в обход по проселку и вскоре вышла на улицу, которая в прошлом была самой оживленной. Из раскрытых настежь окон правления колхоза доносились голоса. Паша знала жителей своей деревни не только по имени-отчеству. Она безошибочно могла узнать человека по голосу.

У нее едва хватило сил подойти к окну. Неужели она слышит голос Григория Харитоновича Кирьязиева? Да, это на самом деле был он.

— Пашенька, ты ли это? — дрогнувшим голосом спросил Григорий Харитонович.

— Ну, конечно, я, разве трудно узнать?

— Не знаю... не верю. Да Паша ли это?.. Чего же ты стоишь молчки, Григорий Романович? — Кирьязиев подтолкнул стоявшего рядом Пилипенко и стал громко окликать всех колхозников, которые были сейчас в комнате правления. Они тоже растерялись при неожиданном появлении

Паши. — Так и есть, наша Паша... дочка Василича, бригадир первой женской. Жива, невредима? Ой, дела!

Утомившись, Григорий Харитонович замолчал, и тут по одолевшей его одышке, по восковому отсвету на скулах Паша поняла, как плохи дела Кирьязиева.

— Да я, дядя Харитоныч, растревожила вас. Вы не волнуйтесь, отдохните...

— Ныне ничего, я уже герой, сил набрал, а было, Паша.... — и Григорий Харитонович тяжело вздохнул.

Было ясно, что довелось пережить старику Кирьязиеву при гитлеровцах. Он не заставил себя просить и тут же стал делиться всем накипевшим в груди. Оказывается, на следующий же день после оккупации Старо-Бешева оберштурмфюрер Ганс Циммер, который поселился в доме Ангелиных, приказал согнать всех жителей на площадь.

— Фаш знаменита трактористка Паша Анкелина фиехал Берлин, — с поджатыми от злости губами в мертвой тишине сообщил оберштурмфюрер. — Анкелина объявил, што желает дрюжбу иметь феликий фюрер Гитлер. Она также фелел передать фам, своим соседям, што сама напишет фам работать феликая Германия... Я есть офицер Германской Фермахт и тоже призываю фас работать пользу Гитлера... Если будете сопротивляться, я прикажу принять крайний мер... — Он запнулся и показал на крылатую эмблему вермахта на груди.

Кто-то тихо, но достаточно отчетливо произнес:

— Эй, Ганс, всех перестреляешь, аль кого на сковородке жарить станешь?

После этих слов толпа пришла в движение. Ганс Циммер схватился за пистолет.

— О, я понимаюн руссиш... Офицер феликой немецкой армии очень добрый зольдат. Он феликодушен русской нации. Анкелина еще фелел передали фам, живьет в феликой Германии очень хорошо, работает для полной победы Гитлера.

Из толпы снова раздались какие-то голоса. Кирьязиев рванулся было туда, где стоял Ганс Циммер, но его удержал Пилипенко: «Почекай, не замай Ганса, мы ще зустринемось, подомнем супчика!»

Конечно, никто в деревне не поверил, что Паша, их трактористка, дочь Ангелина, продалась немецким захватчикам.

Спустя три дня Ганс Циммер снова собрал крестьян. На этот раз он во всеуслышание объявил, что по достоверным источникам Паша Ангелина бежала из Германии р сейчас находится где-то в Старо-Бешеве...

— Я от имени моего пофелителя фюрера Гитлера приказываю доставить Анкелину жифую или мертфую. Срок — один день. Надо быстро, когда требует немецкий офицер. Хайль Гитлер! — выкрикнул он напоследок и выбросил вперед руку.

Прошел день, второй, третий... Никто Ангелиной не доставлял. Ганс Циммер был вне себя. Он метал громы и молнии: «Вешать!.. Стрелять!..»

Жителей били прикладами, полосовали шомполами, сажали в холодный карцер.

Циммер негодовал. Неужели никто не скажет, где находится Паша Ангелина? Неужели не выдадут ее родственников? А люди в один голос твердили: «Знаете, гер Циммер, Паша, наверное, туточки, потянуло ее в свои заветные края, но на каком боевом участке воюет, мы знать не знаем и ведать не ведаем...»

— Было и страшно и смешно видеть все это, — прервав Кирьязиева, сказал Григорий Романович. — Ну, разве мог у нас оказаться предатель? Нет, среди старобешевцев таких не оказалось. Еще запало мне в душу, как один здоровенный полицай все увещевал меня: «Да ты, старик, действуй, выдай нам в руки кого-либо из Ангелиных, первым человеком на всю округу будешь, озолотим, дюжих рысаков отвалим для твоего единоличного хозяйства...»

— А чего же не взял, ежели отваливали дюжих рысаков? — улыбаясь, спросил кто-то.

— То сказать правду, уж не моя вина, прошибка получилась из-за моей Степаниды, — пояснял Пилипенко. — Она так закричала, так заголосила, що той самый полицай с переляки чуть дуба не дал.

— Ох, Пашенька, и натерпелись мы... — продолжал Григорий Харитонович. — Все мои сыновья, что орлы, погибли геройской смертью, нас защищая. Что и говорить, тяжело... Попалил враг добро наше. Запаскудшъ земли наши. Но все равно мы одержали победу, и я верю: земля наша, как и прежде, заколосится золотым колосом. Все, все вернем, бригадир... только вот загубленных, замученных не вернем.

Сыновей своих не верну, Василька своего не обниму...

Старик схватился за сердце. Он тяжело дышал. Ему дали воды, капель. Наконец Григорию Харитоновичу стало легче. Он вскинул голову.

— Понимаю, больно говорить о том, что здесь было, но не говорить нельзя. Сердце так и кипит. Знай, Пашенька, мы тут тоже по силе возможности шарахали фашистов. Ты со своими подружками хлеб посылала фронту, а мы так запустили наши поля, что ни один колосок не вырос, делали все, чтобы с голоду подох Гитлер. — Кирьязиев помолчал,

ближе придвинулся к Паше и вдруг спросил: — Ты нашего Лексея-то помнишь? Э-эх, какой чудесный старик был! Неохота была помирать ему при советской власти. За восьмой десяток перевалило, а он все твердил: «Молодею я, Харитоныч. Всему бы простому люду на свете такую светлую жизнь». И крепился наш Лексей, работал в поле, саженьцы высаживал, чтоб на радость людям сад вырос. А при фашисте зачах Лексей. Бывало, целыми днями сидит на завалинке, ковыряет посошком землю, тоскует... На людей не глядит и думу думает, одному ему известную.

Однажды я спросил его:

— Тоскуешь, Лексей?

— Нет, — вздохнул он, — душа горит на врага.

— Крепись, — сказали, — наши скоро возвратятся.

— Дожить бы только!..

— Доживешь... Не горюй.

— А заклётого врага здорово наши бьют? Не слыхал, что люди сказывают? — шепотом допытывался он.

Я, конечно, все рассказал ему, что знал. Покачал он своей седой головой и сказал:

— Мы с тобой, Харитоныч, перед народом в долгу: плохо супостата бьем. Надобно нам крепче бить. Шестерых наших ироды повесили. А за что? За какие грехи? За Ленина стояли. За советскую, родную власть. Наташеньку-то Радченко под Мариуполем поймали и замучили кровопийцы... А за что? На Гитлера работать не хотела. С оружием в руках землю свою защищала. Не осрамила нашу старость Наташенька. Не убоялась умереть за правое дело. А мы что? Чем мы помогаем бить иродов? Сила, говоришь, не та? Не верю. Сила в нас, крестьянах, невиданная.

Много дней так вот сидел дед Лексей на завалинке, выглядывал все, что делается вокруг. А делалось вокруг известно что... Прохожу я, значит, как-то вечером мимо домика Лексея, смотрю, на завалинке нет знакомой фигуры. Потом сказывали, что видели Лексея рано утром. Выпросил он у Ксюши Васильевой какой-то ватничек, прихватил краюху хлеба, у соседа Бурляева отсыпал соли в табакерку и... скрылся, пропал. Мы уж его искали, искали, но все без толку. Весь берег реки обшарили — нигде нет.

Паша нетерпеливо спросила, что же стало с дедом.

Григорий Харитонович поднял голову, молча посмотрел на нее.

— Не торопись, в момент все скажу, небесница.

Она засмеялась.

— Почему же небесница? Я обыкновенная... земная.

— Нет, нет, небесница, так и есть небесница, чтоб мне провалиться на

этом месте, — повторил он пересохшим голосом. — Ты же ведь над нашей деревней летала и письма свои напечатанные крупными печатными буквами сбрасывала. Радость-то какая была у всех! Вся деревня гомонила: «Наша Паша письма с небес сбрасывает, поклоны передает, просит не волноваться, пишет: фашизму скоро конец придет... Работаю, мол, для фронта, как прогоним немца, всей тракторной бригадой возвратимся в колхоз...» Люди на радостях плакали, обнимались, друг другу говорили: «Ангелинцы живы, значит и советская власть жива...»

— Так ведь я, Григорий Харитонович, над деревней не летала. Не так дело было.

И Паша рассказала подробности этой загадочной истории. Как в аул Теректа приезжал корреспондент газеты «Правда», как с ним Паша передала письмо старобешевцам. И вышло все как в сказке. Редакция «Правды» набрала письмо крупным шрифтом. Потом листовки были вручены летчику, и он, пролетев над деревней, сбросил их односельчанам.

— Знали, знали мы, Пашенька, что не ты это летала, — согласился Григорий Харитонович, — но многие из нас советский самолет видели и Ганса Циммера и полицаев крепко пугнули, секретно сказали им, что вот, мол, господа, Прасковья Никитична сама свои письма сбрасывает, потому что вместо трактора самолетом ныне управляет. Вот смеху-то было...

— Тот храбрый Ганс Циммер до того перелякался, — подтвердил Григорий Романович, — что приказал окружить свою резиденцию пулеметами и зенитными орудиями.

— Прочли, значит, твое печатное письмо и Алексею. Он еще тогда в деревне проживал. Дюже обрадовался дед. «Так я и знал, что не оставит нас в беде Паша. Ведь не даром она слуга народа, депутат верховной власти...» Попросил он ребят доставить ему твои письма, а для какой цели — никому не сказывал. Боялся тайну свою разглашать, потому что шпигуны так по пятам и шныряли. Листовок собрали ему порядочно. «Надо, — говорил он мне, — всему народу передать, чтобы знали о письме нашей Паши и про все, что там сказано. Советская власть живет, и скоро фашистам крышка». И стал наш Алексей ходить от села к селу, от хутора к хутору, разносить правду о советской власти. И куда бы он ни приходил, всюду на заборах появлялись листовки. Сказывали потом люди, что ходил дед Алексей не торопясь. Постоит, поговорит с людьми, поделится своими думами — и снова в путь...

В зимнюю пору это было, — вздохнув, продолжал Григорий Харитонович, — выследили ироды и схватили нашего Алексея. Долго мучили, пытали, но он молчал. Не просил у душегубов пощады...

Связанного по рукам, вывели его в степь. Там молча и принял он свою мученическую смерть. Люди сказывали, палач топором отрубил ему голову. Запретили ироды хоронить Лексея. Но люди нашли его тело и честь честью похоронили. И еще сказывали люди, что в ватничке у него было найдено много твоих писем, Паша, Лексей не успел раздать их народу...

Невозможно было спокойно слушать этот рассказ. Перед глазами Паши, словно живой, стоял высокий седобородый крестьянин Алексей Сидорович. У разрушенной школы видела она согнутую взрывом металлическую балку. Алексей Сидорович был крепче металла.

Нет, не могли заклятые враги поставить на колени крестьянина, познавшего радость свободного труда.

Не смогли и никогда не смогут.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

В просторной, только что восстановленной мастерской стояли два отремонтированных трактора. Трактористки только и ждали команды, чтобы выехать на поля колхоза «Запорожец». Но случилось непредвиденное.

Соседним колхозом «Политотдел» руководил брат Паши Константин Ангелин. Положение у него в колхозе было тяжелое. Гитлеровцы угнали скот и лошадей, уничтожили сельскохозяйственный инвентарь. Двести пятьдесят семей остались без крова, без хлеба.

— Не нахожу выхода, не знаю, с чего начать, — . волновался Константин. — Придется, пожалуй, подавать в отставку.

Паша не одобряла такого малодушия и упрекала брата. А он оправдывался тем, что на передовых позициях, под огнем, он чувствовал себя увереннее, чем здесь.

— Трясутся поджилки, а? Эх ты, вояка!

Вскоре она отправилась в правление колхоза «Политотдел» и стала советоваться с колхозными активистами. Дело кончилось руганью, потому что на самом деле в колхозе ничего не ладилось. В конце концов решили, что нечего терять времени, надо немедленно начать пахоту. Колхозники попросили выделить им хотя бы один трактор.

Не заходя в МТС, Паша помчалась в степь. Страшная картина предстала перед ее глазами. Вся земля была изрыта траншеями. Недаром колхозники ей говорили: «У нас земля засеяна снарядами и минами».

По таким полям пускать машины было рискованно. Где же выход? Единственный путь — очистить всю площадь под будущие посевы от «гитлеровского наследства».

Спустя три дня Паша вывела свои обе машины на поля колхоза «Политотдел».

Работать на тракторах вызвались Вера Костина и Леля Ангелина.

Земля с трудом поддавалась обработке. Сперва пришлось вести машины на пониженных скоростях.

Вера и Леля, а вместе с ними и Паша тщательно обрабатывали каждый клочок земли: четырехкорпусным плугом вгрызались на глубину в 26–28 сантиметров, уничтожали сорняки, заплонившие поля.

Прошел дождь, поднялся ветер. Изменившаяся погода не останавливала трактористок. Работали почти круглые сутки.

Как-то ночью вдруг раздался треск. Костина быстро заглушила мотор.

Моросил дождь. Стояла кромешная тьма. Костина соскочила с трактора, опустившись на колени, проверила крепление и влезла обратно в кабину. Мотор долго не запускался, но, наконец, он заработал. Выдержав большую нагрузку в момент, когда трактор трогался с места, мотор сейчас работал ровно и плавно. Не прошло и тридцати минут, опять стоп! — на земле неподалеку от трактора что-то блеснуло.

Костина остановила трактор, нырнула в темноту.

— Вера... Веруся! Не смей подходить! — закричала Паша. Она ни на минуту не оставляла поля, где работали ее трактористки.

Вера прокопала лопатой глубокую полосу и извлекла из земли какой-то металлический предмет. У Паши перехватило дыхание.

Потом — это было уже на рассвете — пришел Константин. Когда увидел «находку», он ужаснулся: перед ним «по уши» в грязи лежала мина. Спасибо, что Вера доставала ее осторожно.

— Так-то, пожалуй, рисковать опасно, Вера, — заметила Паша.

— А Леля же рискует, не боится. Смело ведет трактор. — Вера никак не могла понять, какой смертельной опасности она себя подвергала.

Паша подтвердила, что Леля в предыдущие сутки вспахала восемь с половиной гектаров.

— Что ж, отличный результат. Берусь обогнать, — сказала Вера и уже на следующий день вспахала своим трактором девять гектаров.

Забегая несколько вперед, скажем, что Паша со своими подругами помогла колхозу «Политотдел» вырастить в том году хороший урожай: с каждого гектара колхозники собрали по двенадцати центнеров зерновых.

Несмотря на значительный урон, который оккупанты нанесли колхозу «Запорожец», он не развалился, не погиб. Колхоз продолжал жить. Особенно помогло то, что после победы в родной дом, к мирному труду возвратились бывшие танкисты, летчики, артиллеристы, саперы, связисты.

Одним из первых возвратился из далеких военных походов Василий Кузьминов. За беспримерную храбрость и мужество, проявленные на фронте, он был удостоен звания Героя Советского Союза.

— Докладывает колхозник Кузьминов, — начал было с улыбкой Кузьминов, как только встретился с Пашей, но тут же замолчал: как колхознику докладывать ему еще, в сущности, было не о чем. Но зато как воину ему было что рассказать своим друзьям.

С каким волнением слушали они, как Кузьминов, получив задание командования, повел солдат в наступление через полосу ураганного

обстрела, как переправился через Днепр и уничтожил несколько дзотов противника... За Днепр он и получил Героя.

Великая школа войны... Самая верная проверка человека, его достоинств, его характера.

Слушая Кузьмина, Паша невольно подумала о Сергее, о котором она уже давно ничего не слышала. Он не давал о себе знать.

— Чем намерены заняться, Василий Павлович? Какие у вас планы? Собираетесь ли перебраться в город? — Паша очень хотела, чтобы Кузьминов остался в родном колхозе.

Он и в самом деле иных планов не имел. Крестьянствовать не разучился и сейчас, отвоевав, ждет только колхозной работы.

Вскоре старобешевцы встречали еще одного прославленного своего земляка — Василия Цысса. Он тоже отличился в боях и тоже получил звание Героя Советского Союза.

В колхоз возвратились с войны Иосиф Пефтиев и Георгий Николаев. Первый возглавил полеводческую, вторую огородную бригады. Мужественные солдаты, они принесли в артель организованность и дисциплину.

Вернулся с Урала Дмитрий Лазаревич Коссе, работавший всю войну на военном заводе. Колхозники снова избрали его председателем, доверили ему артельное хозяйство, которое он так умело вел в предвоенные годы.

Положение в «Запорожце» было не намного лучше, чем в «Политотделе». Колхоз остался без семян, без живой и механической тягловой силы. Подошло время сеять, а колхозу даже не на чем было перебросить семена, находились они в двадцати пяти километрах от Старо-Бешева. Что делать?

Дмитрий Лазаревич начал мучительные поиски, но все было безуспешно.

Как-то в полдень к нему пришли колхозницы Александра Бурлаева, Ольга Михайлова и Мария Серафимова и сказали ему примерно так:

— Слушай, председатель, на транспорт надейся, а сам не плошай.

— Может, посоветуете, как доставить семена? — сдержанно поинтересовался Коссе.

Женщины ответили ему, что семена они доставят.

Поверить было трудно. Перенести на руках такую тяжесть! Но колхозницы взялись.

Шел дождь, дороги раскисли, но три женщины — Бурлаева, Михайлова и Серафимова, испросив «благословения» председателя, отправились в нелегкий путь. К вечеру дождь усилился. Холодный ветер

забивал дыхание. Идти пришлось всю ночь, по щиколотку увязая в грязи. Всего их путь в оба конца длился два дня и две ночи.

На третий день рано утром, утомленные, забрызганные грязью, голодные, но довольные и радостные, возвратились они в деревню. И не с пустыми руками, а с семенами — принесли на себе четыре пуда.

Тут же, следуя примеру этих женщин, за семенами отправились уже двадцать пять человек. Впереди шел Василий Кузьминов.

Так были полностью переброшены нужные для сева семена. А потом трактористы засеяли озимые. Посев продолжался всего десять дней. Для того времени это считалось большим достижением.

В просторной комнате шло заседание правления колхоза. Председательствовал Дмитрий Коссе. Рядом с ним сидела Паша. Обсуждали план организации сельскохозяйственных работ. Как всегда, разгорелись горячие, азартные споры. Старые и молодые хлебоборбы, истосковавшиеся по родному делу, с беспокойством за будущий урожай по-хозяйски разбирали, как лучше провести посевные работы, как наладить животноводство.

Дмитрий Коссе сперва познакомил членов правления с некоторыми довоенными данными. Он говорил о величине посевной площади, о поголовье скота, назвал отдельные статьи бюджета, заинтересовал слушателей таблицей, в которой были указаны выработанные каждым колхозником трудодни.

Потом Дмитрий Лазаревич говорил о сегодняшнем и завтрашнем дне колхоза.

— Главная наша задача — взять от земли все, что она может дать, чего отцы наши и мы сами взять от нее не сумели. До войны средний урожай зерновых достигал не более ста — ста двадцати пяти пудов с гектара. Правда, в лучшие урожайные годы озимые давали вкруговую по сто пятьдесят пудов. Если мы кое-как мирились с такими показателями, то только потому, что другие хозяйства, соседние, получали еще меньше. Теперь нам необходимо удвоить посевные площади и поднять урожайность всех зерновых культур не менее чем на двадцать пять процентов. Надо увеличить и посевы гречихи и проса. Практика показала, что нам экономически выгодно сеять эти культуры. Ведь благодаря им мы получаем не только зерно, но еще и высокоценный корм для скота. Особое внимание следует уделить пропашным культурам. Надо расширить посадку картофеля, капусты, моркови, корнеплодов. А главное, механизировать междурядную обработку пропашных. Я предлагаю, например, урожайность

картофеля до трехсот центнеров на гектар.

— Во как! — воскликнул бригадир полеводов Иосиф Пефтиев и предложил договориться с дирекцией МТС о том, чтобы сажать картофель по зяби и под плуг. Ведь если действовать, как раньше, вручную, то и на семена собрать не удастся. Степь!

Председатель сказал, что на прошлой неделе их слушали в райкоме партии и там обо всем договорились. МТС обязательно колхозу поможет.

— Ну, тогда планируй по картофелю все триста пятьдесят центнеров, — заключил Пефтиев.

— Надо думать, сговоримся и на большее, — сказал Коссе и обернулся к Паше: — С какого бока ни поверни, а нашим механизаторам придется потрудиться больше всех. Так ведь, Паша?

Все взоры были сейчас обращены на Ангелину.

— Наши трактористы проложат дорогу к урожаю. — У Степана Ивановича Николаева не только голос, но и глаза подобрели, когда он произнес слово «трактористы». — Полагаю, что мы можем смело на них положиться, они наверняка осияют нашу программу.

— Так как считаешь, Паша? — еще раз спросил Коссе. — Есть тут что-нибудь невыполнимое?

Паша молчала. Следя за разговором членов правления, она мысленно подводила первые после возвращения из эвакуации итоги работы своих трактористов. Не чрезмерно ли хвалят их? Не переоценивают ли их возможности? Нет, они могут сделать очень многое, и своим трудом они уже снискали любовь и уважение колхозников.

...Немецкие оккупанты нанесли тяжелые раны Старо-Бешевской МТС; до войны она была одной из крупнейших машинно-тракторных станций на Украине, мастерские ее были оснащены первоклассными машинами и оборудованием. Гитлеровцы превратили мастерские в груды развалин: не было достаточного количества станков, совсем не было запасных частей. Неудивительно, что в этих условиях находились «мудрецы», которые предлагали «ставить на тракторы что попало» и уверяли, что «никак не удастся отремонтировать тракторы, как в довоенное время».

Паша и ее трактористы с первого дня возвращения домой держались иного мнения. Они тогда же заявили, что берутся отремонтировать машины лучше, чем до войны.

Считанные дни, остававшиеся до выезда в поле, протекли для Паши как в тумане. Из-за недостатка слесарей и механиков, из-за того, что приходилось готовить самим запасные части, тракторная бригада не покидала усадьбы МТС.

Каждое утро во главе со своим бригадиром трактористы Антон Дмитриев, Иван Пефтиев, Елизавета Челпанова, Вера Костина, Леля Ангелина и Илья Савин забирались на склады, где был свален металлический лом, или отправлялись в поле, где вдавленные в землю валялись остатки подбитой гитлеровской техники, и отыскивали мало-мальски подходящие части. В результате за короткое время они собрали и изготовили собственными силами более чем на 75 тысяч рублей запасных частей к тракторам и прицепным сельскохозяйственным машинам.

Каждый тракторист вкладывал в работу весь свой опыт, всю свою энергию. Не было станка для расточки подшипников — собрали станок собственной конструкции и выполнили на нем эти ответственные операции. Недоставало фланцев — научились изготавливать их сами.

Все детали тщательно проверялись, подгонялись. Если после первого испытания тракторист обнаруживал в машине какой-нибудь даже незначительный дефект, он снова разбирал этот узел и вновь тщательно его ремонтировал.

Самоотверженный труд трактористов на ремонте сторицей окупился на пахоте и севе. Весенний сев в том первом послевоенном году бригада Ангелиной провела за четыре дня. И за все эти дни не было ни одного случая, чтобы какой-нибудь трактор вышел из строя. А ведь работали почти что круглые сутки, и в бригаде были такие молодые трактористы, как Киля Кильянова и Клавдия Михайлова, впервые севшие за руль трактора в 1944 году.

Обо всем этом думала Паша, когда к ней обратились члены правления.

— Что и говорить, — словно угадав, чем заняты сейчас мысли бригадира трактористов, сказал Григорий Харитонович Кириязиев, — чиста у наших механизаторов перед обществом совесть.

— Ну-ка, Паша, уразумела ты нашего почтенного Харитоныча? — снова колюче спросил Степан Иванович, и все улыбнулись.

— Уразумела, — когда снова стало тихо, ответила Паша. — Уразумела, что урожай на наших полях надо удвоить.

— Вот об этой-то арифметике и печется наш Харитоныч, — подтвердил Степан Иванович, явно стремясь смягчить свои колкие замечания.

Время уже давно зашло за полночь. Три раза наполнялись графины водой. А в правлении по-прежнему было шумно илюдно.

Дмитрий Коссе не скрывал трудностей, которые стояли перед колхозниками и механизаторами. «Лошади не откормлены, на таких клячах далеко не уедешь. Вот и выходит, что тракторы останутся и без горючего и

без воды», «А почему нет никакого беспокойства о хомутах, о телегах? Нельзя надеяться на одни машины... Надобно потревожить и кузнеца, и шорника, и плотника. Люди за трудоднем тянутся... А его заработать надо...», «Почему кукурузные початки не проверены? Нешто это порядок? Ты, председатель, встряхни бригадиров за бесхозяйственность».

Это был большой разговор. И председатель колхоза, и бригадиры, и звеньевые, и члены правления без всякого стеснения, прямо, иногда даже с подчеркнутой резкостью высказывали свои задушевные думы.

Фронт сельскохозяйственных работ ширился не по дням, а по часам. Все тракторы работали безупречно. На подъеме паров трактористы вырабатывали по полторы-две нормы. Главная задача заключалась в том, чтобы на вспаханных черных парах не допустить развития сорняков и образования корки после дождей. Как только где-либо обнаруживали ростки сорняков — пускали в ход культиваторы и их уничтожали.

Так, на одном участке пара спустя пять дней после первой культивации появились сорняки. Тогда на всей площади сделали вторую культивацию — на глубину в десять сантиметров. В течение небольшого сравнительно срока шесть раз культивировали пары. А незадолго до посева трактористы провели еще одну, седьмую культивацию.

Напряжение в труде не ослабевало ни на один день, ни на один час. В помощь трактористам пришли колхозники. Там, где невозможно было уничтожить сорняки культиваторами, их уничтожали вручную.

Итак, ранние черные пары были отлично подготовлены. Подошло время сеять. На севе зерно укладывали во влажный грунт, на глубину в шесть-семь сантиметров.

Как быстро летело время! Еще совсем недавно, казалось, одуряюще пахла трава и веяло прохладой от реки Кальмиуса, а вот сейчас уже опала пожелтевшая листва и оголились деревья.

Наступила осень. Умолк гул моторов. Машины снова были поставлены на капитальный ремонт. Кругом непривычная тишина, но все знали, что это затишье перед новым наступлением.

Бригада Ангелиной подвела итоги работы за сезон. Каждым пятнадцатисильным трактором было выработано 1 179 гектаров. Неплохие показатели для обычной тракторной бригады. А для ангелинцев?

Паша оценивала работу своей бригады не по количеству выработанных норм, не по размерам обработанной площади, а по качеству произведенных работ. Борьба за урожай еще далеко не была завершена.

...Широко и привольно раскинулись поля колхоза «Запорожец».

Первый снег еще не везде успел покрыть посевы: вон там, за балкой, в лесочке, еще зеленеет огромный массив озимых. Но небо уже сплошь затянуто тучами, снег большими хлопьями ложится на поля. Прошло немного времени, и этот массив скрылся под белой пеленой.

Паша пришла в степь и долго смотрела на бескрайные ее просторы. Родная, милая сторона! За четырнадцать лет работы бригада ее вспахала десятки тысяч гектаров земли. Ей дороги эти места: здесь каждая пядь земли полита кровью ее земляков, здесь шли горячие бои с фашистами за жизнь, за свободу.

Вот к ней подошли и стали рядом ее отец Никита Васильевич и его старые друзья — Степан Иванович Николаев и Леонтий Ильич Васильев. Ни тяготы военного времени, ни многочисленные беды, которые пришлось им перенести, — ничто не убило в этих седовласых хлеборобах бодрости духа, ясности мысли, веры в торжество колхозной жизни.

Степан Иванович стоял, широко расставив ноги, и чему-то улыбался.

— Бьюсь об заклад, — неожиданно сказал он, — озимка даст по сто пятьдесят пудов на гектаре!

Слова эти вызвали горячий спор. В веселых голосах старых колхозников, в их заботе о сегодняшнем и завтрашнем дне колхоза чувствовалась необычайная любовь к своему колхозу. После победы над врагом люди по-новому ощутили прелесть вольного колхозного труда.

Снежная зима, хорошие озимые. Дела складывались удачно. Паша была в том бодром, светлом настроении, какое испытывает человек, когда работа спорится.

В декабрьские и январские дни на поля потянулись обозы с удобрением. Несмотря на лютую стужу, в степь выходили все — и стар и млад. Расставляли щиты, устраивали снежные заслоны от ветра. Старая гвардия показывала пример. В поле были Никита Васильевич Ангелин, Григорий Харитонович Кирьязиев, Степан Иванович Николаев, Леонтий Ильич Васильев, Гаврила Кузьмич Юрьев, Григорий Иванович Ставринов, Иосиф Евстафьевич Пефтиев. Эти люди организовали артель, они перед войной создавали свое передовое хозяйство и сейчас закладывали основу будущего урожая.

Следуя примеру стариков, в степь пришли колхозницы Ольга Михайлова, Александра Бурлаева, Мария Серафимова, Надежда Федорова, Мария Коссе, Ксения Васильева, Софья Федорова, Вера Биятова. План снегозадержания был перевыполнен более чем в три раза. Но этим труды колхозников не ограничивались. Днем люди работали в поле, готовили в мастерских бороны, катки, конскую упряжь, а вечерами учились. Учились

всей деревней, всем колхозом.

Были созданы три кружка. В кружке, где обучались старые опытные колхозники, агрономы знакомили своих слушателей с трудами Докучаева, Мичурина, Вильямса, Лысенко, с достижениями сельскохозяйственной науки. Молодых людей наряду с агрономами обучали свои же бригадиры, опытные мастера-земледельцы. Среди наставников молодежи были шестидесятилетние колхозники — Степан Иванович Николаев, Григорий Харитонович Кирьязиев и Никита Васильевич Ангелин.

Продолжали совершенствовать свои технические знания и трактористы. С ними занимались агрономы, механики, инженеры. О своем многолетнем опыте рассказывали трактористы Антон Дмитриев и Иван Пефтиев.

В кружке, которым руководила Паша, обучались на водителей тракторов пять человек. Все они в прошлом сезоне уже работали, знали, как вести технический уход за машинами. К осени у них накопился большой практический опыт. В зимнее время они налегали на теорию и одновременно вели ремонт машин. Так они закрепляли свои практические знания. В конце зимней учебы каждый тракторист обязан был сдать экзамен. Такой метод подготовки новых кадров был проверен самой жизнью.

НЕСМОТРЯ НА ЗАСУХУ...

Наступил март 1946 года. Накануне выезда в поле Паша собрала производственное совещание. Взвесив свои возможности, трактористы приняли решение: каждым пятнадцатисильным трактором выработать за сезон по 2 100 гектаров.

Земля, освободившаяся от снега, быстро подсыхала. В колхозном саду, расположенном на одной стороне реки, уже распустились почки. Хорошая примета. Пора приступать к севу.

В степь по еще не накатанной дороге двинулись тракторы. Организованно, по бригадам, как воины, идущие в бой, вышли на поля колхозники. Вот они уже поднялись на горку, занимают «исходные позиции».

Широкая даль полей радует глаз. Земля получила вдоволь влаги и удобрений. По сравнению с прошлым годом колхозникам предстояло сейчас расширить посевные площади яровых по зяблевой пахоте на 235 гектаров. На посев зерновых по зяби и по весновспашке было отведено три дня.

За два дня трактористы пробороновали зяблевую пахоту тяжелыми боронами в один след и провели последующую культивацию на глубину в восемь сантиметров.

Вскоре к полевым станам потянулись обозы с семенами.

Утро восьмого апреля. Трактористы приступили к севу. Сеяли отборными семенами, не допуская разрыва между предпосевной обработкой зяби и севом. Всю площадь, которую ночью культивировали, днем засевали.

Паша вторые сутки была на ногах, но чувствовала, что поле покинуть нельзя. С неослабной зоркостью она следила за тем, чтобы выдерживались установленные нормы высева, чтобы была прямолинейность в рядках и чтобы ни в коем случае не допускались просевы, огрехи.

Трактористы свято выполняли агротехнические правила: семена заделывались во влажный грунт на глубину в шесть-семь сантиметров. За сеялками цеплялись легкие бороны.

На третий день сева в поле примчался корреспондент районной газеты.

— Прасковья Никитична, за вами статья. Ваша бригада опять показала превосходную работу. Во всех колхозах и тракторных бригадах только и

разговору, что о ваших механизаторах.

Паша попросила корреспондента побеседовать с трактористом Антоном Дмитриевым, он лучше ее расскажет о делах бригады.

Машины работали без перебоев. Иван Пефтиев и Елизавета Челпансва ежедневно выполняли по две нормы. «Хуже» работал молодой тракторист Виталий Ангелин: он выполнял норму «только» на 120 процентов.

— Я должен обогнать Челпанову, — сказал Виталий бригадиру.

Но Паша улыбнулась и покачала головой. Трудно было поверить, что Виталий обгонит Челпанову. Ведь на нем мокрый, забрызганный грязью комбинезон, и весь вид у него неказистый.

Виталий пытался оправдаться.

— Зато трактор блесит.

Но это не произвело на бригадира никакого впечатления. Трактор действительно блесит, а тракторист неопрятен. Виталий Ангелин нарушил непреложный закон бригады: «Грязный тракторист не смеет сесть за руль трактора. Раз ты грязен, то и дело у тебя не пойдет, это надо запомнить раз и навсегда».

Вечером, во время технического осмотра машин, Паша опять разговорилась с Виталием. Теперь на нем уже был чистый комбинезон, и весь он был подтянутый, строгий.

— Прасковья Никитична, — обратился он официально, — надо полагать, теперь я в боевой форме и смогу померяться силами с Челпановой.

Паша посоветовала ему не хвалиться раньше времени и сперва догнать передовую трактористку, а там уже и перегнать ее.

Весь следующий день Виталий провел в поле. С востока на запад и с запада на восток он неумоимо вел свой трактор по прямой борозде.

В полночь он вошел в вагончик. Выпил стакан чаю и как сноп повалился на кровать.

Двенадцатого апреля Паша в своем дневнике сделала следующую запись: «Сев яровых по зяби провели в лучшие агротехнические сроки. Он продолжался 82 часа. В короткие сроки произвели весновспашку. Виталий Ангелин, самый молодой тракторист в бригаде, выполнил три нормы, оставив позади Елизавету Челпанову».

Апрель был на исходе, но земля еще не приняла ни одного дождя. Пришел май, а вместе с ним задули горячие ветры с суховеем. Потянулись знойные дни с безмятежно голубым небом и жгучими ветрами.

Метеорологи давали неутешительные прогнозы: погода ясная, сухая, без осадков.

Земля требовала влаги. Колхозники тревожились и хмурились, но степь не покидали — даже единичные сорняки уничтожались.

В деревне можно было услышать тревожные слова: «Без дождя погибнут хлеба». Высказывал беспокойство и такой опытный земледелец, как Григорий Харитонович Кирьязиев. Но Паша верила в силу передовой агротехники и коллективного труда. Без дождей, конечно, трудно взять высокий урожай, но поля можно и нужно отстоять от суховеев. Все зависит от самих колхозников.

Григорий Харитонович соглашался с этими доводами, но невольно вспоминал тысяча восемьсот девяносто второй год, когда у них в Старо-Бешеве была засуха и люди умирали от голода...

В июне пожелтели деревья, сухие листья начали медленно опадать. Горячие ветры поднимали к небу высокие столбы пыли. Почва затвердела как камень, потрескалась.

Жгучие лучи солнца иссушали все живое. Порыжел чернозем. Но на полях «Запорожца» зной не смог уничтожить всю влагу. Хорошо подготовленная и обработанная механизаторами земля сохраняла в себе живительные соки, и, несмотря на страшную засуху, хлеба поднимались в человеческий рост.

Как-то вечером в правлении колхоза показалась высокая, чуть согнутая фигура Захара Григорьевича Кириченко. Шестидесятипятилетний колхозник подошел к Паше, крепко пожал ей руку, и, словно опираясь на нее, чтоб не упасть, — он два года лежал прикованный к постели, — сказал:

— Я сегодня смотрел поля. Добре обработана земля. Случись такое лихолетье в старое время, не миновать бы нам голода.

Да, теперь уже никто не сомневался, что земля, даже не получив ни одной капли дождя, принесет хороший урожай.

В июньские дни вся жизнь деревни перенеслась в степь. Тихо стало на улицах Старо-Бешева, но затолюдно и весело было в поле.

И когда началась страдная пора уборки, механизаторы и колхозники решили провести жатву не в 15–20 дней, как прежде, а в 12 рабочих дней. Так и сделали, и в дневнике у Паши появилась новая запись: «Урожай озимых убран за 8 дней, а ранние колосовые — за 10. Тракторная бригада приступила к севу озимой пшеницы под урожай сорок седьмого года...»

В Старо-Бешеве не повторился голодный 1892 год. Колхозники отстояли свои поля от засухи и сняли высокий урожай: с площади в 673 гектара было намолочено 11563 центнера зерна. Государство получило в полтора раза больше пшеницы, чем до войны. В этот засушливый сорок

шестой год колхозники получили на трудодень по три килограмма зерна. Такова была щедрая награда за их труд.

Окончив пахоту зяби, трактористы повели машины на усадьбу МТС. За рулем первого трактора сидела Елизавета Челпанова. Остальные двигались следом. Тракторы сделали крюк и выехали на тракт, ведущий в центр деревни. Паша сидела рядом с Антоном Дмитриевым. Дмитрий Коссе и Иосиф Пефтиев устроились на тракторе Виталия Ангелина.

На гудроне цепи позванивали, на брусчатке глухо звенели. Снопы света от фар, вытянувшиеся далеко вперед, освещали дорогу.

— Мама... Мамуся!

Навстречу бежала Светлана. От быстрого бега она вся покраснелась.

Паша соскочила с трактора.

— Ведь поздно, Светочка, что случилось?

— Только что передавали по радио, сама слушала указ. Тебе, мамуся, присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Час спустя, когда Паша еще находилась в объятиях родных и друзей, в дом вошел почтальон и вручил ей телеграмму. Она не верила своим глазам. Это была правительственная телеграмма из Киева.

Центральный Комитет Коммунистической партии Украины и Совет Министров УССР поздравляли ее, бригадира первой в стране женской тракторной бригады, с присвоением звания Героя Социалистического Труда за получение в 1946 году урожая по двадцать центнеров с гектара.

«Партия и правительство, — говорилось в телеграмме, — придают особое значение быстрейшему восстановлению и дальнейшему развитию зернового хозяйства и особенно пшеницы — основной продовольственной культуры.

Ваш успех показывает, что советский народ полон решимости быстрее залечить раны, нанесенные войной, и обеспечить дальнейшие успехи нашей Родине. Совет Министров Украинской ССР и Центральный Комитет КП (б) У выражают уверенность в том, что вы не успокоитесь на достигнутом и в 1947 году добьетесь еще больших успехов в получении высоких урожаев сельскохозяйственных культур и выработке на трактор, что вы передадите свой богатый опыт всем тракторным бригадам вашей и других МТС для выполнения ими плановых заданий по получению высоких урожаев».

Паша стояла у стола и чувствовала себя какой-то беспомощной, она не знала, что сказать своим друзьям, как отблагодарить всех колхозников, с которыми она работала в эти годы. Вспомнила она, как пасла скот у кулака Панюшкина, как потом с помощью коммуниста Ивана Михайловича

Курова первой в стране села на трактор, как пахала целину на раскорчеванной пустоши, вспомнила о встречах в Кремле с руководителями партии и правительства, о тысячах своих подруг трактористок, которые по ее примеру по всей стране ведут битву за изобилие продуктов в стране.

Да, жизнь наша чудесна! И разве есть слова, которыми можно было бы выразить благодарность за все, что имеет советский человек родной Коммунистической партии!

В двадцатых числах сентября сорок седьмого года в «Запорожце» досевали последние гектары озимой пшеницы. В воскресенье утром, едва забрезжил рассвет, трактористы закончили работу и погнали свои машины домой через заливные луга.

Потом, заглушив моторы, они побежали к своему вагончику, который едва-едва проглядывал из-за деревьев. Всем не терпелось услышать отзыв о своей работе, поделиться новостями и радостями. Говорили наперебой, весело, задорно, и Паша, сидевшая с председателем колхоза в самом углу вагончика, время от времени вставляла в их разговор какое-нибудь меткое словцо, для того чтобы поддержать общее хорошее настроение.

Дмитрий Лазаревич сидел над планом строительства новой молочно-товарной фермы и сердился. Ребята не давали ему возможности сосредоточиться. Он никак не мог понять, как они могут веселиться после бессонной ночи.

— Молодым только бодрствовать, — поддразнивала Челпанова. — Но почему наш председатель страдает бессонницей, это непонятно.

Тут как раз к вагончику подкатил на своем «виллисе» директор МТС Цимиданов. Одет он был по-праздничному: в синем пиджаке, в рубашке навыпуск, по-крестьянски перехваченной ремешком. Он тоже спросил у бригадира, почему трактористы не отдыхают после такой напряженной работы, и Паша самым серьезным образом объяснила ему, что «от полноты чувств их никакой сон не берет».

Константин Федорович добродушно погладил подбородок, снял картуз и поклонился трактористам.

— Ну, теперь я до вашей чести!

— А мы до вашей, Константин Федорович! — хором закричала молодежь.

— Ох, знаю вас, — неугомонных, потребуете оставить за бригадой переходящее знамя. Так я вас понимаю?

— Если завоевали... — заметила Челпанова.

— Свое решение мы уже на совете МТС вынесли. Знамя остается за вашей бригадой.

У руководителей станции были веские основания для такого решения. Тракторная бригада Ангелиной снова вышла на первое место.

БРАТ ИВАН

В середине октября работы в мастерской несколько поубавилось. К семи часам вечера Паша пришла домой, успела сделать все по хозяйству и разобрала даже почту, полученную за неделю.

Мать, стоя в дверях, окликнула ее и поторопила: надо собираться в клуб, Светочка уже одета.

— А Ванюша?

— При такой погоде ему лучше сидеть дома. — Ефимия Федоровна кивнула на окно, по которому хлестал дождь.

Здоровье двоюродного брата Ивана за последние дни резко ухудшилось. Паша знала об этом и, не ответив матери, прошла в комнату, где жил Иван. Он стоял у окна и, видимо, так задумался, что даже не обернулся на скрип двери. Паша не решилась отвлечь его, подошла к книжному шкафу и сняла с полки маленький томик Пушкина.

Стихами Пушкина она увлекалась с детства. Полнозвучное слово поэта изумляло ее своей простотой и мелодичностью. Вот и сейчас она прочитала одно стихотворение, другое, третье, незаметно для себя самой стала читать громко и до того увлеклась, что не заметила, как на ее голос стали собираться домашние.

— Просто хорошо, мамочка! — захлопала в ладоши Светлана.

— Да что ты, — ответила Паша, — если ты что-нибудь прочтешь, у тебя лучше получится.

Светлана не заставила себя упрашивать, вышла на середину комнаты, поклонилась всем и прочитала на память сказку Пушкина. Ей аплодировали от всей души.

Потом Светлана села за пианино и сыграла Чайковского. Паша слушала игру дочери, не чувствуя себя, ничего не видя, кроме ее лица и маленьких ручек, птицами летавших по клавиатуре.

Никита Васильевич сидел в кресле, слушал музыку и тоже смотрел на внуку сияющим взглядом.

— Похоже, что придется Светочку определить в консерваторию, — тихо сказал он. — Видно, не по твоей тропе пойдет.

— Не знаю, — ответила Паша, — я только думаю, что дети мои при коммунизме жить будут.

Глаза у Никиты Васильевича заблестели. Такое племя растет.

В эту минуту Ваня попросил Светлану сыграть Шопена. Она охотно

согласилась, и тотчас комната наполнилась грустной мелодией.

— Я тебе очень благодарен, Светочка!

Она улыбнулась, обняла его.

— Что ты, Ванюша? Не надо благодарить, ты же такой хороший.

— Я... Я еще так мало сделал. — Он стоял, чуть вытянув шею и наклонив голову вперед, и Паше казалось, будто его лицо дрогнуло. — Я дрался за хорошую жизнь на земле, за то, чтобы шопеновская музыка всегда звучала и радовала людей.

Светлана продолжала играть. Ее слушали, ни единым словом не прерывая, и чем сильнее захватывала всех музыка, тем грустнее и строже становилось лицо у Вани.

— Ты извини, Светлана, — вдруг оборвала ее мать, — Ванюша утомлен. Пожалуй, лучше дать ему отдохнуть.

Иван Ангелин, двоюродный брат Паши, был еще ребенком, когда она уже управляла трактором. Бойкий, шустрый, круглоголовый мальчуган, он отлично учился в школе, любил машины, а потом, когда подрос, попросился в Пашину бригаду, чтобы работать прицепщиком. С детских лет он мечтал стать трактористом, но мечте этой не довелось осуществиться.

Было так. Когда грянула война, Ваня не успел эвакуироваться, и что с ним было в последние три года, никто не знал. Пропал парень без вести, и все.

В один из июньских дней 1946 года, когда Паша пришла с работы, мать выбежала ей навстречу и сказала:

— Паша, ты осторожнее входи в комнату.

— А что?

Ефимия Федоровна шепотом пояснила, что приехал двоюродный брат Иван, слепой и без одной руки.

— Ваня, милый, живой? — она бросилась ему на шею.

— Как видишь... живой.

И он замолчал, будто прислушиваясь к сказанному.

Паша взяла его под руку и подвела к столу.

— Вот почувствовала, что ты дома, и пришла с работы пораньше, — быстро сказала она, чтобы как-то успокоить его.

— Я плакать не умею, Паша, а как бы хотелось выплакаться, может, на душе стало бы легче.

— Ни о чем, дорогой, не думай, будешь жить с нами. И все будет хорошо..

...Осенью 1941 года в донецкой степи, в тех местах, где провел свое детство и юность Иван, развернулись ожесточенные бои. Несколько раз Иван пытался перейти линию фронта, но неудачно. Все же вскоре представился такой случай. Немцы заставили его погнать колхозное стадо в тыл. Паренек начал выполнять это задание с того, что разогнал стадо в разные стороны, а сам по знакомым оврагам, через кустарники и перелески, рискуя жизнью, перешел линию фронта. Он совсем не считал, что совершил какой-то подвиг. Он так и сказал Паше: «Я сделал то, что сделал бы на моем месте каждый».

Придя к своим Иван поступил добровольцем в действующую армию и стал учиться на танкиста. Через шесть месяцев он уже самостоятельно управлял танком.

В тот вечер Иван не стал рассказывать, где и когда он потерял зрение, руку. Паша и не спрашивала его об этом. Он вспоминал детство, проведенное в деревне.

— Не во имя славы воевал я с врагом, — говорил он, — а из любви к моему дому, к своей деревне, к миру на моей родной земле. Что и говорить, Паша, очень мне тяжело... Я больше не увижу восхода солнца. Распустятся вербы, прилетят грачи, начнется ледоход на реке, зацветут подснежники... Ничего этого я уже не увижу. Я потерял зрение... но могу ли я перестать существовать? Нет. Я должен начать новую жизнь. Ты скажешь — трудно? А как иначе? Я на моей земле, в моей родной деревне, рядом с вами...

В семье Ангелиных Иван был окружен заботой и лаской. Светлана часто читала ему вслух книги, журналы, газеты. Ощущение того, что он в родном доме, а не где-то на чужбине, помогало ему переносить боль. Вскоре состояние его улучшилось, и он заявил, что, пожалуй, теперь сможет, наконец, заняться изучением трактора. Да, изучением трактора, о котором мечтал он с детства.

Как-то под вечер Иван пришел в поле. Встретил его Антон Дмитриев и предложил проводить к Паше.

— Зачем же? Я сам дойду, — и зашагал так, что Дмитрий едва за ним поспевал.

Увидав его, Паша остановила трактор, соскочила на землю.

— Кто привел тебя сюда? Ты со Светланой?

— Я полевые дороги не позабыл, Паша, — ответил он с тоской в голосе.

Антон Дмитриев глубоко вздохнул и посмотрел на него глазами, полными слез: никогда еще судьба другого человека не волновала его так,

как судьба Ивана.

Паша поняла, что Иван соскучился по степным просторам, по их благодатным местам.

— Еще бы, здесь мне все знакомо, здесь я с закрытыми глазами не потеряюсь. — И он вспомнил, как Паша, когда он еще был мальчиком, водила их в дальние экскурсии, собирала с ними лекарственные травы...

Неожиданно Иван попросил Пашу прокатить его на тракторе, и она исполнила эту просьбу. Дмитрий помог ему взобраться на машину. Паша завела мотор, и трактор плавно тронулся с места.

Проехав круг, Паша увидела, что Ваня плачет. Она выключила мотор, решила, что для него это слишком тяжелое испытание, но он не хотел останавливаться и принялся доказывать ей, что должен научиться управлять трактором. Нельзя же ему, деревенскому парню, оторваться от земли.

Потом он неожиданно умолк, опустил руку и, наконец, сошел с трактора.

— Тяжело бедняжке, тоска гложет, — сочувственно сказал Дмитриев.

Иван присел на бугорке передохнуть. Перед ним лежала бескрайная донецкая равнина, вся сверкающая переливами предзакатных красок. Но он всей этой прелести не видел.

— Не могу жить без работы! — говорил он Паше. — Человек должен что-то делать. Я так устал... Надо попробовать свои силы. Неужели все кончилось? Нет, не может быть! Я еще сумею бороться за жизнь. А если не сумею втянуться, приспособиться, то ведь и жить-то нет смысла.

Паша сказала, что считает своей ошибкой то, что согласилась прокатить его на тракторе. Не надо было делать этого.

— Да нет же! — всполошился Иван и схватил ее за руку. — Мне было так хорошо... так хорошо! Я только теперь начинаю понимать, как важно для меня не оторваться от земли.

Время шло к ужину. В степи наступила тишина. Умолкли моторы. Трактористы подходили к Ивану, молча жали ему руку и так же молча рассаживались полукругом на траве.

Пришел Виталий Ангелин и разжег костер. В огне затрещали сухие сучья. Костер горел ярко, и все молча наблюдали веселую игру огня. Иван протянул к огню свою руку: казалось, он видит, как живые языки пламени вздымаются кверху, рассыпая вокруг себя искры.

— Как весело горит! — сказал Иван, улыбаясь. — У меня, поверьте, такое чувство, будто я вот только что поработал на тракторе, а сейчас отдыхаю. Так вот, помаленьку, и за-сосет меня дело. Мне же всего двадцать

два года. Мальчиком работал прицепщиком. Помнишь, сестра, как мечтал стать трактористом, агрономом? Я всегда помнил слова Николая Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» На фронте я боролся за жизнь. Вернулся слепой, без руки, но жизнью я дорожу и бесцельно ее прожить не желаю.

...Медленно догорал костер. Но степь озарилась ярким светом. Свет фар возвестил о начале ночной работы. Над просторами полей снова разнесся ровный гул моторов.

Спустя пять месяцев после возвращения Ивана в деревню у него неожиданно усилился воспалительный процесс в глазах. До этого он перенес несколько тяжелых операций. Были такие отчаянные минуты, когда даже опытные врачи отказывались лечить его. Паша решила поехать с Иваном в Москву.

— Эх, Паша, — говорил он, — не верят, что я встану на ноги. Они не смогут возратить мне зрение? В этом они, пожалуй, правы, а в остальном заблуждаются.

И правда, духовные силы Ивана были огромны. В московском госпитале, еще будучи прикованным к постели, Иван стал учиться писать и читать по системе Брайля. Он оказался на редкость способным человеком. Но воспалительный процесс в глазах не прекращался, и ему предложили сделать последнюю операцию. Он решительно запротестовал, врачи не настаивали — уверенности в благополучном исходе не было.

Наступил день отъезда Ивана из госпиталя. Трогательные речи, дружеские рукопожатия, объятия. Тепло прощалась с Иваном врач Зинаида Ивановна. Он отстукивал ей точками свой адрес. Потом пели. Иван запевал. Песню подхватила вся палата. Последние рукопожатия: «Ребята! Пишите, не забывайте...»

За Иваном приехала Паша. Она собрала его вещи, и они направились к выходу. Вдруг какой-то женский голос окликнул Ивана. Он вздрогнул, остановился. Подбежала девушка.

— Простите, Ваня, что задержалась, — она смущенно взяла его за руку, — примите мой скромный подарок.

Аккуратно перевязанный сверток повис в воздухе. Паша взяла сверток из рук девушки.

Не решаясь спросить у Ивана, кто эта девушка, Паша пригласила ее проводить их на вокзал. До отхода поезда оставалось еще три часа, и Рая — так звали эту хорошенькую, миловидную девушку — обещала приехать к

поезду обязательно.

Рая была студенткой Московского химического института. Факультет, на котором она училась, шефствовал над госпиталем, где лечился Ваня. Почти шесть месяцев изо дня в день приходила девушка в палату. Она видела Ивана, а он только чувствовал ее присутствие. Она была добра, ласкова и внимательна к нему. Ухаживала за ним как за ребенком, читала ему вслух книги, журналы, газеты...

Время для разговоров неумолимо истекало. Объявили посадку. Прощаясь и крепко пожимая ей руку, Паша сказала:

— Вы очень хорошая, Рая. Во всяком случае, я никогда не забуду вашей доброты и ласки к моему брату.

— А я никогда не забуду вашего брата, — сказала она, покосившись на часы. — Хочется открыть перед вами свое сердце, чтобы вы знали, что я хочу Ванюше одного лишь доброго, хорошего.

— Понимаю...

— Мне нечего скрывать перед вами... да и зачем бы я стала скрывать, — сказала она, — мне тяжело расставаться с Ваней. Знаете, привыкла к нему. Я предложила ему свою дружбу, любовь.

Паша улыбнулась. Она почему-то уже предвидела, что разговор примет такой оборот.

— Вы что же, договорились уже с Ваней?

— С ним, пожалуй, не так скоро сговоришься, — чуть-чуть обиженно сказала Рая, — наши отношения пока что только дружеские. Если и будет у нас свадьба, то не скоро.

— Почему же?

— Пусть об этом скажет Ваня.

Иван слышал весь этот разговор и все объяснил сам:

— Этой весной я собираюсь поступить в институт, твердо еще не знаю в какой. Не знаю и где, в каком городе буду учиться. Как же мне думать сейчас о свадьбе?

— Ты прав, дорогой, — ласково сказала Рая.

— Прости меня, Раечка... — заволновался он. — Может, я не так сказал... Я тебя очень люблю... Ты мой самый верный друг, товарищ...

У нее было счастливое, смеющееся лицо.

Сразу же по приезде в Старо-Бешево Иван начал заниматься физическим трудом.

— Тренирую себя, — шутливо говорил он. — Мне нужно быть сильным, здоровым.

Он вставал чуть свет, носил воду, колол дрова, строгал доски. Никита Васильевич умолял его ничего не делать. Но Иван усиленно тренировал свою руку.

Вечером он играл в шахматы. Играл с Николаем, Константином. Проигрывал, но не сдавался. В семье Ангелиных Николай был чемпионом по шахматам. Иван долго не мог простить Николаю своего поражения и продолжал усердно изучать теорию шахматной игры. Вскоре отвоевал первенство. Тогда он стал ходить в клуб и там сражаться с местными чемпионами. Однажды на районном шахматном чемпионате Иван сыграл восемь партий: пять выиграл, проиграл две и одну свел вничью.

В один из дней Иван постучался в районный комитет комсомола. Долго беседовал с ним первый секретарь райкома Владимир Филатов. Секретарь посоветовал Ване готовиться к поступлению в юридический институт.

Беседа в райкоме комсомола окрылила Ивана. Он сам сконструировал оригинальный прибор, с помощью которого стал быстро и хорошо писать. На столе появились учебники, книги, тетради. Ему читали, а он, пользуясь своим прибором, ясно и четко записывал все необходимое. У него появилось много друзей, они с удовольствием и увлечением помогали ему в учебе.

Старшей пионервожатой в средней Старо-Бешевской школе работала Анастасия Федорова. Райком комсомола поручил ей взять шефство над Иваном. Она с большой охотой выполняла это поручение. Приходила к Ване домой, садилась за стол и читала, а он жадно вслушивался в то, что она читает, конспектировал, запоминал.

По-прежнему Иван вставал на рассвете и с небольшими перерывами занимался весь день.

Радуюсь его успехам, Паша как-то сказала ему:

— Ванюшка, теперь-то и письмо бы написать Рае. Ведь обещал!

— Подождем, Паша, — волнуясь, говорил он, — нечем еще хвалиться. Вот поступлю в институт, тогда и напишу.

Письма Рае он, конечно, писал, но не распространялся об этом.

Как-то августовским вечером Паша возвратилась домой раньше обычного. За столом сидели Иван и Анастасия Федорова.

— Ну, Паша, — сказал Иван, — первое задание выполнено. Еду сдавать экзамены в Харьковский юридический институт.

— И уверена, что он выдержит испытания, — заторопилась подтвердить Анастасия. — Он подготовился отлично.

...Спустя некоторое время Иван вернулся из Харькова. Ангелины всей

семьей сидели за столом, пили чай. Вдруг распахнулись двери, и Анастасия за руку ввела Ивана.

— Выдержал экзамен! — радостно воскликнул он.

— Какой же ты молодец, Ваня! — обнял его Никита Васильевич.

— Нет, не я молодец... это страна моя такая, она делает нас молодцами.

Спустя некоторое время Иван отозвал Пашу в сторонку и сказал ей, что нужно поговорить по важному делу.

Паша насторожилась.

Оказывается, он хочет подать заявление в партию. Конечно, она одобрила это решение.

Заявление Ивана Ангелина обсуждали на общем партийном собрании. Секретарь партийной организации колхоза «Запорожец» Леля Ангелина зачитала документы: автобиографию, анкету, рекомендации, которые дали Ивану Дмитрий Коссе, Никита Васильевич, Паша и райком комсомола.

Леля попросила Ивана рассказать свою биографию. В комнате поднялся шум. Кто-то из коммунистов крикнул: «Знаем мы Ангелина-младшего!»

Иван подошел к столу. Стало совсем тихо. Он начал говорить медленно, с трудом — мешало волнение. Затаив дыхание слушали его молодые и старые коммунисты.

Иван рос на их глазах. Они помнили, как еще с юных лет он мечтал стать трактористом. В дни войны он с честью выдержал суровые испытания, выпавшие на его долю. Он оправдал доверие своих односельчан.

Почти три года находился он в действующей армии на передовых позициях.

...Было это в Верхней Силезии, на окраине города Бреслвля. Перед артиллерийской подготовкой Иван видел восход солнца. И вот начался штурм укрепленного пункта врага. Иван находился в авангарде штурмующих отрядов. Вскоре он был ранен осколком снаряда, но, и раненый, истекающий кровью, не покинул поля боя.

Совсем-совсем близко разорвался еще один снаряд. Ярко вспыхнул свет, а потом... Больше он ничего не помнил. В госпитале ему сказали, что несколько часов он лежал, засыпанный землей...

Иван закончил свой рассказ словами, что давно считает себя коммунистом. Одобрительные возгласы послышались в комнате, и Дмитрий Коссе сказал с места. «Предлагаю голосовать!»

Иван Ангелин был единогласно принят кандидатом в члены партии.

МИЧУРИНЦЫ

Колхоз имени Мичурина был самым отстающим не только в Старо-Бешевском районе, но и в области. Об этом можно было судить хотя бы по тому, что основная зерновая культура — озимая пшеница давала здесь всего по 7,5 центнера с гектара, ржи собирали по 9,8 центнера с гектара, а ячменя и гречихи — и того меньше. Агрономической науки здесь не признавали, несмотря на то, что старые хлеборобы настоятельно требовали вести глубокую пахоту и сеять зерновые по черным парам.

В районе уже махнули рукой на этот колхоз: «Разоренное хозяйство. Для восстановления нужны люди, ассигнования».

В то время, а было это в 1947 году, районные организации еще не научились конкретно заниматься каждым колхозом. Ни районный отдел сельского хозяйства, ни исполком депутатов трудящихся не уделяли внимания отстающему колхозу, находящемуся в тридцати пяти километрах от Старо-Бешева. «Далеко и несподручно туда добираться», — объясняли иные районные работники.

Тем не менее, несмотря на большую занятость и гнилую мартовскую дорогу, Паша по настоятельной просьбе колхозников артели имени Мичурина поехала к ним.

«Ты, как депутат верховного органа советской власти, вмешайся в наши дела, потревожь районное начальство, — говорили ей колхозники, — край наш благодатный, земли богатейшие... Наши люди многое могут сделать. Надо только вдохнуть в них силы...»

Первая встреча с председателем колхоза Демидом Матвеевичем Загорулько произвела на Пашу тягостное впечатление. «Скользкий какой-то человек, изворотливый, к нему с голыми руками не подступишься», — отметила про себя Паша, как только начала знакомиться со здешними делами.

— Вот собираюсь, Демид Матвеевич, заняться вашим хозяйством, — сказала она. — Настала пора поднять ваш колхоз.

Паша пробыла в колхозе несколько дней и потребовала, чтобы Загорулько рассказал, как он ведет колхозные дела, показал свое хозяйство.

— А что показывать-то, — развел огромными ручищами Загорулько, — я же не восходящая звезда, как твой Коссе.

— Значит, по наклонной вниз ползешь?

— Как сказать... в обозе не плетемся, и то слава богу.

Загорулько стал жаловаться на то, что он никак не хотел после войны за колхозные дела браться, приехал к отцу, думал у него отсидеться, а потом понял, что «председателям нынче сытнее живется», вот и пошел в председатели. Он совсем не стеснялся в выражениях, и его нутро шкурника так и вылезало наружу.

— Значит, жив еще ваш батя? — удивилась Паша, вдруг вспомнив того марьяновского мужичка Загорулько, который был кротким и добрым холопом у кулака Панюшкина.

— А чего ему поделается? Недарма, что за восьмой десяток перевалило, а крепкий, — сказал Загорулько и вдруг, вспыхнув, с раздражением глянул на Пашу сверху вниз. — Ну, а тебе-то что... ты чего выискиваешь? Должна знать, с кем дело имеешь. Заслуженный я человек, фронтовой. Боевыми медалями награжден.

Она еще раз спокойно объяснила ему, что хочет заняться его колхозом, что это сами колхозники пригласили ее сюда.

Чтобы смягчить неловкость, Загорулько перевел разговор на какую-то давнюю историю с получением леса для строительства фермы и болтал еще о чем-то явно второстепенном.

Ближе к вечеру, на общем собрании колхозников все выяснилось досконально. Загорулько еще пробовал вывернуться, лгал, бил себя в грудь, «бренчал» медалью, кричал: «За что боролись, за что кровь проливали на фронтах с проклятым фашизмом!» Не помогло. Ни один человек за него не заступился, все подтвердили, что Загорулько довел колхоз до полного разорения.

— Фашизм мы не терпим в любом виде, — заявила под гром аплодисментов Паша, — как не терпим и тех, которые свои личные интересы, свое благополучие ставят превыше государственных. Скажу по секрету, распалил во мне злость этот ваш главарь, бряцающий медалью. С такими оголтелыми «деятелями» нам не по пути, — заключила она и, поправив спадавшую на лоб кубанку, ясным взором обвела сидевших в зале колхозников.

И когда Паша обернулась для того, чтобы еще раз посмотреть в подлющие глаза этого лысого хлюста, его уже не было, а место за столом президиума занимал тот самый славный парень Петр Веселый с волнистой гривой волос, которого на правлении рекомендовали председателем колхоза.

Колхоз имени Мичурина шел в гору. Паша следила за его ростом и радовалась его успехам.

Спустя несколько месяцев она снова побывала у мичуринцев и воочию убедилась, что жизнь у них бьет ключом. Можно было подумать что в этом хозяйстве никогда и не было упадка. На одном поле заканчивали уборку гречихи, а уродилась гречиха в том 1950 году на диво — не сам-четыре, а все сам-двадцать пять, по двадцать пять центнеров получили с гектара. На другом поле копали картофель, на третьем — убирали капусту, на четвертом — сеяли перекрестным способом по черным парам озимые, а неподалеку от колхозного двора, у новой, недавно отстроенной электростанции мощностью в сто киловатт хлопотали колхозные электрики.

Никто не жаловался, не уваливал от работы, не просил, чтоб его отпустили «в соседний колхоз» или «поддержали хлебом». Наоборот, теперь в присутствии Паши многие колхозники обращались к председателю Петру Веселому совсем за другим... за вином, которое, кстати говоря, колхоз стал изготавливать собственными силами. К одному фронтовой друг приехал в гости, другой собрался на свадьбу к родственнику.

К Паше подошла одна девушка, вся сияет, в лентах, нарядно одетая, и пригласила ее на свою свадьбу.

— Идет жизнь?

— А чего же ей останавливаться? Хорошо шагает, Прасковья Никитична!

Колхоз имени Мичурина выполнил свою первую заповедь — сдал сколько было положено хлеба государству, перевыполнил план осеннего сева, засыпал необходимые семенные фонды, выдал колхозникам на трудодень по пять килограммов хлеба.

И вот уже в зимнюю пору в гости к Паше из колхоза имени Мичурина приехали два старика, приехали, чтобы порадовать ее новыми добрыми вестями.

Первым вошел Степан Васильевич Олейников. Встретила его Ефимия Федоровна.

Старик неторопливо снял дубленую шубу, смахнул снег с сапог и медленно, вразвалку вошел в комнату. Подошел к стулу, осмотрел его и, как бы убеждаясь в его прочности, сел. Внимательно осмотрев все вокруг, спросил:

— А что, дочки твоей дома нету?

— Дома, дома! — откликнулась Паша, выходя из своей комнаты.

— Мы мимоходом к тебе, Паша, — сказал Степан Васильевич, как бы

извиняясь за вторжение.

Опять раздались шаги, отворилась дверь: Ефимия Федоровна выбежала навстречу.

— Алексеич!

— Не ожидала? Мы к твоей Паше, поделиться пришли, о жизни поговорить. Давно собирались, да времечко-то как раз в обрез.

— Приятно слушать добрые вести, — с лаской в голосе сказала Ефимия Федоровна. — Может, чайку попьете, старики?

— Э, рановато, Федоровна, записывать нас в старики, — усмехнулся Никифор Алексеевич. — Мы такими делами ворочаем, что молодым за нами не угнаться.

— Эх вы, молодежь! — шутливо произнесла Ефимия Федоровна и заторопилась, чтобы вскипятить чай.

Тем временем гости-мичуринцы докладывали своему депутату о колхозных делах.

— Дела наши, Никитична, завидные, волнующие. Торопиться надо, ведь не два, а один век живет человек. А пока жив, надобно стараться все сделать, чтоб внуки и правнуки добрым словом тебя вспомнили. Во как, Никитична! — Никифор Алексеевич все больше и больше увлекался. — Еще поживем да и поработаем на счастье народное, потому что человек без труда страшнее любого зверя становится, вспомни нашего минувшего лысого хлюста. Ох, и окрестила ж ты его имечком!

— Не позабыли? — засмеялась Паша.

— Такое помнится... Так вот, работаем мы, сил не жалеючи, а вон ребята, что с войны возвратились, ворчат. Мол, поработали деды на своем веку вдоволь, теперь и на покой им пора... Нешто это, Паша, справедливо? Нашему вот деду Охримычу девятый десяток пошел. Цельный год маялся на печи. Одолела его тоска, пришел на поклон в колхоз и говорит: «Нет сил моих более на печке лежать, все бока отлежал. Этак полежу — помру, а помирать неохота, на колхозной земле больно хорошо стало». И дали Охримычу должность, он нынче пасечником работает, первый ударник в колхозе. И Никитич наш нынче при должности и Лука. А Степан Василич? Этот в поле каждый раз, ему будто второй десяток только минул...

— Ты мое имя не тревожь! — обозлился Степан Васильевич. — Ты лучше про свои дела докладывай.

— Моих делов нету, есть общие, — горячо возразил ему Никифор Алексеевич.

— По-прежнему цапаетесь, молодежь? — поинтересовалась Ефимия Федоровна.

— Ну, как же можно мирно в нашем деле? Вроде скучновато, застой получается, — заметил Никифор Алексеевич и, подмигнув Степану Васильевичу, добродушно улыбнулся: — Друг друга пилим, но, между прочим, дружи — водой не разольешь. Рассуди, Паша. Я говорю Василичу: «Срамота одна — не иметь в колхозе сада. Живем будто в тундре какой, глядеть тоскливо». А он свое тянет: «Не нашего ума это дело. Не поспели мы с тобой, Никифор, так пусть молодые займутся яблонями». Оно верно, нам в эти годы фашистского разбоя не до яблонь было. А ныне? Какая тому помеха? Вот бы и развести сад для людства. Кое-как мы развертываемся, уже и множество ям накопили. А Василич наш хоть и серчает, а более всех старается в этом деле. Вот бы, Паша, достать бы нам такие саженцы, чтобы не мерзли.

— В том смысле, — подхватил Степан Васильевич, — чтоб мичуринские, морозостойкие... Ведь Иван Владимирович Мичурин всю жизнь отдавал народу. Потому и самые наилучшие сорта создал.

— Понятно, понятно, — охотно откликнулась Паша, — обещаю достать вам такие саженцы, мичуринские.

Никифор Алексеевич спросил, приедет ли Паша к ним еще денька на два до лета, и очень благодарил Пашу за то, что она так терпеливо выслушала их длинный разговор о садоводстве и о знаменитом Мичурине.

МАШИНЫ И ЛЮДИ

Проводив гостей, Паша направилась к центру деревни: ей нужно было повидаться с Антоном Дмитриевым.

Вечер, как это бывает зимой на Украине, был удивительно ясным, красочным, звездным. Покрытая серебристым снегом земля казалась тоже ясной и светлой.

В тишине Паша слышала только свои шаги. Но нет, она все время улавливала и еще какой-то звук. Издалека доносился ровный гул моторов. Да, в мастерской МТС проводили обкатку тракторов.

Вдруг впереди послышалась песня. Высокий голос выводил:

*Волга, Волга, мать родная,
Волга русская река...*

Где же это поют? Паша на мгновение остановилась, прислушалась. Неподалеку за домом играла гармонь.

Вот уже она идет мимо высокого забора, и за ним виден свет. Да, так и есть. У дома Елизаветы Челпановой стоят парни и девушки.

Паша замедлила шаги. Слышит, запекает учетчик тракторной бригады Александр Пефтиев. Все знакомы, все милы сердцу. Сейчас она подойдет к ним, и кто-нибудь из парней крикнет: «Шире круг! Бригадир женской — собственной персоной. А ну, давайте плясовую!»

И залетится гармонь, выйдет на середину парень, причмокнет губами, стукнет каблуками и пустится в пляс...

Весь день, с рассвета до позднего вечера, на морозе все эти парни и девчата расставляли в степи щиты, сооружали снежные «бастионы», чтобы, преградив путь ветру, утеплять озимые. Возили удобрения, ухаживали за скотом, работали на ремонте тракторов, комбайнов, прицепного инвентаря... Но вот окончился трудовой день, зажглось электричество, и парни и девушки вышли на улицу — петь и танцевать.

Те, кто любит жизнь, неразлучны с весельем. В Старо-Бешевской деревне умеют и работать и отдыхать.

Паша постучалась в дверь. Навстречу ей вышла высокая стройная женщина. Это была жена Антона Алексеевича Дмитриева, Мария Андреевна.

— А, Паша! Милости прошу...

Антон Алексеевич заметил, что она заставила себя долго ждать. Ужинать без нее не садились.

Хозяин вышел из-за стола, крепко пожал ей руку и почему-то покраснел.

Антон Алексеевич — давний друг Паши. Он один из старейших трактористов, а ныне — помощник бригадира тракторной бригады.

Детство у него было тяжелое. Десяти лет он нанялся подпаском к кулаку Панюшкину, к тому самому, у которого работала Паша. В 1929 году Антон вступил в колхоз. А спустя год стал учиться на тракториста. Ему было тогда девятнадцать лет. Учеба шла у него туго, даже весьма туго, но он был необыкновенно любознательным и трудолюбивым человеком, и после трудового дня в поле он много вечеров — то с Пашей, то со старшим механиком МТС, а потом и сам — изучал устройство трактора. Иногда засиживался в мастерской до утра, следил за ремонтом и, случалось, краснея, показывал детали собственного изготовления.

Не подумайте, что Антон Дмитриев такой стеснительный, что только умеет краснеть. Нет, он резко меняется и гневно обрушивается на тех, кто, по его мнению, действует неправильно. В такие моменты добродушное выражение пропадает с его лица, и наружу прорывается его страстный гнев.

Вот так было и совсем недавно, когда Дмитриев имел с бригадиром тракторной бригады Ангелиной довольно крупный разговор. Он резко упрекал руководство МТС за оторванность от механизаторов, за барское отношение к их нуждам.

«Что же он скажет теперь? Зачем настоял на встрече с нею? Может быть, опять ввернет что-нибудь такое, от чего бросит в жар?» — думала Паша.

И вот Паша и Антон сели к столу. От жарко натопленной печки шло приятное тепло. Мария Андреевна жарила в шипящем масле пирожки с мясом — кстати говоря, в Старо-Бешеве их очень любят.

Антон не спеша вынул из портсигара папиросу и долго мял ее пальцами, не закуривая. Видимо, нелегко ему было начать разговор, но потом все же он высказал все, что его тревожит. Да, не только его, но и всех трактористов. Ремонт машин идет со скрипом. А директор МТС Цимиданов к делу относится по-канцелярски. Известно, что если на трактор поставить хоть одну плохую деталь, машина легко выйдет из строя, с нею не вспашешь и не посеешь. Сегодня Дмитриев хотел оставить трактористов на сверхурочную работу в мастерской, но Цимиданов

воспротивился и погнал всех домой...

— Так мое сердце кипит, хоть кричи, хоть плачь.

Паша сочла, что в данном случае директор прав.

— Надо уметь, дорогой мой, обеспечить качество ремонта машин в отведенное по графику время.

Дмитриев объяснил Паше, что задержки происходят не по вине трактористов. С деталями в МТС полная вакханалия. Так дальше работать невозможно. Зря она защищает Цимиданова.

— Я защищаю не Цимиданова, а правильные действия директора.

— И... и как же будет?

— Как тебе лучше растолковать... Будет то, что мы заставим дирекцию подавать детали по графику. Они обязаны нас обеспечить...

— Обеспечат-то обеспечат, но когда? Мы хотим подготовить машины к весне досрочно и качественно. С чиновничьим отношением к делу надо кончать, Паша.

В мастерской МТС было тепло, даже жарко. Паша сняла пальто, повесила на вешалку. Каждый раз, входя в мастерскую, она как-то по-новому ощущала радость труда. Под высоким сводчатым потолком стояли тракторы: один с мотором, другой еще только с несколькими деталями, третий — совсем не оснащенный, один остов...

Сборочный цех занимал почти треть мастерской. Около каждой машины на чистом полу лежали детали, инструменты. Люди работали в полную силу, не отвлекались ни на минуту. Звонкие удары молота по наковальне, рокот работающих моторов, глухой стук дерева, скрежет металла — все это сливалось в одну взволнованную мелодию труда.

Именно здесь, в мастерской МТС, начиналась борьба за хлеб, за урожай. Тракторы в бригаде Ангелиной отлично работали на полях прежде всего потому, что каждый тракторист во время зимнего ремонта старался привести машину в отличное состояние. Антон Алексеевич часто говорил: «Плохо отремонтированный зимой трактор приносит несчастье трактористу летом. Наоборот, отлично подготовленный в зимнее время трактор приносит летом счастье и радость».

В этом году трактористы Пашиной бригады вели зимний ремонт с особым напряжением. Призыв рабочих Ленинграда — выполнить пятилетний план в четыре года — вызвал небывалый энтузиазм. Отвечая ленинградцам, ангелинцы взялись выполнить пятилетний план тракторных работ за три года.

...Паша остановилась у трактора, где работал Иван Пештиев. Он

держал в руках какую-то деталь.

— Хорошая?

— Попортили. Я такую деталь ставить не намерен. — И он тут же достал другую деталь и, перебрасывая ее с ладони на ладонь, весело сказал: — А вот эту сработали крепко.

В нескольких шагах от Пефтиева, стоя на коленях, внимательно осматривал поршневые кольца Илья Савин.

— Колдуешь, Илья? В графикходишь? Или помочь? — спросила Паша.

— Нет, постой, меня спасти еще рано. Я попытаюсь справиться один. Если не подкачают с деталями, мой трактор пойдет на обкатку раньше положенного срока.

Паша пробыла в мастерской весь день и всю ночь. Время летело незаметно: когда работа спорится, даже стрелки часов и те пробегают свой путь быстро.

В окно светило солнце и грело по-весеннему, хотя еще стоял февраль и только вчера еще было морозно.

В мастерской медленно стихал шум, и, наконец, наступила непривычная для слуха трактористов и ремонтников тишина. В примыкающей к мастерской комнате собрались те, кто занимался ремонтом, — трактористы, кузнецы, механики, мотористы. Они пришли сюда возбужденные, встревоженные — разговор шел о поршнях, о подшипниках, о цилиндрах, о том, как лучше организовать труд, как поднять качество и досрочно закончить весь ремонт.

Когда Паша со своими питомцами покидала усадьбу МТС, солнце уже стояло высоко. Таял снег, журчали ручьи. Шли медленно, полной грудью вдыхали свежий воздух.

— Удивительная погода стоит, — сказал кто-то. — Отродясь не помню такой мягкой и теплой зимы.

— На озимые не влияет, а это самое главное, — откликнулся Антон Дмитриев.

— Я смотрел озимые, — пояснил Иван Пефтиев. — Душа радуется. Так пошли в рост хлеба, любо-дорого.

Илья Савин подвел под это заключение агрономическую базу:

— Кто нынче не дремал и сполна посеял озимые по черным парам, тот будет с хлебом.

— Открытие двадцатилетней давности, дорогой Илья! — не преминул кольнуть его Антон Дмитриев.

Тут в разговор вмешалась Паша. Она заступилась за Савина. Ведь он

говорит дельные вещи. Но, подумать только, как меняются люди! Давно ли тот же Савин противился тому, чтобы сеять озимые перекрестным способом по черным парам, и вот уже он выступает защитником передовой агротехники.

— Прощу тебя, — обратилась она к Савину, — развивай и дальше свою мысль о посеве озимых по черным парам.

— Вот и развиваю... — не растерялся Савин. — Нынешний год, так сказать, особенный. Зима долго не простоит, а значит, надо быть готовыми удержать как можно больше влаги в земле.

— Эх, жалко Константин Федорович не слышит! — восхищенно воскликнул Дмитриев. — А то бы он как-то бодрее реагировал на наши законные требования насчет деталей.

Илья Савин решил сделать вторую пробную обкатку своего «СТЗ-НАТИ». Перед тем как включить двигатель, он вместе с Антоном Дмитриевым еще раз облазил машину, ревниво ощупал каждый болт и каждую деталь, заглянул в утепленную будку: отныне она снова становилась «а всю посевную и уборочную его вторым домом.

— Ну как? — стараясь перекрыть гул мотора, спросил Дмитриев. — Все на ходу?

— Трудно сказа-а-ть, — неопределенно ответил Савин. Он был не в восторге от проведенного капитального ремонта трактора.

— Давай двигай!

В ту же минуту «СТЗ-НАТИ» плавно тронулся с места.

Савин кратчайшим путем выехал в поле. Теперь его трактор работал на полную мощность. Гусеницы глубоко вгрызались во влажную почву, разбрасывая по сторонам комки липкой грязи. Но вот трактор начал как-то скрипеть и шататься в сторону.

Савин пригнулся к рулю, весь он как бы превратился в слух, стараясь чутко уловить малейший звук, любой подозрительный скрип и скрежет. Вдруг что-то треснуло. Савин тотчас же сбавил скорость. Вскоре мотор стал работать с перебоями, с каким-то надрывом.

В который раз Савин останавливал трактор, ложился в грязь под него. Он отчетливо знал, что все это бесцельно, что трактор требует новой переборки, но все-таки он еще и еще раз проверял радиатор, поступление масла, состояние конических подшипников.

Когда через час трактор возвратился на усадьбу МТС и остановился возле мастерской, лицо Дмитриева было землисто-бледным. Он взглянул на Савина и зло выругался.

— Сборка тут ни при чем, — оправдывался Савин, — все пригнано как надо, механическая обработка деталей никудышная.

Дмитриев весь передернулся.

— Какая кустарщина! Это мы припомним товарищу Цимиданову.

Потом, повернувшись к Савину, он предложил ему взяться за переборку ходовой части, а слесарям предложил опять начать ладить задний мост.

Савин виновато улыбнулся и пошел в мастерскую. Под вечер, после крупного скандального разговора с Цимидановым, Дмитриев ушел из МТС. Шагал медленно, тяжело, на душе было тоскливо.

Вокруг него разносились звуки идущей весны. С шумом и ревом неслись могучие потоки воды, устремляясь в Кальмиус. Где-то впереди садились на поля жаворонки, прилетевшие из далеких теплых мест.

«Вот она, ранняя дружная весна... — мучительно думал Дмитриев, — а совесть моя перед нею не чиста. На сердце будто камень лежит. Скоро выезжать в поле, а у нас такая неуправка с тракторами. Савин, тот вовсе проваливает ремонт. Говорит, не его вина. А чья же? Где же и мои глаза были? Мог же я помочь ему? Почему вовремя не вмешался? Щадил самолюбие его... А самолюбие всей бригады? Некоторые именитые специалисты начали большой спор. Доказывают, что для обкатки трактора не нужны просторы. Мол, выдумывать тут нечего, существует специально сконструированный стенд на двух кронштейнах. Вот на нем и приводите в движение рабочие органы трактора, ведите обкатку на первой, второй, третьей передачах. А Паша? Она другого мнения. Она доказывает свое, добытое из многолетней практики. От стендовой обкатки и она не отказывается. Это так называемая первая стадия опробования ходовых органов трактора. Но вторая стадия, наиболее трудная, ответственная, — это проверка трактора, вышедшего из капитального ремонта в. полевых условиях. И она права. Она сознательно усложнила процесс обкатки, но это усложнение обеспечит хорошую работу трактора на пахоте и севе. Все это так, но пока тяжеловато нести эту ношу. А нести надо...»

Если что-нибудь и пугало Антона Дмитриева, то не дополнительная нагрузка, которую взвалил на его плечи бригадир трактористов, требуя полевой обкатки трактора, а сознание ответственности за своевременный выезд в поле.

Антон свернул на шоссе и вышел к знакомому одноэтажному дому, где жила Ангелина. «Может, заглянуть на огонек? Или не тревожить? Пусть лучше проведет время с семьей». И все же Дмитриев постучался. Он поднялся по ступенькам лестницы и прислушался. В доме было шумно.

Кто-то играл на пианино. Наверно, Светлана, а может быть, Сталинка?

Еще в сених Антон услышал голос. Ефимии Федоровны, и добрая улыбка скользнула по его утомленному лицу. Он опять постучал. Ефимия Федоровна, набросив на плечи шаль, поспешила навстречу.

— По стуку узнаю, что ты сегодня злой! Да и шагаешь тяжело.

— На то есть особая причина, Федоровна.

— Работаешь много? — Она дружелюбно посмотрела на него.

— Пока без пользы для ранней весны.

— Э, да ты, право, Антоша, не в духе.

— Выдохся... — упавшим голосом сказал он.

— Не узнаю тебя. Не на должном уровне у тебя морально-политическое состояние. — Ефимия Федоровна так неожиданно вернула слова, позаимствованные ею в кружке текущей политики, что Антон не удержался и рассмеялся.

— Ну, это, Федоровна, уже из политграмоты.

— Не скрываю, взяла оттуда.

Она пригласила Антона снять свою кацавейку и сесть ужинать. Он стал отнекиваться, но в эту минуту из соседней комнаты вышла Паша и сразу начала «допрос»:

— Илья выводил трактор на обкатку?

— Да, так, как ты наказала, — неторопливо ответил Антон, — но удача не сопутствовала. Надо заново кое-что перебрать; проверить коробку передач, задний мост и ходовую часть.

Этот ответ означал, что Савин опять поставил их бригаду под удар. Паша задумалась. Как странно, она верила, что все будет хорошо, а теперь, видно, надо вновь исправлять недостатки ремонта. А время идет, и солнце пригревает, и земля раскрывается.

— Да, видно, мы оплошали несколько, — согласился Антон, не решаясь, однако, тут же вводить Пашу в курс всех дел с деталями. — Уверен, что ты на днях получишь хорошие вести и о делах Савина. Он по-прежнему грозитя обогнать Челпанову и заявил, что не покинет эмтээс, пока у него трактор не будет в полном порядке.

Ясно было, что надо приналечь на подготовку к весне. Иначе прямая погибель.

Дмитриев понял состояние Паши.

— Боишься, как бы тот самый Гиталов из Мало-Помошнянской эмтээс не выдвинулся вперед?

— А почему же не бояться, — не стесняясь, сказала она. — С таким, как Гиталов, шутить опасно. Он человек геройского склада, с характером.

— Как у тебя, — бросил Антон.

— Сильнее! Куда сильнее.

Наконец она вспомнила, что Антон ничего не ест, и придвинула ему масло, хлеб, чай.

— Да, а насчет того, какой Александр Гиталов, так ты лучше всего порасспроси у Никиты Сергеевича Хрущева. Никита Сергеевич у него не раз бывал и говорит о нем как о первоклассном трактористе.

Антон собрался уже уходить, вышел из-за стола, но не успел накинуть на себя фуфайку, как вошла Елизавета Челпанова.

— Оказывается, есть еще более поздние гости, чем я, — улыбнулся Антон.

На самом деле Челпанова пришла прямо из мастерских. До позднего вечера она возилась с ремонтом, приспособливала к колеснику уширитель и дополнительные шпоры.

Паша похвалила ее за такую настойчивость. Эти меры помогут удержать влагу.

Ефимия Федоровна с материнской ласковостью принялась обнимать Челпанову и тем вызвала ревность Антона.

— Эх, Федоровна, — в шутку проговорил он, — какая же несправедливость на белом свете! Меня встретили в штыки, даже урок политграмоты преподали, а Лизе почему-то особый почет!

— Завидки берут, а? — Паша похлопала его по плечу.

— Завидно... и обидно, — попытался оправдаться Антон, и ямочки в уголках его рта задрожали от улыбки.

— Да ты же сам давеча хвалил ее, — сказала Ефимия Федоровна. — Лиза — честь всей нашей бригады, ей и первый мой материнский поцелуй.

— Верно, мать, — сказала Паша, заканчивая спор.

А Ефимия Федоровна пообещала Антону прийти в МТС и лично поздравить его, когда последний трактор выйдет из ремонта.

Паша поинтересовалась тем, каковы дела у Савина. Челпанова отрицательно покачала головой.

— Ничего не говорит... молчит. Я хотела помочь ему, но он и близко к машине не подпускает. А знаешь, мне хочется еще сегодня пойти в мастерскую, чтобы все-таки выручить Илью.

— Тебе поспать надо.

— Это верно, а как же будет с Ильей?

Дмитриев улыбнулся.

— Не беспокойся, Лиза. Савин оснащен первоклассно. Думаю, старик «СТЗ-НАТИ» уже дрожит перед ним от страха и даже ходовые части в нем

трясутся.

Вдруг Антон решительно поднялся.

— Впрочем, к Илье я пойду сам.

— И правда, Антон, — сказала Паша, — только по дороге загляни к нему домой, скажи жене и детям, чтоб не беспокоились.

Всякий раз, когда у Ангелиных дома собирались трактористы, разговор неизменно сводился к тому, что надо делать, чтоб сэкономить время на ремонте машин, как лучше готовить семена, точнее соблюдать агротехнические правила на севе, на подъеме паров, на взмете зяби, на обработке целинных и залежных земель. Здесь все было подчинено одному: не повторять старых ошибок, двигать свое хозяйство вперед.

Нередко на огонек заглядывали секретарь райкома партии Решетов, председатель райисполкома Брызгалов, директор МТС Цимиданов, председатель колхоза Коссе, бригадиры, звеньевые — и тогда эти «производственные совещания» затягивались до глубокой ночи.

Эти люди стали дорогими и близкими не только ей, бригадиру тракторной бригады, но и ее родителям.

Ефимия Федоровна переживала их радости, как свои личные, а их неудачи, как семейное горе.

Часто после таких встреч с руководителями районных организаций и с работниками колхоза Ефимия Федоровна, оставаясь наедине с Пашей, говорила: «А знаешь, доченька, умно вы сегодня спорили, правильно вопрос зацепили...» И по морщинистым щекам ее катились слезы. Она вспоминала прошлое, каторжную работу у помещика и сравнивала со светлой жизнью, которая наступила теперь. Когда Ефимия Федоровна была в Пашиных годах, она не чувствовала, что жизнь ее кому-нибудь нужна. Сейчас она видела, что она нужна многим, что все, о чем говорят и спорят ее близкие, ей по душе, и она всегда растроганно говорила: «Милые вы мои! Чай-то ведь давно остыл, а вы все еще не наговорились. Налью горяченького. крепенького, душистого...»

Так было и в тот вечер, когда Паша с Цимидановым, Дмитриевым и Коссе намечали планы подготовки к весенне-полевым работам, а Ефимия Федоровна потчевала их крепким ароматным чаем. Константин Федорович Цимиданов под шум беседы набросал на листке бумаги план организации работ в тракторных и полеводческих бригадах и зачитал его присутствующим. Они тут же план дополняли, уточняли...

Разошлись в полночь. И когда Ефимия Федоровна последним проводила Дмитрия Лазаревича Коссе, она не удержалась и сказала дочери:

— Какие они хорошие, душевные...

На рассвете Паша пришла в мастерскую МТС. Дмитриев все еще был занят на сборке тракторов. Он стоял с засученными рукавами, с воспаленными глазами и на вопрос бригадира, как идут дела, произнес чуть дрогнувшим голосом:

— Бессмысленно обманывать самих себя. Я думаю, что к сроку машины из ремонта не выпустим. Савин наверняка не уложится в график. Не ладится и у Ивана Пефтиева: поставил мотор, а он, окаанный, хрипит. — Лицо у Антона было озабоченное, угрюмое: — Я подсчитал... На капитальный ремонт машин должно уйти еще семь или восемь дней.

Паша оборвала его и резко заметила, что это подсчеты скептика, что ремонт можно и нужно ускорить.

Но дело действительно шло неважно.

Она подошла к Илье Савину. Небритый, одетый в черную, измазанную маслом куртку, он неуверенно ставил на трактор какую-то деталь.

Паша взяла эту деталь из его рук, проверила и не преминула спросить, зачем он решил отращивать бороду.

— Посмотри, на кого похож, — засмеялась она и протянула ему зеркальце.

— Да, морда страшноватая, — не удержался и он на серьезном тоне.

— Скажешь, некогда было? Кто виноват, что не приучился к порядку? Машина любит аккуратного человека.

Паша проверила коренной подшипник у трактора, который ремонтировал Савин, все вкладыши, осмотрела магнето. Потом включила двигатель. Прислушивалась, ощупывала мотор, как доктор больного.

— А ты почему, не подпускал к трактору? — спросила она после того, как проверила мотор.

— Обида сердце жгла, — волнуясь, ответил Илья.

К вечеру на этом тракторе были установлены все сложные детали. Савин то и дело бегал в механическую мастерскую.

— Устал? — допытывалась Паша.

— Не чувствую, — отвечал он, жмуря глаза, и опять то ложился под трактор, то садился за руль управления.

— Вот так лучше. Теперь улыбнись... Нет, и глазами тоже. Мой руки и садись кушать.

Выходило, что Антон ошибся в своих расчетах. Человек он хороший, тракторист — на свете таких не сыскать, а в людей верить не умеет.

Паша видела, что ремонт продвигается успешно.

Опять наступил вечер. Уже вторую ночь она не уходила из мастерской. Сама помогала налаживать дело на самых трудных участках. И что особенно важно подчеркнуть, она совсем не выглядела усталой, была бодра и свежа. «Привычка — вторая натура», — шутила она.

Теперь, после стендовой обработки, на тракторах устанавливали механизмы управления, монтировали моторы, кабины, электрооборудование. В тамбуре монтажного цеха уже шла окраска отремонтированных машин.

Паша успевала всюду. К ней тянулись за помощью, за советами. Но вот удивительное дело: Илья Савин к ней не обращался. Откуда-то из глубины мастерской доносилась песня. Савин увлекся работой, ничего не слышал, ничего не видел...

Несколько раз подходил к нему Антон Дмитриев. Пытался вызвать на разговор, но Савин отвечал нехотя, односложно: «Посмотрим... увидим...»

В полночь стало тихо. Уличный шум смолк. В мастерской была такая тишина, что казалось, можно услышать дыхание людей. Луна, недавно плывшая в просторах голубого неба, вдруг исчезла, и за окном стало темно.

— Слышишь, Илья? Как будто дождь собирается.

— Да, это к добру, Паша.

Но напряжение в мастерской не спало и к утру. Ни трактористы, ни монтажники не позволили себе сделать перерыва в работе. Все спешили. Соревнование Ангелиной с трактористом Мало-Помошнянской МТС Александром Васильевичем Гиталовым подбадривало, увлекало. Каждый знал, что за соревнованием этих двух знаменитых механизаторов следит Никита Сергеевич Хрущев. Он был главным арбитром их творческого поединка. А тут еще рассказывали, что Гиталов, побывавший в Старо-Бешево, внедрил у себя новинки, которые применяла Паша. Как же не стремиться опередить его?

К колесным тракторам для удержания влаги в почве он тоже приспособил уширители и дополнительные шпоры. И, как в бригаде Ангелиной, при глубокой вспашке научил своих трактористов аккуратно опаживать поля. Применил он и новый агротехнический, чисто ангелинский прием — ровно отбивать поворотные полосы на участках. Но разве только этим славен Гиталов? От этого бывалого, храброго воина, маститого земледельца можно было ждать многого.

На рассвете Савин ушел домой, а Паша пошла к Виталию Ангелину. Тот «колдовал» у трактора в другом конце мастерской.

— Похоже на то, что ты еще возишься. — Она улыбнулась и

наклонилась над карбюратором. — Все части отрегулировал?

— Порядок полный, — коротко ответил Виталий и крепко, как всегда, потер руками лоб. — Эх, ежели бы удлинить день!

Она не разделяла его мнения. Ремонт надо вести разумно, с укороченным графиком, и тогда времени хватит. Конечно, если сперва заняться запасными частями и они будут поступать непрерывно. В этом молодой, девятнадцатилетний Виталий толк, бесспорно, понимал. Он тут же в разговоре предложил одно новшество, которое должно было повысить полезную работу тракторов.

— У меня такой вариант, — Виталий хитро взглянул на бригадира и стал ключом что-то чертить на цементном полу, — обеспечить засыпку семян в сеялке на ходу, чтобы не останавливать трактор для заправки сеялок. Одно это, как я подсчитал, позволит дополнительно засеять три гектара в день. А в месяц?

— Думаешь, Челпанова не воспользуется этим же вариантом?

Виталий задумался.

— У меня про запас есть еще одна новинка.

— Какая?

— Новинка для большого разгона, — заявил он решительно, и они отошли от трактора, чтобы о чем-то посекретничать. Задержались у стенда для обкатки. Антон Дмитриев заметил их и тут же пулей подскочил.

— Паша, заработал все же двигатель. Просто чудесно!

— А как же с твоими расчетами, Антон? — она слегка толкнула его: дескать, друг, надо всегда верить в свои собственные силы.

— Мои расчеты полетели к черту, и я, признаться, доволен.

В полдень в мастерскую возвратился Илья Савин. Паша посмотрела на него с удивлением. Он уже успел сменить грязную спецовку на новенькую.

— Антон, внимание! — засмеялась она. — Рекомендую взять на работу нового тракториста Илью Матвеевича Савина. Подойдет?

— Вполне.

— А грязного больше на пушечный выстрел не подпускать к машинам.

— Так точно. Будет исполнено, — скороговоркой отчеканил Антон.

Прошел еще день. Напряжение не ослабевало. Треск электродвигателей не умолкал ни на минуту и разносился по всей мастерской, как пулеметный огонь. И тут произошло то, чего никто, по совести говоря, не ждал: к концу недели трактористы повели свои машины в степь.

АНКЕТА МИСТЕРА КАЙСА

В Донбассе стояло «бабье лето». Было тепло, ясно и сухо. Нестерпимо для глаз голубело небо. Над землей, вплоть до сиреневой линии горизонта, искрились золотые солнечные лучи. Только опавшая, пожелтевшая листва да какая-то особенная прозрачность воздуха напоминали о приближении холодов.

В один из таких дней под вечер Паша пешком возвращалась домой из соседнего колхоза, куда она выезжала на встречу со своими избирателями.

По дороге ее обгоняли легковые и грузовые автомашины. Не раз водители, выглядывая из кабин, предлагали депутату «прокатить с ветерком», но она отказывалась.

Уж очень красочным был этот осенний вечер. Земля лежала в золотом убранстве и была еще красивее, чем летом. Деревья оголились, и казалось, что дороги сделались шире и просторнее; над желтыми кронами садов, над полями призывно рокотали моторы. Все радовало, волновало: и по-хозяйски окопанные стволы яблонь, и высокие стройные березы, протянувшиеся вдоль дороги, и шум машин вдаль, и неугомонный стрекот молотилок, и звуки пилы, и, самое главное, то, что в нынешнем году, как и во все предыдущие годы, поля, на которых работала Пашина тракторная бригада, принесли колхозу новый щедрый урожай.

Подходя к Старо-Бешеву, Паша увидела впереди, на тропинке, стройную девушку. Что-то очень знакомое было в ее быстрой походке, в движениях, в гордой посадке головы. «Неужели Мария Коссе?»

— Мария, Маруся! Неужели ты такая?

Девушка тотчас же остановилась, и стрелки ее бровей лукаво прыгнули на смуглый высокий лоб.

— Это я, тетя Паша!

— Как же ты выросла, деуля ты моя!

— Как те вот дубки, которые сажала, когда училась еще в пятом классе, — ответила Мария, и тоненькие ее губки оттопырились по-детски.

— Ты в каком классе?

— Десятый окончила... Хотела в Киев ехать в сельскохозяйственный институт, да мать отсоветовала. Вы же знаете, одна я у нее.

— Так что же ты решила?

— Пока сделаю так, как советует мать: поступлю в колхоз. А потом... потом намерена осуществить свою давнюю мечту: стану агрономом. — Ее

сжатые брови решительно прижались к переносице.

До чего ж занятия эта черноглазая красивая девушка! Паша и не подозревала, что у Серафимы Георгиевны Коссе, старой колхозницы, выросла такая рассудительная, жадная до работы и до науки дочь. «Выходит, пробел в твоей депутатской деятельности», — мысленно укоряла она себя.

— Куда путь держишь? — помолчав, спросила Паша.

— В степь...

— Зачем?

— К подругам... Помогу им обрабатывать тот стогектарный пустырь под кукурузу. Может, сумею, как они, а может, и обгону.

Паша от души похвалила девушку.

— Конечно... если это мне удастся.

— Удастся, обязательно удастся, раз такое желание есть, — подбодрила ее Паша. — А со временем пойдешь и в звеньевые.

Мария, попрощавшись, заторопилась. А Паша еще долго стояла и прислушивалась к гулу моторов, который плыл над широкими старобешевскими просторами.

За два дня до отъезда в Москву, куда Паша собиралась ехать по вызову министра сельского хозяйства, она сидела в окружении своих домочадцев за разбором писем и телеграмм, прибывших из всех уголков страны и из-за границы.

Паша распечатала первое письмо. Оно было из Болгарии. Писала крестьянка Кувбашиева.

«Дорогая Прасковья Никитична!

Сегодня у меня в жизни был радостный день. Я читала вашу статью в «Литературной газете». Ваш рассказ о жизни в Советской стране мне очень понравился. Вы, дочь бывшего батрака, завоевали мировую славу. Вы честно работаете. А в вашей стране, как я понимаю, кто честно трудится, тому' честь, почет и уважение. Я не могу передать простыми словами, да и к тому же я плохо еще владею русским языком, чтобы поняли вы мою радость. Это первое мое письмо на русском языке, потому что я волнуюсь, прошу извинить меня за некоторые ошибки. Надеюсь, что в будущем этих ошибок будет меньше. Мы в Болгарии считаем себя вашими учениками. У вас учимся строить новую жизнь. Читая вашу биографию, я от счастья плакала. Только в свободной стране высоко ценится труд человека.

Кем я была раньше в Болгарии? Я работала в поте лица и вместе с мужем не могла прокормить единственного ребенка. Нас, крестьян, за

людей не считали. Мы в деревне нищенствовали, голодали.

И вот пришла новая жизнь... Я вступила в трудовой земледельческий кооператив. Членом кооператива является и мой муж. Нечего скрывать: не сразу стало хорошо — не было ни коров, ни лошадей. За каких-нибудь два года выросло хозяйство нашего кооператива. У нас имеется два трактора, пятьдесят шесть коров и восемьдесят лошадей. Члены кооператива трудятся не покладая рук.

Радостно мне работать в кооперативе. Мы получили много хлеба и других продуктов. Муж учится на тракториста. Когда я прочла вашу статью, то у меня тоже появилось желание управлять трактором. Я твердо решила осуществить свою мечту. Я хочу, дорогая Паша, чтобы никогда не прерывалась наша переписка. Пишите о вашей жизни, о ваших подругах. Нас все интересует, что связано с вами — первой в Стране Советов женщиной-трактористкой. Очень бы хотелось вас повидать. Приглашаю вас к себе в гости».

С волнением перечитывала Паша письмо болгарской крестьянки. В ее строках была сама жизнь! Сколько таких писем получала она ежедневно! Ей писали из Берна, Варшавы, Лодзи, Бухареста, Праги, Люблина, Вены, писали сицилийские крестьяне, металлисты Турина, рабочие Неаполя. И они вкладывали в свои письма все, чем горели их сердца. Они хотят строить свою жизнь так, как строят ее советские люди.

«Завидуем вам, госпожа Ангелина, — писали ей крестьяне из Италии, — что вы работаете на свободной земле. Когда же наступит и для нас счастливый день, когда не будет помещиков, когда земля будет принадлежать нам, крестьянам?»

Одна американка из Лос-Анжелоса в своем письме просила старобешевскую трактористку ответить на следующие вопросы. Она спрашивала: не скучно ли жить в деревне, могут ли знатные люди в России культурно воспитывать своих детей, есть ли у знаменитой трактористки Паши Ангелиной дети, а если есть, то учатся ли они в школе, если не учатся, то по какой причине?

Американский фермер Бенжамен Мартен из штата Айдахо писал: «Миссис Ангелина! Я слышал по радио о ваших успехах. Преклоняюсь. Вери гуд. Только я не верю. У нас в Америке не всегда можно верить. Имею к вам вопрос: хочу, чтобы вы сами написали, в чем состоит ваш секрет победы на тракторе? Я буду весьма вам признателен. Опишите подробно ваш метод. А я переведу вам за ваш труд соответствующее вознаграждение».

Было еще одно письмо. В нем сообщалось, что в Нью-Йорке издается

«Мировая биографическая энциклопедия», содержащая биографии выдающихся людей всех стран мира.

Между прочим, там же подробно расшифровывалось, что означает понятие «выдающиеся люди». Это, во-первых, создатели атомных и водородных бомб, а затем уже прочие деятели науки, искусства, литературы, промышленности и сельского хозяйства.

На бланке с изображением толстой книги на фоне развернутой карты мира редактор мистер Кайс извещал советскую трактористку Прасковью Никитичну Ангелину, что ее имя включено в «Мировую биографическую энциклопедию», и просил заполнить приложенную анкету.

Кроме обычных вопросов (имя, год и место рождения и т. п.), Паше надлежало сообщить о роде своих занятий «от начала карьеры и до сегодняшнего дня», о почетных званиях, наградах, военных отличиях и печатных трудах, адрес службы и резиденции, имена и звания родителей, братьев, сестер и детей.

Не откладывая, Паша тут же сообщила мистеру Кайсу в Нью-Йорк, Бродвей 296, о себе следующее:

«Ангелина, Прасковья Никитична, год рождения 1912-й, место рождения (оно же место службы и резиденции) — деревня Старо-Бешеве Сталинской области Украинской ССР. Отец — Ангелин Никита Васильевич, колхозник, в прошлом батрак. Мать — Ангелина Ефимия Федоровна, колхозница, в прошлом батрачка. Начало «карьеры» — 1920 год: батрачила вместе с родителями у кулака Панюшкина. 1921–1922 годы — разносчица угля на шахте Алексеево-Раснянская. С 1923 по 1927 год снова работала у кулака. С 1927 года — телятница в товариществе по совместной обработке земли, а позже — в колхозе. С 1930 года до настоящего времени (перерыв два года — 1939–1940, когда училась в Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева) — трактористка. Детей трое. Член Всесоюзной Коммунистической партии и член профсоюза земельных работников».

«Что касается военных отличий, то таковыми, — писала она о себе, — считаю звание гвардейца, присвоенное мне фронтовиками из подшефной артиллерийской бригады за успешную работу в тылу во время войны».

Далее Паша сообщала мистеру Кайсу, что она избрана депутатом Верховного Совета СССР по 474-му Амвросиевскому избирательному округу. Почетное звание и награды: Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, лауреат Большой золотой медали Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, награждена тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

В комнате еще горел электрический свет.

— Вставай, доченька, завтрак готов.

— Спасибо. — Паша поблагодарила мать и выглянула на улицу. Перед домом стояла машина. — Да, пора собираться в путь-дорожку.

Спустя час она была уже в Сталино, а оттуда самолетом вылетела в Москву?

В пятницу утром ее принял министр сельского хозяйства Бенедиктов. От него она узнала, что ей предстоит доклад на коллегии министерства. Министр попросил ее основательно подготовиться и поподробнее рассказать о том, как механизаторам удалось на полях старо-бешевского колхоза в 1946–1947 годах, несмотря на сильную засуху, вырастить богатый урожай.

...В понедельник в половине пятого вечера Паша пришла в министерство. Большая комната была полным-полна народу. Министр, его заместители, начальники главков, агрономы, механики, академики, научные работники...

Паша знала, что все очи очень занятые люди. Тем более было приятно, что они пришли сюда ради того, чтобы послушать ее, бригадира тракторной бригады.

Волнение сдавило горло. Выйдя на трибуну, она долго не могла начать. «Вот бы мне в помощь сюда Цимиданова, — промелькнуло в голове, — пожалуй, в Старо-Бешеве нет другого человека, который так обстоятельно знал бы экономику колхозов, как знает он. Он, конечно, без всяких записей рассказал бы, сколько и каких в каждом колхозе посеяно культур, сколько имеется лошадей, коров и овец, какая среднегодовая выработка на трактор была десять лет назад и какая в нынешнем году, какой был и какой есть урожай колосовых и пропашных».

Но обо всем этом пришлось ей рассказать самой. А это было для нее не так просто.

«Уж лучше бы министр поручил мне дополнительно к плану вспахать сто, двести гектаров земли, чем сделать один доклад перед такой солидной и взыскательной аудиторией».

И все же ее рассказ об опыте получения высокого урожая в засушливом 1946 году вызвал особый интерес.

Паша рассказывала о том, как важно окультивировать почву органическими и особенно минеральными удобрениями, как лучше обрабатывать землю предплужниками и, главное, как важно в условиях довольно часто повторяющегося засушливого лета обеспечить глубокую

вспашку, осеннее боронование зяби, сеять кондиционными семенами по чистым и в особенности по черным парам.

В этом месте торопливый голос прервал ее:

— Скажите, Прасковья Никитична, на больших ли площадях вы сеете озимые?

Паша не растерялась.

— Да, озимая пшеница — основная культура в нашем хозяйстве. Мы сеем ее на огромных массивах, но только по глубоко вспаханной почве и по черным парам. А такие приемы в сочетании с комплексной механизацией дают солидные прибавки урожая.

— А как обстоят дела в соседних колхозах? — поинтересовался министр.

— Вот, например, в колхозе имени Кирова... он находится в одинаковых условиях с «Запорожцем», а урожаи получает низкие. В том же 1946 году колхозники получили там вкруговую по восемь-девять центнеров озимой пшеницы с гектара, примерно в три раза меньше, чем в «Запорожце». Почему же получился такой разрыв? Оказывается, соседи паши пахали мелко, по нечистым парам, и неудивительно, что озимые уродились намного хуже, чем даже яровые.

— Верное наблюдение, — заметил министр.

— Не знаю, права ли я, но мне думается, что в наших условиях юга и юго-востока, где весной и летом дуют суховеи и к тому же выпадает мало осадков, чрезвычайно важно и крайне необходимо практиковать глубокую пахоту, осеннее боронование и посев по черным парам.

— Ваш опыт в этом отношении весьма убедителен, — с похвалой отозвались ученые. — Будем вместе искать дальнейшие пути для повышения урожайности.

— От нас, работников науки, — сказал академик Трофим Денисович Лысенко, — многое зависит, чтобы богатейший опыт старобешевских механизаторов распространить на всю страну.

— И его надо распространить обязательно! — подчеркнул министр. — Чем скорее, тем лучше... Насколько мне известно, работники сельскохозяйственной академии уже приняли меры для того, чтобы научно обобщить опыт старобешевских трактористов.

— Да, это так, — заметил Трофим Денисович Лысенко, — но обобщения наши уже несколько устарели. Надо собрать новые данные об их работе для теоретического обобщения и практического применения в колхозном производстве.

— А они у нас под спудом не лежат, — волнуясь, сказала Паша, —

пусть ученые приедут к нам, и мы раскроем все наши секреты.

— Надо думать, ученые приедут за вашим опытом, — заверил Трофим Денисович, — а я-то уж обязательно выберусь.

— Очень рады будем, Трофим Денисович, еще раз видеть вас у себя, — сказала Паша. — Мы уже имели приятный случай убедиться в вашей доброжелательности к нам, старо-бешевским земледельцам.

Коллегия затянулась до позднего вечера. Усталая, но счастливая, Паша слушала прощальные слова ученых, агрономов, их теплые пожелания дальнейших успехов.

Она вышла из министерства без четверги одиннадцать. На улице было холодно, дул свирепый ветер, срывался колкий снег, но Паша всего этого не чувствовала.

Когда она пересекла площадь Революции и, закрыв глаза, остановилась на минутку передохнуть, ей показалось, что кто-то ее окликнул. А может быть, ей просто показалось? Она обернулась и увидела, что к ней подходит милиционер.

Козырнув, он вежливо спросил:

— Гражданка, вам что, нездоровится? Может быть, вас проводить?

— Благодарю, дорогой товарищ. Мне просто хорошо в Москве.

Вот и гостиница «Москва». Лифт поднял ее на пятый этаж. Войдя в свой 558-й номер, она сняла пальто и, не зажигая света, подошла к окну. Нескончаемым потоком по гладкому асфальту мчались автомобили, автобусы, троллейбусы. «Удивительно, — подумала она, — когда же спит Москва?»

Кремлевские куранты давно отсчитали двенадцать ударов, а Паша еще долго стояла и любовалась величественной панорамой ночной Москвы, древнего и вечно молодого города.

СУДЬБА ПОДРУГИ

В тот зимний вечер Паша с двоюродным братом Юрой Ангелиным, который в это время учился в университете имени Ломоносова, слушала в Большом театре оперу «Иван Сусанин».

В антракте, прогуливаясь по вестибюлю, она вдруг увидела знакомое лицо. От неожиданности растерялась: неужели это Шурочка Чернова?

Между тем прозвенел второй звонок. Юра торопил пройти на свои места, но Паша пошла следом за этой женщиной. Неужели это она?

Да, она не могла ошибиться. Это была именно она, Шура Чернова. Именно с ней она встретилась в холодный ноябрьский день на Украине...

В тот день Паша в числе делегатов от Казахской республики прибыла на фронт. Шли тяжелые бои.

Вскоре после приезда делегацию принял командир дивизии.

— Рад с вами встретиться, друзья, — сказал он. — Но вам придется извинить нас за несколько необычный прием. Сами понимаете, война...

Паше очень хорошо запомнился тот час, когда она вручала подарки бойцам. Но тогда этой женщины не было. О ней генерал сказал:

— Прошу вас, если это, конечно, возможно, оставить подарок нашему командиру артиллерийского дивизиона майору Александре Черновой. Это очень храбрый воин...

Паша ответила:

— С удовольствием.

— Чернова занята выполнением особого задания, — немного погодя сказал генерал, — но она обязательно явится на наше торжество.

Больше о ней разговора не было.

Было уже поздно, когда в блиндаж вошла стройная высокая женщина в длинной офицерской шинели. Генерал представил ее Паше, и Паша тут же вручила ей подарок.

Александра, или, как звали ее в дивизии, Шурочка, Чернова родилась в Днепропетровске. Детство у нее было тяжелое. Пяти лет она лишилась отца, и мать воспитывала ее сама. В тринадцать лет Шура пошла в няньки, качала чужих детей, но ела свой хлеб. Работая, она одновременно и училась. Окончив десять классов, поступила в Днепропетровский университет, а перед войной была уже доцентом того же университета.

И вот грянула война. Шура наотрез отказалась ехать на восток. Она должна сражаться с врагом — и пошла к партизанам. Больше года воевала

в тылу у немцев-ходила в разведку, взрывала вражеские эшелоны, военные склады... Потом попала в действующую армию.

Они вдвоем — Паша и Шура — просидели до утра. А когда рассвело, Александра вдруг заторопилась и сказала:

— Мне с вами, Прасковья Никитична, было приятно поговорить, я очень рада нашему знакомству. Не забывают нас...

Паша по-дружески прислонилась к ней.

— Неужели так быстро расстаемся? Мы обязательно должны еще встретиться.

— Да, встретимся, а пока... — она посмотрела на Пашу. — Берегите себя, дорогой друг! — Они крепко обнялись и расцеловались.

После окончания оперы Паша снова увидела ее. Да, конечно, она не ошиблась: это была она, Шура Чернова!

— Узнаете? — сказала Паша, смеясь.

— Прасковья Никитична!

— Шура Чернова? Майор? Командир артиллерийского дивизиона? — Пашу охватил восторг.

— Торопитесь? Как хотите, Шурочка, но я вас сегодня не отпущу. Вы должны пойти ко мне.

— Сейчас уже поздно. Перенесем наше свидание на завтра.

— Смотрите же, к девяти утра я буду ждать.

— Хорошо.

Как только Паша вошла к себе в номер, кто-то постучал. У порога появилась молодая девушка.

— Простите меня, — сказала она и передала Паше аккуратно сложенную записку. — Вами здесь интересовались американские журналисты.

Шура сидела на краю кровати.

— Вероятно, уже поздно? Ах я, лентяйка! — спохватилась Паша.

— Не волнуйтесь, еще рано.

— Тем лучше. Значит, у нас масса времени впереди.

— Вы давно в Москве, Прасковья Никитична?

— Шестой день...

— А я приехала вчера по вызову Министерства высшего образования. Не правда ли, удивительное совпадение?

— Не представляете, как я рада встрече с вами.

Паша встала, быстро оделась, умылась и тут же заказала завтрак.

— Самое лучшее вино... для самого дорогого гостя!

Они посидели молча, не в силах начать разговор, обещавший раскрыть им так много.

— Помните нашу встречу в энском лесу? — сказала Шура. — На другой же день я была ранена осколком снаряда. Это было мое четвертое ранение. Многие считали, что я обречена на смерть. Но свет не без добрых хирургов... — она улыбнулась. — Таким добрым гением оказался Геннадий Максимович Шендеровский, которому удалось блестяще меня оперировать. Почти три месяца пролежала в госпитале, потом снова возвратилась в свою дивизию. Пока дошла до Берлина, была еще раз ранена. Генерал шутил: «Чернова поклялась победить смерть!» Да и в самом деле, смерть от меня отступала. Не позабыли генерала? Нет? Это был чудесный человек, он относился ко мне как к родной дочери.

— Да, чудный человек, — согласилась Паша.

— Человечище! — с гордостью произнесла Шура. Вдруг зазвонил телефон.

— Слушаю. — Паша сняла трубку.

— Говорит представитель американской прессы, — сказал голос, — смеем надеяться, что вы не откажетесь принять двух корреспондентов.

— Пожалуйста.

— Благодарю, миссис Ангелина. Если располагаете временем, то в два часа дня может состояться наша встреча.

— Прошу, господа.

Паша вернулась к столу и посмотрела на часы.

— Без двадцати пяти два. Ты готова, Шурочка, принять американских журналистов?

— Считаю даже необходимым. Но, может, мне лично исчезнуть, а?

— Ни в коем случае. Надо уравновесить наши силы, — пошутила Паша.

Какая удивительная точность! Ровно в два часа в дверь постучали. Первым вошел мужчина лет сорока пяти. Он был рослый, в сером костюме, с большим кожаным портфелем.

— Простите, — почтительно спросил он, — здесь живет миссис Ангелина?

Прежде чем Паша успела ответить, на пороге появился второй журналист. Покосившись на обстановку в комнате, он снял большие желтые перчатки и представился.

— Рада познакомиться с вами, господа, — сказала Паша и представила

им Чернову.

— Моя подруга, доцент Днепропетровского университета, участница второй мировой войны Александра Георгиевна Чернова.

— Очень приятно, — с полупоклоном сказал первый, бросив быстрый взгляд на Шуру.

— О, йес! Приятно видеть героя второй мировой войны, — подтвердил второй.

Стройная и молчаливая, Шура стояла рядом с Пашей.

— Простите, миссис Ангелина — ваша подруга? — спросил первый.

— Это вас удивляет?

— Вы, как я понимаю, посвятили себя науке. А миссис Ангелина всего лишь трактористка. Вероятно, у вас другие взгляды на жизнь?

— Этот вопрос вас лично интересует или... — Возникла пауза.

— Разумеется, газету, которую я представляю! — произнес он. — Я прибыл в вашу страну, чтобы написать правду о жизни советских людей.

— Благодарная миссия, господа, — заметила Шура.

— Да, но вы не ответили на мой вопрос, — навязчиво повторил первый.

— Надеюсь, — сказала Шура, — вы поймете. Миссис Ангелина и я — большие друзья. Я чувствую себя с нею просто превосходно. Вместе с нашим народом в тяжелой борьбе с врагом мы отстояли честь и независимость нашей Родины, а теперь Ангелина на тракторе, а я в научной лаборатории делаем одно общее дело — создаем на своей земле чудесную жизнь.

У журналиста, задавшего этот вопрос, задрожал подбородок. Желая, по-видимому, что-то сказать и не находя слов, он манерно развел руками.

Паша поглядела на Шуру. Лицо ее было строго, но глаза улыбались.

— А кроме того, — самым мирным тоном продолжала Шура, — да будет вам известно, господа, что Ангелина училась в сельскохозяйственной академии, она уже была на третьем курсе, когда началась война, и тогда она снова села на трактор.

— О миссис Чернова! — воскликнул первый. — Вы дали мне весьма богатую пищу для написания интересной статьи. Это же превосходно! Теперь я, наконец, сумею убедить своих соотечественников, что в вашей стране некоторые люди приближаются к американской культуре.

— У вас весьма странная точка зрения на культуру, — не удержавшись, вмешалась Паша, — мне кажется, что таким людям, как вы, господа, не трудно понять, что народ, который освободился от помещиков и капиталистов и взял в свои руки государственную власть, не может

приближаться к культуре страны, где труд миллионов служит лишь обогащению кучки миллиардеров. Наша советская культура выше, нравственнее и богаче культуры буржуазной. Вот в чем вы должны убедить своих соотечественников. Но я хорошо информирована и знаю, господа, что вы не сможете написать об этом в своей газете.

— О, почему же? — воскликнул первый несколько раздраженно.

— Потому, что сие от вас не зависит, господа.

— О, миссис Ангелина! — мешая русские и английские слова, вскричал сиплым голосом второй журналист. — Вы очень дурно настроены в отношении Америки. — И, замотав головой, дал понять, что он, представитель американской прессы, хорошо знает о «коммунистической пропаганде».

Пожалуй, только в эту минуту Паша поняла, почему манеры журналистов вызывали в ней такую неприязнь. В грубой непринужденности и развязности этих американских корреспондентов сквозило явное пренебрежение к двум советским женщинам.

— Черт подери! — воскликнул первый журналист, ухмыляясь во все лицо. — Почему мы теряем драгоценное время! Мы хотели повидать вас...

— Благодарю вас, господа, за вашу любезность и внимание. Но вы глубоко заблуждаетесь, если утверждаете, что я несправедлива в отношении вашей страны. Напротив, я хотела бы, чтобы голос рядовой крестьянки дошел до простых людей Америки. Я могу надеяться на поддержку двух американских журналистов?

— О, йес! — сказал второй. — Это нам очень, очень кстати. Мы обязательно напишем правду о нашей беседе с вами. Ваше имя занесено в энциклопедию мировых знаменитостей наряду с выдающимися людьми Америки и Европы. Разве вам не приятна такая слава?

— Моя слава — это слава моей Родины, моего народа...

— Я где-то читал, миссис Ангелина, что вы в детстве батрачили, — обратился к ней первый журналист. — Это соответствует истине?

— Да, — подтвердила Паша, — детство у меня действительно было безрадостным. Но мне быть рабыней у кулака пришлось недолго. Мой отец и мать страдали больше, чем я. Почти всю свою жизнь они обрабатывали помещичьи земли и сами голодали.

Паша рассказывала о своем детстве, о жизни ее родителей и односельчан до революции, о том, как при советской власти ей удалось овладеть трактором, как хорошо ей стало работать на колхозных полях. Американские журналисты, сидя напротив, торопливо заполняли свои записные книжки.

Второй журналист слушал Пашу сначала спокойно, но потом, не удержавшись, сделал торопливый жест рукой:

— Это отлично! Вы родились под счастливой звездой!

Паша стояла и улыбалась.

— В моей стране все люди счастливы и все родились под такой же звездой.

— Допустим... — заикаясь, сказал второй, — но нас интересует, как случилось, что вы, простая крестьянка, стали членом парламента?

— Мистеру должно быть известно, что в моей стране в Верховный Совет избирают не по занимаемой должности. На сессиях Верховного Совета рядом со мной сидят такие же рядовые советские люди. Народ называет своими депутатами тех, кого он считает достойными этой высокой чести.

— Нет, вам чертовски повезло! Вы сделали удачный бизнес, — не сдавались американские журналисты.

— У нас с вами, господа, разные понятия о достоинствах человека. В нашей стране достойным доверия народа считается не ловкий делец, сумевший совершить удачную сделку, а тот, кто честно служит своему народу, отдает ему все свои силы и умение. Вы знаете, господа, что поля, которые я обрабатываю, дают стопятидесятипудовые урожаи! Колхоз, членом которого я состою, за один этот год получил чистой прибыли до трех миллионов рублей.

— Скажите, а вы богаты? — торопливо перебил ее первый журналист.

— О да, я очень богата. Можете так и записать: «Советская трактористка Ангелина намного богаче любого американского миллиардера и даже всех их, вместе взятых».

— Вы... вы фанатичны! — с нескрываемой злостью крикнул первый журналист.

— Я — советская крестьянка...

— Поразительно! — журналист откинулся на спинку стула и снова обратился к ней: — Хотелось бы теперь услышать более подробно о том, как вы работаете на тракторе.

— Обыкновенно... На отечественных машинах стало работать куда легче, чем на ваших американских... «фордзонах».

— Нам важно более детально ознакомиться с вашим методом, — сказал второй.

— Метод обычный... Пашем, сеем, ухаживаем за посевами.

— Нас интересует не это, — решительно возразил первый.

— А что же именно?

— Мы хотим знать, как вы обрабатываете землю.

— Нашими отечественными тракторами «ДТ-54»...

— Понятно! — недовольный и раздосадованный ответом, крикнул первый журналист. — Вы на полях украинского колхоза собираете почти до двухсот пудов пшеницы с гектара. Как же вы этого добиваетесь? В чем секрет?

— Так ведь я же работаю в колхозе, на артельной земле. А когда человек работает на себя, а не на хозяина, он работает лучше. Это закон.

Первый журналист вскочил, вопросительно поглядел на Пашу и, прищурив один глаз, неожиданно сказал:

— Я бы очень посоветовал вам, миссис Ангелина, приехать в нашу страну.

— За приглашение, как говорят у вас, сенк ю вери мач, — ответила Паша. — Что ж, я обязательно поеду в Америку, мне в самом деле хочется посмотреть ваши фермерские хозяйства. Никита Сергеевич, например, очень хвалит вашего фермера Гарета. Я даже слыхала, что мистер Гарет пригласил к себе моего друга Александра Васильевича Гиталова, чтобы тот изучил американский метод возделывания кукурузы.

— О, наша Америка! — воскликнул второй журналист. — Какая техника, какой размах!..

— Не так страшен черт, как его малюют, — усмехнулась Паша, — потягаемся и с Америкой. Мы еще покажем, что такое Россия!

Журналисты помолчали. Посидев еще немного, они разом поднялись и стали прощаться.

— Поверьте, миссис Ангелина, — стремительно заговорил первый журналист, — я обещаю вам прислать газету, в которой будет напечатана моя статья о нашей приятной встрече с вами и с миссис Черновой. — И, не оборачиваясь, сквозь зубы так же быстро бросил: — Надеюсь очень хорошо на вас заработать.

— Вот тебе и вся немудреная философия «большого бизнеса», — сказала Паша, как только американские журналисты исчезли за дверью.

— Да, в это даже трудно поверить, — сказала Чернова, — мне на Эльбе тоже довелось встречаться с американцами. Но то были просто хорошие парни. А эти... эти потеряли всякую совесть.

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Жара не унималась, зной иссушал последнюю влагу, хранившуюся в полях. Ни одна тучка не появлялась на небе.

— Бунтует природа, — печально говорил Никита Васильевич, обращаясь к односельчанам.

Вот уже вторую неделю люди приходили в степь и с тревогой наблюдали за посевами.

— Люто бунтует, Василич, — в сердцах откликались мужики. — Все же надежда на урожай есть.

— По моим подсчетам, — громко сказал все время молчавший Степан Иванович, — озимые дадут по сто тридцать пять пудов пшеницы на круг.

— А ежели бы с дождем, то взяли бы куда больше, — определил Никита Васильевич. — Акурат двести пудов на гектаре и вышло бы.

Вокруг «двухсот пудов» затеялся спор. Большинство склонялось к тому, что двести пудов в этой степи «ни в жисть не взять».

Никита Васильевич обвинил Степана Ивановича в том, что он скудеет мыслью, если не видит, какие великие перемены происходят в делах хлеборобов. Недаром старик Харитоныч все советовал пахать глубоко и сеять перекрестным по черным парам. «Тогда, — говорил он, — на весь мир будем греметь урожаями». Обидно только, что не дожил он до этих дней.

В жаркие дни колхозники и колхозницы старательно «выглядывали» каждый вершок земли, уничтожали в пшеничных массивах даже единичные сорняки. Степан Иванович с удовлетворением отмечал, что все стали «уважительными, ласковыми к земле».

Хлеба стали густыми, высокими. Зайдет в них человек — и не увидишь.

— Мария! Марийка!.. — донесся откуда-то голос колхозницы Клары Федоровой. — Где ты там? Отзовись!

— Я, Кларуся! — сквозь сухой шелест пшенички слышался голос Марии. — Айда ко мне!

Степан Иванович успел перебраться на другое поле и скрутить сигарку, когда Федорова подбежала к Марийке. Та стояла вблизи небольшой рощицы у поля и зачарованно глядела на волнующееся море хлеба. Согретые солнцем тяжелые колосья склонялись к земле, как бы прося защитить их от палящих лучей.

— Вот, оказывается, где ты...

Федорова упрекнула подругу за нерадивость. Ее все ждут обедать. Паша сердится, а ведь известно, как ей сейчас достается. С рассвета и допоздна на ногах. Откуда только силы берутся! Железная она, Паша! Ведь это она со своими трактористами вдохнула жизнь в каждый колос.

К девушкам подошел Степан Иванович. Он вмешался в разговор и с пафосом заметил, что это «высокая наука приносит колхозу богатые плоды».

— Без человека, дидусь, наука не наука, а пустой звук... — Мария исподлобья взглянула на Иваныча, и красивые стежки бровей у нее изогнулись.

— А я скажу секрет один, деточки, вся премудрость ныне в хвилософии, — старик опять скрутил сигарку, закурил.

— Как же понимать такую философию, дидусь? — засмеялась Мария.

— Обыкновенно, — не моргнув глазом, объяснил Степан Иванович, — в моем разумении хвилософия есть такая хитрущая наука, которая позволяет без единого дождя брать у земли добрые урожаи. И эту хвилософическую науку открыла в нашей степи дочка Ангелина, Паша.

— Вот это верная наука, дидусь, только зовется она... мичуринская! — отчеканила Мария, неожиданно поцеловала деда Иваныча и легко понеслась к едва видневшемуся за пригорком тракторному стану.

— Постой, Марийка! — закричал Степан Иванович, размахивая руками. — Неужели так трудно уважить старика и подарить на радостях еще хоть один поцелуй?

Но Мария уже скрылась за пригорком.

— Понравилось? — насмешливо спросила Федорова.

— Такой поцелуй молодит, деточка, — проронил старик певучим голосом.

— Это задаток. Молитесь хорошенько, чтобы как следует убрали урожай, — улыбнулась Федорова, — тогда получите два поцелуя, от Марийки и от меня.

— Вот это добре, только от «Отче наш» я отвык, лучше уж поработаю.

А погода все не менялась. Безжалостно палило солнце. Плотный туман едкой пыли окутывал поля, над которыми время от времени раздавались глухие раскаты грома: где-то далеко, откуда ветер приносил обжигающую пыль, разрывы зарниц раскалывали небо.

Хлеба созревали быстро. К уборке все уже было готово: тракторы, комбайны, телеги, крытые тока, зерносушилки, молотилки. Хорошую инициативу проявили старые хлебобобы. На всякий случай они насклеи

косы и серпы.

— Климат в нашей донецкой степи скаженный, — говорил Степан Иванович, — то задуют суховеи на месяц, а то и на два и на три, то разгуляется ветер-вояка, пригонит грозовые тучи, пойдут дожди...

— Значит, не доверяете механизаторам? — язвила молодежь.

— Доверие полное, но и момент отчаянный. Тут на всякий случай все пригодится.

Комбайны выруливали в степь, но старые колхозники, вооружившись серпами и косами, тоже занимали исходные позиции.

Близилась страдная пора.

Пахоту зяби бригада Ангелиной закончила на два дня раньше срока. Директор МТС Цимиданов все просил сбавить скорость «ДТ-54» до двух километров в час. Земля превратилась в гранит, и двигатель работает тяжело. Но с Пашей трудно было сговориться.

Конечно, «ДТ-54» для их размаха не годится — слабенький трактор. Сюда бы «ДТ-75» с двигателем в 75 лошадиных сил. Вот тогда скорость пахоты можно было бы довести до 6–7 километров в час. Ну, а если тракторостроители еще не дали такой сильной машины? Выходит, надо пахать черепашьими темпами? Нет, на это ангелинцы не согласны. Они будут нажимать, глубоко вгрызаться в почву, будут вести машину на самых высоких скоростях!

Пять дней и пять ночей работал Пашин «ДТ-54», и ни разу он не сбавлял скорости — четыре километра в час. Антон Дмитриев начал отставать, случалось, глушил двигатель, а Пашин трактор двигался безукоризненно: четыре километра в час, ни больше и ни меньше.

Этим-то Паша и отличается — целеустремленная, непреклонная в осуществлении своих желаний. После долгих размышлений, не дававших ей спать по ночам, она решила взяться за возделывание кукурузы на целине и посадить кукурузу не как-нибудь, а обязательно квадратно-гнездовым способом, на хорошо возделанной почве. Решила, и не было уже такой силы, которая заставила бы ее отказаться от ее замысла...

Пожалуй, единственной ее неудачей была личная жизнь, брак с Сергеем.

Но было ли это ошибкой в ее жизни? Она стремилась соединить свою судьбу с человеком, с которым можно было построить семью, добыть личное счастье. Но Сергей оказался мелким и чванливым человеком; он не хотел ее понимать.

Паша мечтала о двухсотпудовых урожаях в донецкой степи. Она

убеждала Сергея, что она «в крови» крестьянка. Без земли она не представляет никакой жизни. С детства полюбила тяжелый труд хлебороба. Ее призвание — выращивать хлеб. В этом ее жизнь!

А Сергей предпочитал о такой жизни не думать и не говорить.

— Что же мне — бросить работу? — спрашивала Паша.

— Ты должна быть хозяйкой дома, воспитывать детей... — черствым тоном объяснял Сергей.

Еще в давние годы, до войны, Паше предложили перейти работать в районные организации. «Хватит тебе бригадирствовать. Ты завоевала право быть на руководящей должности».

Паша решительно отказалась от этих предложений. Она не способна к такой работе. Ее место в поле, на тракторе.

Всех в районе да и в области удивляло такое отношение Паши к заманчивому предложению. Станный человек, любой другой на ее месте с удовольствием занял бы районный пост. Не водить же ей трактор до седых волос? Да и почему же не сменить тяжелую и грязную работу на более легкую и чистую? Ведь женщина!

Нет, Пашу нельзя было уговорить оставить трактор. Никто не мог повлиять на нее, даже угрозы Сергея: «Решай, Паша, я или трактор» — не действовали.

Подобных слов вынести она не могла. Неужели это говорит человек, который считается ее мужем, другом? Неужели это тот самый Сергей, который в тридцатых годах стоял во главе районной комсомольской организации?!

Еще некоторое время Паша терпела. Она надеялась, что он одумается, что рано или поздно заинтересуется крестьянскими делами. Сергей же больше всего боялся именно того, что имело отношение к земле. «Разные мы с тобой люди! — кипел он. — Ты работаешь как выючная лошадь, и все ради чужого счастья. А я желаю своего, личного... жену с красивой прической, хорошо одетую и с маникюром».

Это был самый тяжелый день в ее жизни. Больше терпеть она не могла. В этот день она объявила о своем окончательном решении: они с Сергеем чужие люди!

С уходом Сергея в жизни ее ничего не изменилось. Она не плакала, не нервничала, друзья и родственники переживали ее разрыв с Сергеем даже больше, чем она сама. Кто же виноват? Может быть, это обычная ссора? А может, все уладится? Ведь дети теряют отца.

«Он меня не понимает, он чужой для нас», — устало повторяла Паша, и даже родная мать, от которой у Паши никогда не было секретов, подчас ее

не понимала.

Паша продолжала усердно работать. По-прежнему руководила бригадой и сама управляла трактором. Несмотря на личное горе, на усталость, она была счастлива. Она умела не сгибаться ни перед какими трудностями.

Так было и в то знойное лето 1951 года, когда она делала все возможное, чтобы получить вкруговую по двести пудов пшеницы с гектара. В том году, очень сложном для сельскохозяйственных работ, она вспахала своим «ДТ» до полутора тысяч гектаров земли.

Однажды, придя в райком партии, как обычно, без предупреждения, Паша застала вновь избранного секретаря райкома Степана Гурьевича Гребенюка в кабинете с каким-то человеком. Оказалось, что это товарищ из Киева, из Министерства сельского хозяйства.

Они познакомились. Приезжий товарищ побывал в Марьяновке, в колхозе имени Розы Люксембург и повидал там много интересного.

Успехами в животноводстве марьяновцы завоевали переходящее Красное знамя республики.

— Высоко поднялись! Это как раз то, что меня волнует, — сказала Паша.

— Но такие крупные успехи, как у марьяновцев, могут вызвать и зависть. Да, они разумно и по-хозяйски повели дело, — говорил представитель министерства. — И скажу вам по совести: отличный председатель Илья Павлович Ломако! Настоящий вожак и организатор колхозных масс. Лето еще в разгаре, а он уже заготовил сочные корма на год по шестнадцать тонн на корову. Марьяновцы способны еще выше поднять продуктивность своего животноводства, они могут довести удои до пяти-шести тысяч литров молока с каждой фуражной коровы.

Тут-то Паша и помрачнела. Эти факты и цифры задевали, проникали в самую душу. Было ясно, что их долг — догонять марьяновцев.

— И сильно догонять их, Паша! — вмешался в разговор секретарь райкома. — За полугодие марьяновцы взяли по две тысячи литров молока от каждой коровы. А плотность скота на сто гектаров сельскохозяйственных угодий? Шестнадцать, а три года назад у них было всего лишь... пять. Взлет! А у вас как?

— Просто не знаю, — чистосердечно призналась Паша и почувствовала, что в ее работе есть очень серьезный промах. Как стыдно! Как же могло случиться, что женщины ее колхоза не поделились с нею своими невзгодами, а она сама об этом и не подумала?

Паша опять помрачнела. А секретарь райкома продолжал рассказывать

о председателе марьяновского колхоза Ломако и о бригадире тракторной бригады Иване Петровиче Пухно, который, к слову говоря, тоже основательно помогал колхозу отвоевать первое место в соревновании по животноводству. Под конец беседы секретарь райкома подошел к Паше, обнял ее. Она должна понимать, что в соревновании побеждает тот, кто работает лучше, организованнее, и, следовательно, нельзя почивать на лаврах, когда другие ведут наступление.

— Времена меняются, Паша! Ты хорошо успела в земледелии, но совсем из виду выпустила животноводство. А ведь ты, как бригадир трактористов, наравне с председателем Коссе несешь ответственность за состояние дела и в животноводстве. Теперь хочешь не хочешь, а придется учиться у марьяновцев.

Паша поздно пришла домой. Светлана играла на пианино. Потом вступил тихий и чистый мужской голос. Паша прислушалась, стараясь угадать, кто поет. Она узнала. Пел Иван Ангелин, приехавший в гости. Он жил теперь в Горловке и работал юристом в одном из трестов.

Тихое пение Ивана звучало необычайно трогательно, проникновенно.

Разговор в райкоме партии о делах в Марьяновке волновал ее. Ведь сколько лет старо-бешевский колхоз шел впереди по урожаям зерновых, по продуктивности животноводства, а теперь марьяновцы сильно подпирают, выходят на передовые позиции по развитию важнейших отраслей артельного производства. Мыслимое ли дело сползти на второе место?

Паша вспомнила приезд Никиты Сергеевича Хрущева в Старо-Бешеве.

Это было летом 1949 года. Никита Сергеевич приехал в поле в самый разгар уборочной страды. Разговаривая с колхозниками запросто, он интересовался всем, вникал во все. Несколько часов провез он в поле, под палящими лучами солнца, смотрел пахоту. Припав на одно колено, измерял глубину вспашки. При всей своей занятости (он тогда совершил длительную поездку по многим областям Украины) Никита Сергеевич успел ознакомиться у старобешевцев с работой комбайнов, тракторов, молотилок, побывал на токах, заглянул на животноводческие и свиноводческие фермы.

Уже вечером, в гостях у Ангелиных, за стаканом крепкого чая, Никита Сергеевич делился своими впечатлениями о всем виденном.

— Старо-бешевские хлеборобы хорошо занимаются земледелием, со знанием дела, культурно, по-хозяйски. Ты, Паша, превосходно владеешь наукой, если добиваешься того, что земля и без дождя приносит такие урожаи. Видно, что достигаешь этого благодаря своему опыту и знаниям,

которые приобретены тобою более чем за четверть века. Твой драгоценный опыт возделывания зерновых становится достоянием многих тысяч механизаторов. Гиталов — тоже твой ученик. У тебя он учится побеждать. Он проявляет большие способности. Твой опыт он дополнил своим — комплексной механизацией всех процессов возделывания зерновых и пропашных культур. Я лично настроен привлечь твое внимание к вопросам развития животноводства. Здесь непочатый край работы. Фермы отданы «на откуп» одним лишь телятницам, дояркам, свиноводкам, птичницам. А без механизаторов что они могут сделать? Входишь на ферму и просто поражаешься. Неужели это двадцатый век! Никакой механизации. Приготовление и подача кормов, уборка и вывозка навоза, дойка и транспортировка молока — все это делается вручную. Тракторист, не интересующийся в наше время развитием животноводства, не может прогрессировать. Тебе, Паша, придется все-таки призвать на помощь всех трактористов и взяться за механизацию трудоемких процессов на фермах. Нельзя узко специализироваться. Вы, механизаторы, в колхозе главная сила. Без вашего активного участия нельзя ни повышать продуктивность скота, ни увеличивать плотность животноводства на сто гектаров сельскохозяйственных угодий. Одно должно тянуть другое. Некоторым не по душе мои советы, но рано или поздно они убедятся, что в хозяйстве надо повсеместно развивать все отрасли производства.

Никита Сергеевич говорил не отвлеченно, а конкретно, он глубоко знал жизнь в деревне, здесь в Старо-Бешеве побывал буквально всюду, и его советы опирались на отличное знание колхозного дела.

Паша приняла советы Никиты Сергеевича близко к сердцу. После его отъезда она со своими трактористами взялась механизировать подачу кормов и все приводить на фермах в порядок. За короткий срок ей удалось сделать много. Но это было зимой. А весной, летом и осенью она опять перебралась в степь, занялась пахотой, севом, междурядной обработкой...

ЗА ОПЫТОМ В МАРЬЯНОВКУ

Рано утром Паша заправила мотоцикл и с Антоном Дмитриевым выехала в Марьяновку.

В степи было душно, четвертый день кружил буран. Мотоцикл шел на большой скорости. Паша не любила медленной езды. Она поглядывала на сидевшего в коляске Дмитриева и улыбалась.

Дмитриев кивал головой, делал вид, что все идет хорошо, но и ему, лихому трактористу и водителю машин, было не по себе. Он крепко держался за поручни, боялся, что вот-вот вывалится. Он стал подавать Паше отчаянные знаки и, наконец, крикнул: «Чего гонишь, сумасшедшая!» Но она вела мотоцикл все быстрее и быстрее, словно и не к ней обращался Дмитриев.

Вот, наконец, и Марьяновка. Паша затормозила, и мотоцикл остановился возле правления колхоза.

— Упаси бог с тобой ехать! — выдохнул Дмитриев.

Было семь часов утра, но в деревне ни души. Дверь правления заперта. Дмитриев поднялся по ступеням, постучал.

— Никого, — развел он руками. — Теперь куда?

— Вон к той балке, там их бензозаправочная. Может, Пухно застанем.

Паша вела мотоцикл одной рукой, оглядываясь вокруг. Время от времени до них доносился какой-то шум: то ли моторы работали, то ли электродвигок. Но вот звуки отдалились, и вновь все утихло. Мотоцикл выскочил над озером, углубился в степь.

Неподалеку от кукурузного поля они увидели какого-то старика. Лицо его было обрамлено курчавой бородой. Он представился. Колхозный сторож Евсей Петрович Карпенко. Охраняет кукурузу от грачей. Вооружен берданкой образца петровских времен.

— Прискакала смотреть нашу кукурузу? — Евсей Петрович поглядел на Пашу из-под густых бровей. — Полюбуйся... хозяйская работа.

— Да, верно.

Кукуруза стояла высокая, густая.

— Послушай, Петрович, помоги найти Пухно или Ломако.

Старик с удивлением посмотрел на нее, выругался.

— Не посыльный же! Не имею права покидать кукурузный пост. А председателя аль бригадира тоже наищешься, ежели денно и ночью по степи гоняют.

Паша не обиделась.

— Не вынуждаем, Евсей Петрович, сами поищем... Поехали, Антон!

Мотоцикл мчался теперь по накатанной дороге. Солнце поднялось высоко, сильнее насвистывал суховей, бил в лицо. И уже издалека они увидели красное пятнышко, которое оказалось вагончиком — походным жильем здешней тракторной бригады.

Паша остановила мотоцикл в тени, под деревцем. Подошла к вагончику, поздоровалась с трактористами и комбайнерами, которые сидели за столом, врытым в землю.

— Ребята, — крикнул Пухно, — знакомьтесь с Пашей! Знаете ее?

Все засмеялись. Они хорошо знали бригадира первой в стране женской тракторной бригады.

— Надолго к нам, Паша?

— В зависимости от приема, — улыбнулась она, — с чистым сердцем примете — задержимся, плохо примете — повернем оглобли назад.

— Ты что? — Иван Петрович повернулся, окликнул повариху. — Готовь, Ивановна, завтрак на троих Да гляди, первосортный!

Разговор сразу зашел о деле. Иван Петрович Пухно сообщил гостям, что сейчас они убирают пшеницу по парам, сено косят, в междурядьях обрабатывают кукурузу, окучивают картофель...

— Как с урожаем пшеницы? — перебила его Паша. — Вкруговую по сто пятьдесят пудов выйдет?

— Не ошибаешься, Паша. А ты разве меньше возьмешь?

— Несколько больше. По удоям вы нас здорово побили.

— Что ж, постараемся побить и по урожайности зерновых.

— А хватит ли силенок? — с вызовом спросил Дмитриев.

— Не беспокойся, звать на помощь никого не будем. — Он опять раскурил сигарку. — С приходом Ломако все переменилось. Уже в нынешнем году доходы наши составят более пяти миллионов рублей.

— Сколько же положите на трудодень? — заинтересованно спросила Паша.

— Сперва планировали десять рублей. А теперь придется чуток добавить. Животноводство вдвое повысило доходность.

В это время к столу подошел тот самый Евсей Петрович, которого они видели у кукурузного поля.

— И вы тут?

— Прибег для заправки... сил набираться для того, чтоб отразить возможное нападение грачей, — отшучивался Евсей Петрович.

Пребывание в колхозе затягивалось. Остаток дня Паша и Антон в

сопровождении Ивана Петровича осматривали, или, вернее сказать, ощупывали пшеничные массивы, посеы проса, гречихи. Все радовало глаз.

Повариха Ивановна за вагончиком накрыла стол. Солнце еще палило, деревья, совсем молодые, не давали даже намека на тень.

— Жарко, Паша? — спросил Иван Петрович.

— Не от солнцепека, — она сдержанно усмехнулась. — Интересно узнать, скоро ли приедет Ломако.

— Поспорить не с кем? Скучаешь?

Паша не отвела вопроса. Да, она хочет поговорить с Ломако, ведь чувствуется, что он настоящий хозяин и большой специалист.

Внезапно Иван Петрович вышел из-за стола. Паша не спускала с него глаз. Она давно знала Ивана Петровича. Месяц назад ему исполнилось сорок лет, но он — высокий, широкий в кости, подвижной — выглядел лет на десять моложе. Ему шла короткая, почти мальчишеская, стрижка, как у самой Паши. Одет он был на военный лад: в подпоясанную широким ремнем суконную цвета хаки гимнастерку с отложным воротником. Одним словом, гвардеец! Высокие сапоги начищены до блеска, хоть как в зеркало в них смотришь. Пухно поймал ее взгляд.

— Скоро уборочная... запылятся, — с усмешкой сказал он. — Сейчас пора перебираться на первое место в соревновании. Так решили мы. А решение наше твердое. Сама знаешь, какие в бригаде ребята. Ведь до войны у нас Наташа работала, тоже умела приличные урожаи собирать. Помнишь то время?

Наташа Радченко! Ей было всего шестнадцать лет, когда она стала учиться на тракториста. Молодая крестьянка обладала незаурядными способностями. Среди старобешевских девушек Наташа одной из первых, вслед за Пашей, стала бригадиром тракторной бригады. Она была душой и организатором многих славных начинаний.

Работала Наташа самозабвенно. Никакая сила не могла оторвать ее от земли. Смуглая, как и Паша, с такими же темными волосами, подстриженная, она была настоящим молодежным вожаком.

Наташа с оружием в руках мстила гитлеровцам за истерзанную землю, за слезы отцов и матерей. Гестаповцы выследили ее и заковали в кандалы.

...В летний августовский день военно-полевой суд приговорил трактористку Наташу к смертной казни через повешение. Гордая, непокорная, она поднялась на эшафот. «Люди, я любила жизнь! Бейте извергов!»

Так оборвалась жизнь Наташи. Но славные традиции продолжил ее

ученик Иван Петрович Пухно, прошедший тяжелый солдатский путь от Сталинграда до Берлина...

— Что ж, Петр, мы готовы вступить в единоборство. Мы боремся за сто семьдесят пять пудов пшеницы вкруговую. А ваши обязательства? — Паша решила уточнить все вопросы.

— Ручаюсь, возьмем больше. Ведь по животноводству мы уже обогнали. Признаешь?

— Деваться некуда.

Поездка в колхоз имени Розы Люксембург определенно удалась. Паша осталась довольна проведенным днем. Большое артельное хозяйство произвело на нее сильное впечатление.

Осмотрев молочнотоварную ферму. Паша собралась ехать домой. Иван Петрович предложил заночевать у них, ведь скоро должен вернуться Илья Петрович Ломако.

Паша все же решила засветло добраться до Старо-Бешева и от приглашения отказалась.

— Как знаешь, тебе виднее, — сказал Пухно скучным голосом.

Паша резким движением ноги завела мотор, и мотоцикл помчался в объезд деревни по гудронированной дороге.

Животноводческий городок — молочнотоварная, свиноводческие и птицеводческие фермы — находился всего в каких-нибудь трех километрах от недавно построенного Дома трактористов. Дел в городке было по горло, настала самая горячая пора заготовки сочных и концентрированных кормов на зиму.

Дмитрий Лазаревич Коссе рано пришел в поле. Он не удивился, увидев Пашу, которая возилась у тракторов и комбайнов.

Солнце еще только всходило, и небо постепенно начало светлеть. Коссе с облегчением услышал шум со стороны бензоаправочной. Потом заскрипели ворота. Это Антон Дмитриев выезжает в поле, он всегда появляется первый. Дмитриев вел свой трактор превосходно, вел так же уверенно, как и мотоцикл, а на мотоцикле он теперь развивал скорость до 110–120 километров в час. Дмитриев, как и Паша, управлял любой машиной: уж не поведет ли он сегодня комбайн? Но нет! У штурвала комбайна занял место Христофор Челпанов и был этим невероятно счастлив. Шутка ли сказать — ему доверяли вести косьбу на пшеничных массивах.

— Хлеба-то какие! Высокие, густые... Золото хлеба!

Держа в руках молоток и ключи, Паша разговаривала с Челпановым. О

чем это она?.. Все ясно! Она торопит Челпанова гнать красавец комбайн в степь.

Только что успела отправить комбайн и уже занялась другим делом — проверяет готовность очередного трактора.

— Слыхал, Антон, наказ бригадира? Так начнем же добывать золото. — Челпанов с полной готовностью и подъемом начинал рабочий день.

Прошло немного времени, и небывалое оживление началось всюду — и в поле и на токах. Все заняты делом, все работают, торопятся...

Заметно взволнованы старые хлеборобы. Им выпала честь сопровождать первый обоз с зерном в государственные закрома. На передней подводе — Никита Васильевич Ангелин.

Неподалеку от тока, тут же, на солнцепеке, школьники рисуют плакаты, пишут большими буквами лозунги. Вот сорванцы! Кто надоумил их украшать хлебный обоз? Неужели Паша?

— Ну, конечно, Пашина работа, — то ли с гордостью, то ли с осуждением говорит Никита Васильевич. — Она выдумает...

Молодых и старых колхозников захватила уборка. Все тракторы и комбайны работали безукоризненно, четко.

...Паша «отбуксовала» комбайн на новый массив. Пшеница здесь на редкость густая. Трактор и прицепленный к нему комбайн двигались медленно, громко урча и вздыхая: казалось, что работать им не вмоготу.

— С чего бы это? — спросил Степан Иванович, прислушиваясь.

Никита Васильевич, шагая рядом со Степаном Ивановичем, предложил тут же выяснить причину, и они направились к комбайну.

Их окликнул Дмитрий Лазаревич.

— К Христофору, — не оглядываясь, ответил Не-чипуренко. — Беспокоит нас, как бы у него той, хвedor не поломался.

— Хедер, — ухмыльнулся Дмитрий Лазаревич.

— Я и говорю... хвedor;

— Хедер, а не хвedor! — кричит ему на ухо Никита Васильевич. — Эк и непонятливый ты стал, Степан!

— Ишь, какой ученый объявился! — не унимался Степан Иванович, поднимая густые клочковатые брови. — Известно же, хвedor!

Дмитрий Лазаревич взял их под руку и повел целиной к комбайну.

— Смотрите не ругайтесь, а то на самом деле тот «хвedor» обломается.

— Ты, председатель, зубы не заговаривай, а лучше объясни, отчего это машина от напряжения дрожит, — разозлился Степан Иванович.

— Вот и докладываю, — с прежней игрой в голосе ответил Дмитрий Лазаревич, — яровые дадут на круг по восемьдесят пудов, не меньше, зерна кукурузы возьмем по двадцать пять центнеров, а в зеленой массе по четыреста..

— А что ты сам думаешь, не маловато ли? — для полного уяснения спросил Степан Иванович.

— Нет, но, может, и в самом деле маловато, дорогой Степан Иванович, — и он задумался. — Вот, например, на массиве в сто тридцать пять гектаров, где трактористы подняли черные пары, мы получаем вкруговую по сто девяносто три пуда. Ведь это стариннейшее мое намеренье с Пашей: взять по двести пудов на каждом гектаре.

Тут Никита Васильевич вцепился и стал допрашивать председателя, почему им не удастся взять по двести пудов со всей площади.

— Я сразу и не отвечу, Никита Васильевич, тут много причин, и все сложного порядка.

Степан Васильевич тоже был неумолим.

— Так... следовательно, опять сложности? Значит, до двухсот не дотянуть? — громко кричал он, как бы приглашая и бригадира трактористов Пашу, и комбайнера Челпанова, и тракториста Дмитриева к широкому обсуждению этого жизненно важного вопроса. — Может, Антон доверит нам свои мысли?

— Я имел время подумать, — сказал он, — и вполне согласен, что мы можем получать со всей площади посевов по двести пудов зерна. Все необходимое для этого имеется, ни в чем недостатка нету. Люди, машины, удобрения... Только, честно сказать, тесновато стало в «Запорожце» для нашего разгона.

Все сразу поняли, о чем говорит тракторист Антон Дмитриев. В самом деле, в «Запорожце» было уже тесно. Тракторной бригаде не хватало работы на полях колхоза. Поэтому приходилось перебрасывать бригаду в другие хозяйства.

— Верно, Антон! — горячо поддержала его Паша. — Нам и впрямь тесновато. Но, думаю, недалеко то время, когда мы выедем с нашими тракторами и комбайнами на широкие просторы.

Вопрос был ясный: надо укрупнить артельное хозяйство. Но как, с чего начать? Недостаточно было ориентироваться только на цифровые показатели и общеизвестные агрономические мероприятия. Надо было позаимствовать опыт передовых укрупненных сельскохозяйственных артелей.

Первые укрупненные колхозы в Подмоскovie показали, как важно на новом этапе создавать сильное и многоотраслевое хозяйство, какие отличные результаты приносит организаторское мастерство и умелая работа с людьми. Обо всем новом, что дают укрупненные колхозы, подробно говорилось на проведенном в ту пору совещании передовиков сельского хозяйства Московской области.

Паша зажглась этой идеей. Ее беспокоили мысли об укрупненном колхозе. Надо ли укрупняться? Не велики ли будут масштабы?

В конце сентября она уже знакомилась с некоторыми укрупненными подмосковными колхозами. Несколько дней провела в колхозе имени Владимира Ильича. Никита Васильевич сам посоветовал ей туда ехать, так как много знал и читал о выдающемся старом колхозном вожаке и хлеборобе Иване Андреевиче Буйнове.

Советы отца оказались правильными: Паша увезла с собой из подмосковного колхоза в Старо-Бешево много ценного и важного.

Итак, к большой радости Паши, по воле колхозников в районном Доме культуры состоялось первое объединенное собрание членов трех колхозов: «Запорожец», «Победа» и «Политотдел».

Верное это дело — хозяйствовать крупным коллективом — таково было единодушное мнение и молодых и старых колхозников. Большому кораблю — большое плаванье!

За объединение проголосовали все семьсот человек. Против не было ни одного.

Приступили к выборам правления укрупненного колхоза. Кого же избрать председателем? Были три кандидатуры: председатель колхоза «Победа» Николай Гаврилович Михайлов, председатель колхоза «Политотдел» Константин Никитич Ангелин и Дмитрий Лазаревич Коссе. Кто же из них самый лучший, самый энергичный организатор?

Паша предложила:

— Рекомендую голосовать за Дмитрия Лазаревича...

— Что такое? Почему за меня? А почему не за твоего брата?

— Я, как вам известно, довожусь родней Ангелину, — засмеялась Паша, — а потому лишена права голосовать за него.

— Но я уже не молодой. Прибавляется три тысячи пятьсот гектаров одной пахотной земли. А сколько ферм! Это же какое хозяйство!

— Как раз для вашего масштаба, товарищ Коссе, — сказала с места Александра Бурлаева.

Полеводы, овощеводы, животноводы, механизаторы, специалисты сельского хозяйства всех трех колхозов знали Дмитрия Лазаревича Коссе.

Знали, что он никогда не скажет: «Не сможем этого сделать».

Именно такой председатель, с твердой, честной рукой, и нужен был объединенному колхозу. Поэтому все семьсот колхозников проголосовали за Дмитрия Лазаревича Коссе.

В восемь часов вечера собрание закончилось. Паша попрощалась с членами президиума, спустилась по лестнице и подошла к Коссе.

— Дмитрий Лазаревич, как вы себя чувствуете?

— Знаешь... я, кажется, в самом деле помолодел. Доверие народа вдохновляет. Поехали смотреть фермы.

Но Паша на этот раз отказалась. Чувствовалось, что на душе у нее тяжело.

— Что это с тобой? — Коссе с удивлением смотрел в поблекшие глаза Паши.

Они сели у раскрытого окна и долго молчали, вдыхая сочный, свежий ароматный воздух, доносившийся к ним с полей.

— Ты просто утомлена, Паша, — после паузы сказал он тихо.

Паша не нашла, что ответить. Когда пауза затянулась, Коссе поднял на нее глаза.

— Неужели все еще Сергей беспокоит?

— Что вы, с Сергеем давно все покончено. Я ему никогда не прощу его поведения. Дети просто ненавидят его. Впрочем, а за что им любить его?

— Ну, а ты? Ведь стоит тебе одно доброе слово сказать Сергею, и он придет домой...

— Не о нем моя думка... Много горького принес он вашей трактористке. Слишком дорогой ценой заплатила она за эту любовь. Еще в Казахстане... Десять лет пролетело с тех пор. Я встретила с другим человеком, человеком одних со мною воззрений и убеждений. Помните, он приезжал в Бешеве? Такой завидный, сильный, общительный... Я его ни с кем близко не знакомила, скрывала свои чувства к нему даже от родных. Да, это был, кажется, единственный случай в моей жизни, когда я родным не сказала всей правды. Мы очень любили друг друга. Он звал меня в Казахстан, хотел построить жизнь чудесную, счастливую...

— А может, надо было поехать, Паша? — вырвалось у Дмитрия Лазаревича.

Паша покачала головой: нет, этого делать нельзя было. Все складывалось невероятно сложно. Во-первых, не хотелось привести детям чужого человека, потом она не могла оставить колхоз, которому отдала лучшие годы своей жизни. Здесь она провела первую борозду, здесь овладела трактором, добила высокие урожаев. Земляки избрали ее

депутатом Верховного Совета СССР. За успехи на полях старо-бешевского колхоза правительство присвоило ей звание Героя Социалистического Труда, наградило орденами и медалями.

Нет, ей нельзя было расставаться с земляками, с трактористами, с колхозниками, со своим родным домом.

— Я не могла... не имела права вторично выйти замуж, — говорила Паша, — хотя была уверена, что моя жизнь с этим человеком станет счастливой. Так мы и разошлись, чтобы никогда больше не встречаться.

— А по-моему, ты слишком щепетильна, — сказал Коссе, — ты должна построить свою личную жизнь.

— Ой, плохо вы знаете меня, дорогой Дмитрий Лазаревич!

Она решительно поднялась, вытерла глаза, снова стала прежней Пашей. Веселой, решительной, способной горы ворочать.

— Ну, как знаешь, но мой совет...

— Хватит о сердечных делах, Дмитрий Лазаревич, это все-таки грустное занятие! — сказала Паша громко. — Поехали смотреть животноводческий городок.

ПИСЬМО ЛЯН ДЗЮН

В воскресенье Паша и Антон Дмитриев монтировали новую радиодиспетчерскую установку. До полудня возились с аппаратурой, проверяли механизмы. Паша была довольна. Отныне все службы тракторной бригады будут телефонизированы и радиофицированы. Это повысит организованность и оперативность в работе. О такой диспетчерской связи она давно мечтала.

— Установка сказочная, не правда ли, Антон?

Антон тоже считал новшество замечательным и не жалел, что проводит воскресный день на монтаже.

Они еще долго бы возились с установкой аппаратуры, но неожиданно в поле примчался посыльный из райкома партии и сообщил, что в Старо-Бешево приезжает делегация польских крестьян.

Еще было светло, когда Паша села в «Победу» и помчалась в деревню.

— Мама, — возбужденно сказала она, едва переступив порог дома, — готовьте ужин, хочу пригласить польских друзей к нам в семью.

Ефимия Федоровна с большой радостью готова была принять зарубежных гостей, интересующихся жизнью колхозников.

Весь день польские крестьяне в сопровождении Никиты Васильевича Ангелина знакомились с огромными владениями объединенного колхоза. А под вечер они приняли приглашение Паши побывать у нее в гостях.

Дом у Паши просторный. В пяти комнатах — хорошая мебель, ковры, книги, радиоприемник, пианино... Гости были приятно удивлены, увидев все это. Они поинтересовались, ей ли принадлежит пианино.

— А у вас кто-нибудь играет?

Паша позвала Светлану, и она сыграла Бетховена. Потом за пианино села младшая дочь, Сталинка.

Гости были оживлены. Опять посыпались вопросы. Где учится Светлана? Хорошо ли учится Сталинка? А Валерик что, тянется к земле?

За столом сидела одна семья — семья друзей. Подняли тосты за великую дружбу советского и польского народов, за счастливую, зажиточную жизнь.

— Вот теперь мы своими глазами увидели, что такое колхозный строй в вашей великой стране, — говорили польские крестьяне. — А сколько клеветы, сколько глупых басен приходилось нам слышать! Мы, поляки, тоже хотим жить и строить жизнь по-новому. У вас мы учимся, вы наши

верные друзья.

За оживленной беседой никто не замечал времени, веселились, пели песни. Старо-бешевские колхозники— свои, украинские, а гости — свои, польские.

Прощались тепло, дружески, словно знали уже друг друга много лет.

Через месяц в Старо-Бешево приехали друзья-болгары, простые, сердечные люди. Болгарские товарищи вникали во все детали колхозного дела, внимательно изучали опыт организации труда в тракторной бригаде Ангелиной, внедрение травопольной системы и комплексной механизации по возделыванию зерновых и пропашных культур.

Потом Паша выезжала в Харьков для встречи с чехословацкой крестьянской делегацией.

Паша была нездорова и не смогла поехать в Сталине, чтобы повидаться с представителями героического китайского народа. Но вскоре на ее имя через редакцию одной из центральных газет прибыло письмо от китайской девушки-трактористки, отличницы труда Лян Дзюн.

«Здравствуй, Паша Ангелина!.. — писала Лян Дзюн. — Мне навсегда запомнился вечер 3 августа 1947 года. По фанзам ходили агитаторы и приглашали женщин села Бэйяна посмотреть советские художественные и документальные фильмы. В кинематографе собралось много людей. Мы смотрели фильм о Зое и восторгались ее мужеством. Потом нам показали документальные фильмы. Когда на экране появился грохочущий гусеничный трактор, я даже испугалась — никогда раньше не видела я таких машин. Во время японской оккупации, при гоминдане, в нашем селе знали лишь мотыгу, лопату и серп. Самой большой машиной считался плуг...

Чувство страха перед незнакомой машиной тут же сменилось удивлением, а затем и радостью. Я увидела, что трактор вела женщина — советская трактористка Паша Ангелина.

И я подумала: «Советская женщина управляет машиной. А почему бы и мне не стать трактористкой? Почему бы и мне не водить большие тракторы?»

Местная организация Ново-Демократического союза молодежи помогла мне поступить на курсы трактористов. Ли Хонсун, мой первый учитель, подвел меня к машине и сказал: «Скоро, Лян Дзюн, ты поведешь эту машину, как Паша...»

Занятия кончились. Меня послали в тракторный отряд государственного хозяйства «Всходы», в Деду. И вот я стою около мощного трактора, гляжу на дорожную сердцу фабричную марку машины «СТЗ»,

машину, построенную на берегах Волги в Сталинграде, и волнуюсь...

Работа в тракторном отряде началась успешно. У меня появилось желание создать по примеру советских трактористок женскую тракторную бригаду. Такая бригада теперь организована. Живем мы и работаем очень дружно...

Теперь я управляю не только трактором, но и самоходным комбайном, построенным в вашей стране. Подумать только: сейчас и я уже учитель! У меня есть молодые ученицы: Хэ Сю-фан и Су Жум.

Я хотела бы сказать, что из нашей бригады особенно выделяются в соревновании трактористки Чин Я-жу, У Юй-джин, Тен Шу-фан и Хуан Гуй-джин. Они приехали на курсы из разных провинций, но судьба у них одинаковая: это дочери бывших батраков. С детства они знали горе и нужду, как их отцы и матери.

Теперь перед нами, как и перед всеми женщинами Китая, открылся большой и светлый путь к счастью. Мы стали равноправными с мужчинами, получили возможность принимать активное участие в политической и экономической жизни нашей родины. Меня, Паша, избрали членом Политического Консультативного совета Хэйлунцзянской провинции. Я, как и все граждане свободного Китая, хочу строить и строю новую жизнь».

Читая письмо китайской девушки, первой трактористки свободного Китая Лян Дзюн, Паша невольно вспомнила, как в 1937 году она впервые получила весточку от зарубежных друзей — это было письмо из Барселоны, от испанских товарищей, которые сражались с фашистскими бандами Франко. Теперь на ее имя в Старо-Бешево шли теплые, душевные письма со всех концов земного шара, отовсюду. И это свидетельствовало о том, как любят и ценят зарубежные друзья опыт первой в Советском Союзе трактористки Паши Ангелиной.

Как быстро пронеслись годы, сколько событий произошло за это время! И сколько миллионов друзей появилось у Паши повсюду, на всех континентах мира!

В то раннее утро, перед выездом в поле, тракторист Павел Тохтамышев включил репродуктор. Диктор из Москвы передавал постановление сентябрьского Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии.

Обычно день, связанный с каким-либо выдающимся событием, пролетает быстро. Позже, в воспоминаниях, он представляется большим, знаменательным. Именно таким большим и знаменательным днем был этот

сентябрьский день 1953 года.

Весть о мерах по крутому подъему сельского хозяйства, как освежающий ветер, пронеслась по всей стране, согрела сердца колхозников.

— Вот как наша партия круто поворачивает дела в сельском хозяйстве, — говорил старый колхозник Георгий Христофорович Михайлов. — В постановлении ясно сказано обо всем, о чем мы сами долгие годы думали. Вчитайтесь, друзья, в мудрое партийное решение.

Газета переходила из рук в руки.

Осенью, после знойных летних дней, работалось легко. Сменив заболевшего тракториста Александра Лазарева, Паша за несколько часов успела вспахать до шести гектаров зяби.

В полдень она остановила трактор, вышла на жнивье. Небо, еще недавно совсем безоблачное, начинало сейчас затягиваться облаками. С Кальмиуса потянуло свежестью. Чувствовалось, что скоро зачатят осенние холодные дожди.

Трактористы и комбайнеры, колхозники и колхозницы торопились закончить сельскохозяйственный год.

По свежему ветерку бодрым шагом Паша как-то легко отмахала три километра и скоро вышла на тропинку, которая вела в поле, где работал на «ДТ» Ефим Борлов.

В середине загона пахота была отличная — черная пашня лежала без единого огреха. Но края пахоты пестрели «облизами» и «канавками», и они уродовали общий вид поля.

— Скоро переезжаешь? — спросила Паша.

Он сдвинул фуражку на лоб, сказал глухо:

— Донимает меня наш «выдающийся да исключительный» Филиппов. Большая охота осилить Андрея, укоротить его самолюбие.

— Огрехами на пашне? — и она показала на края незапаханной стерни.

Борлов покраснел, сделал движение рукой, словно хотел почесать затылок, и не нашелся сразу, что ответить. А Паша не отставала.

— Филиппов не ахти какой работник, обогнать его нетрудно, но работать надо с умом. А ты? Ну что ты выгадал?

Борлов с трудом выдал из себя оправдание. Он старался, даже ночью пахал без перерыва. Молодой тракторист, он работал в бригаде лишь второй сезон. Сейчас он стоял перед бригадиром, как провинившийся школьник. Лицо его покрывала черная густая щетина — он не брился по

крайней мере дней пятнадцать, — и усы с бородой, словно приклеенные к лицу этого девятнадцатилетнего паренька с веселыми черными глазами, невольно вызывали улыбку.

Паша долго глядела на него и отчитывала. И жалко было ругать его: ведь может быть хорошим трактористом, а трудолюбия нет.

Неожиданно подкатил на мотоцикле «ИЖ» Антон Дмитриев.

— Заплутались на пахоте или так гуторите? — пошутил он, приблизившись к Паше и Борлову.

— Да вот, гляди, накуролесил молодой.

Дмитриев прошелся по пахоте. Работа Бордова возмутила и его. Разве так надо откликаться на решения партии? Э, нет! А еще Бордов грозился «прижать» Филиппова. Куда там... Тот и на старичке «ХТЗ» не сделает таких «облизов».

— Выходит, пропахал я задаром? — тихо спросил Бордов.

— Задаром не задаром, Ефим, а допахать края придется. — Голос у Паши был решительный. — Ты, любезный, опашки края не тяп-ляп, а как полагается, пока бригадир Пефтиев не прискакал да шею тебе не намылил. Переедешь на другое поле, без контрольной борозды пахоты не начинай. Сперва пройдишь аккуратно поперек краев, а потом и двигай. И плуг у тебя будет входить в пашню по ровной ленточке.

Сконфуженный Бордов обещал сделать все по совести.

Дмитриев сообщил Паше, что час назад разговаривал по рации с Цимидановым. Директор МТС просит один «ДТ» переправить в колхоз Кирова.

Паша устроилась на заднем сиденье, и мотоцикл понесся по автоколее к Дому трактористов.

Дом этот построили колхозники. Светлый, уютный, просторный, с красным уголком, спальнями, душевой, кухней, столовой, диспетчерской. Вокруг него сад. Неподалеку ремонтные мастерские, автогараж, бензозаправочные...

Антон остановил мотоцикл на большом массиве, где работало много народу.

Чуть задыхаясь, Паша подбежала к комбайну. Ее сразу окружили, и со всех сторон посыпались вопросы:

— Когда сев озимых кончаете?

— Зябь вспахали?

— Не нужна ли подмога?

Комбайнер Христофор Челпанов зажал уши ладонями:

— Бабочки, милые, спрашивайте поодиночке.

Женщины засмеялись, и он, воспользовавшись наступившей тишиной, сказал Паше:

Интересно получается, — высокий, круглолицый, ладный и подтянутый, Челпанов спускался с мостика комбайна. — Когда я прочитал постановление сентябрьского Пленума, мне невольно вспомнилась, Паша, тяжкая доля крестьянина в прошлом. В те далекие времена я не верил, что когда-нибудь у нас в Донетчине будут приличные урожаи.

— Ну, а ноне как? — Георгий Христофорович Михайлов бросил вожжи, спрыгнул с телеги и вошел в круг.

Челпанов указал рукой на горы золотистой пшеницы:

— Вон они, наши труды... стопятидесятипудовые урожаи. В доколхозные годы крестьянин о такой золотой клади и не мечтал.

Тут появился неизменный Степан Иванович.

— Слышу государственный разговор. Только он у тебя, Христофор, все к прошлому клонится. Чего зря ворошить? Ты о будущем толкуй, так партия нацеливает.

Челпанов молчал.

— Да ты не торопи его с ответом, — закричал Михайлов, — наш Христофор вспоминает, как он «фордзоном» клевал землю.

— Да, времечко нелегкое было. Однако ж смеется тот, кто смеется последним. Я могу кое-что и вам припомнить.

— На личности переходишь, а? — спросил Михайлов, смеясь.

— На личности. Не вы ли, дорогой Михайлов, выступали против — перекрестного сева?

— Признаю, был грех.

— А помните, как вы кричали на всю деревню: мол, для какой надобности гоните трактор два раза по одной пашне — вдоль и поперек? По-людски, говорит, надо сеять, а не гонять тракторы очертя голову. Тоже выдумали: вдоль-поперек, вдоль-поперек... Лучше уж разбросным, как при царе Горохе, сеять. А на поверку вышло, что вдоль и поперек пашни сеять выгоднее, большая прибавка урожая на каждом гектаре.

— К чему, друже, ноне укоряешь! — крикнул сердито Георгий Христофорович. — Я давно стою за перекрестный и за узкорядный посевы.

Сторонник передовых способов сева Челпанов настаивал: для наглядности надо обязательно сравнивать, что было раньше и как стало теперь. Вот они посеяли перекрестным способом одну тысячу восемьсот восемь гектаров озимой пшеницы и взяли вкруговую по сто восемьдесят пять пудов пшеницы.

Иосиф Пефтиев, который до этого только молча слушал

разгоревшийся спор, решил и свое мнение высказать. Христофор Челпанов должен помнить, что колхоз начинал с малого. Было время, худой лошадежкой тянули однолемешный плужок и снимали тогда по сорок пять пудов пшеницы с гектара. А что говорили в деревне? «Молодец, Христофор, хороший урожай добывает!» Потом стали обрабатывать землю «фордзонами». Взяли на круг восемьдесят пудов. Добром послужили колхозу юркие тракторишки «У-2». И, наконец, появились сильные, колесные «ХТЗ». Тогда Паша со своими подругами взяла по сто пудов пшеницы на гектаре, и слава о ее труде разнеслась далеко за пределы деревни. А сейчас Павел Тохтамышев, Иван Кирадиев, Ефим Борлов, Александр Лазарев, Степан Коссе пересели на новехонькие гусеничные тракторы. При такой технике выходит, что даже и сто пятьдесят и двести пудов не «потолок».

— Другая жизнь, иные масштабы, — продолжал Пефтиев. — Есть колхозы и в Подмоскowie, и на Кубани, и в Зауралье, да и у нас на Украине здорово развивают свое хозяйство. Взять, к слову говоря, Черкасский колхоз имени Хрущева. Там головуе известная мастерица высоких урожаев Галина Евгеньевна Буркацкая. Ее колхоз в прошлом году получил чистого дохода до шести миллионов рублей.

— Получается вроде, что та самая Буркацкая и нашего мужика Коссе обгоняет, — обернулся к бригадиру Кузьма Николаевич Серафимов. — Интересные вещи ты говоришь, Иосиф... Шесть миллионов! Это ж только подумать!

Помолчав, он положил свою руку на плечо друга, с которым крестьянствовал еще с детских лет, и размышлялся:

— Степь вон у нас какая. Ей конца и края нет, и надо, чтобы от ранней весны и до поздней осени паслись здесь коровы, несчетные стада овец, да и не простых, а породистых, чтоб и сыр, и масло, и мясо, и сало, как сказано в решениях партии, давали бы мы народу в полном достатке.

Иосиф Пефтиев поддержал своего друга Кузьму Николаевича. То, что в колхозе надо усиливать животноводство, — это бесспорно. За прошлый год прибавили только по пятьдесят пять литров молока от фуражной коровы. Мало внимания обращали и на количество коров. В позапрошлом году их было восемьсот пятьдесят пять, а ныне — восемьсот девяносто восемь. Но вместе с животноводством надо продолжать подымать урожайность зерновых. Ведь колхоз — хозяйство зернового направления.

И эти слова пришлись всем по душе. Но имеется еще одно «но». Никудышные дела в колхозе с удобрениями. И старания как будто в это дело вкладываются, а результаты слабые. Кузьма Николаевич предложил

послать письмо в Москву, самому министру: мол, неловко, товарищ министр, заставлять мужиков, как в старину, разбрасывать навоз по полям, пусть ученые помозгут да и обеспечат колхозников механическими навозоразбрасывателями. И вообще удобрениями с научной точки зрения колхозу надо помочь.

— Вот такой государственный разговор нам по душе. — Степан Иванович прищурился, и хитрые огоньки вспыхнули в его глазах.

— А мы его продолжим на предстоящем общем собрании, — сказал Пештиев и, легко вздохнув, предложил своим собеседникам отправиться по местам.

Опять заработали зерноочистительные машины. Челпанов поднялся на мостик комбайна и включил мотор.

Мотоцикл то рвался вперед с большой скоростью — не меньше чем в пятьдесят километров, то, переваливаясь с боку на бок и с обочины на обочину, пробирался по глубокой колее не быстрее пешехода.

В нескольких десятках метров от Дома отдыха трактористов Антон по просьбе Паши затормозил.

— Сделай милость, Антоша, поезжай в диспетчерскую, свяжись с Цимидановым.

Он включил мотор и помчался полевой дорогой, а Паша, не теряя времени, пошла к трактористу Павлу Тохтамышеву. Тот стоял на краю пахотного поля и щеточкой отряхивал с трактора пыль. На гусенице под рукой лежала промасленная тряпка. Ею он протирал каждый винт, каждую гаечку. Машина блестела, словно только что сошла с конвейера. Да и сам Тохтамышев был тщательно выбрит, аккуратно одет, подтянут, и только курчавые волосы в беспорядке спадали на его лоб.

— Здравствуй, Павлуша! Вижу, ты стал настоящим хозяином своей машины.

— И даже большим хозяином. Я посеял по черным парам четыреста пятьдесят гектаров, и трактор у меня в отличнейшем состоянии. Никаких повреждений! А ведь на прицепе было пять сеялок вместо трех. За все лето ни одного холостого хода на пашне.

Паша от души похвалила его, но тут же сообщила, что для него есть новое задание.

— Срочное?

— А ты что, утомлен?

Тохтамышев засмеялся. Он утомлен? Еще что она скажет! Он готов пахать и сеять до самых заморозков.

— Надо тебе выезжать в колхоз имени Кирова.

— Когда прикажете?

— Хоть сию минуту.

— Пишите наряд. Я к выезду готов.

В диспетчерской Дмитриев вызывал по рации:

— «Урожай»! «Урожай»! Катюша, милая, передай товарищу Цимиданову. Один «ДТ» отправляем в колхоз имени Кирова. «Кто едет? Павел Тохтамышев. Не беспокойся. Этот сделает все, что нужно... А? Золотой тракторист. Приключения? Ты что, свихнулась, Катюша? Какие еще тебе приключения? Посев кончили сегодня, а пахоту зяби — через день.

Паша вошла в диспетчерскую. Разговор продолжался.

— Ваше сообщение передам товарищу Цимиданову.

— Спасибо, Катюша. Что еще?.. Переправить туда же еще один «ДТ»?

— Антон обернулся к Паше. — Можно будет?

— Конечно.

— Катюша! Катюша!.. Где ты потерялась?

Прошла минута, и, наконец, зазвучал голос:

— Я — «Урожай»... «Урожай» на приеме... Слушает «Урожай».

— Завтра на рассвете отправляем второй «ДТ». Кого пошлем?

В разговор включилась Паша.

— Здравствуй, Катюша! Позови-ка Константина Федоровича.

— Только что выехал в колхоз имени Розы Люксембург. Никого нет. Я одна.

— На «ДТ» поедет Ефим Борлов.

— Хорошо, доложу.

— Семь часов, — сказал Дмитриев, — поскачу-ка я к Борлову.

— Не забудь по дороге завернуть к Тохтамышеву, — попросила Паша.

— Хорошо.

Они прошли в столовую.

Эта комната была особенно уютной. Стулья в белых чехлах. Диваны Цветы.

Антон тут же поинтересовался у Марии Ивановны, заведующей столовой, чем сегодня угощают. Мария Ивановна, или тетя Маша, как ласково звали ее трактористы, сообщила, что сегодня «меню на выбор». Женщина лет пятидесяти, крепкая и добродушная, она была самым уважаемым человеком в бригаде.

— А если, например, заказать бифштекс?

— Что ж, желание это законное.

Они помыли руки, сели к столу.

— Уважаемая тетя Маша, — шутливо продолжал Антон, — а если, скажем, заказать шашлык по-карски?

— По-карски нету. А по-кавказски можно.

— И пирожки с мясом есть?

Мария Ивановна исчезла из комнаты и минут через десять внесла на шипящей сковороде отличнейший бифштекс, подала пирожки и по стакану сметаны.

— Вкусно готовите, тетя Маша, — похвалил ее Дмитриев, — ни в одном ресторане, даже в Москве, не подают так красиво к столу.

Мария Ивановна сдержанно улыбнулась. Она была довольна тем, что хвалят ее кухню.

Паша поинтересовалась, ужинали ли ребята.

— Поели. Правда, с трудом, но все же всех твоих трактористов приучила к порядку, как ты наказывала. Ужинают вовремя.

Дмитриев неожиданно поднялся и побежал в гараж... Не прошло и пяти минут, как оттуда послышался гул заведенного мотоцикла.

Паша тоже заторопилась в поле, во вторую полеводческую бригаду.

Трактор, которым управлял Павел Тохтамышев, плавно двигался все дальше и дальше, туда, где земля сливалась с краснеющим горизонтом.

Тихий вечер спускался на донецкую степь. В небе ни облачка, ни малейшего дуновения ветра.

Скрылось солнце, стало совсем смеркаться, но веселая звезда приветливо замигала из темнеющей синевы, будто сама вела за собой трактор по ровной глубокой борозде.

На душе у Паши было как-то особенно легко и хорошо. Приятно было сознавать, что люди колхозных полей с таким душевным радушием воспринимают решения Пленума ЦК, что и она в одних рядах со всеми будет участвовать в великой битве за подъем сельского хозяйства.

БОГАТЫРСКАЯ ПОСТУПЬ МИЛЛИОНОВ

Давно уже не было так весело в доме Ангелиных, как в день тридцать первого декабря 1958 года. Встречать Новый год собралась вся большая семья — двадцать восемь человек — Пашины братья с женами, сестры с мужьями, их дети. Не было лишь Светланы: она училась в Московском университете и не могла приехать в Старо-Бешево.

С самого раннего утра Ефимия Федоровна возилась на кухне, огонь из печи таинственно озарял ее лицо.

Было уже пять часов, но Паша с работы еще не возвращалась. А ведь надо было еще поджарить поросенка, испечь пирожки, накрыть стол. Наконец в шесть часов пришла Паша и принялась помогать матери по хозяйству.

Как только легли сумерки, Никита Васильевич пошел включить свет у парадного подъезда. Валерик бросился зажигать елку.

Все суетились, шутили.

— Наденька... Надюша! — Ефимия Федоровна окликнула свою дочь, приехавшую из Луганска с мужем и детьми. — Ну-ка отведай, — и, улыбаясь, положила перед ней пухлый пирожок. — Прелесть. Пальчики оближешь...

Близилось к двенадцати. Из Москвы передавали новогодний концерт. В соседней комнате, где танцевала молодежь — внуки и внучки Никиты Васильевича, слышались возгласы, смех.

Пашины родители были счастливы. Какая дружная семья!

На Паше было синее платье: под Новый год нельзя надевать черного — это приносит несчастье. Суеверие? Конечно. Но это ведь просьба матери. Зачем же ее волновать?

Никита Васильевич время от времени подгонял ребят, предупреждал, чтобы не опоздать проводить старый год. Он стоял у стола и откупоривал бутылку. На нем сегодня парадный синий костюм, белая рубашка с новым галстуком.

Старший сын Василий Никитич в раздумье стоял у окна и ни в какие разговоры не вмешивался.

— Ты чего грустный? — спросил отец, ставя бутылку шампанского на стол.

— Я? Просто думаю.

— О чем, если не секрет?

— Всякое лезет в голову... Старею, батя. Время летит быстро, не угнаться. Вот уже Светлана на четвертом курсе университета, Валерик — студент, маленькая Сталинка кончает школу, наконец я стал дедушкой и в отставку ушел...

— И это все твои думки, полковник в отставке. — Старик покачал головой. — Верно, годами стареем. Но, знаешь, для народных дел старость не помеха. Знай, сынок, что и убеленный сединами человек тоже может хорошо работать на пользу обществу.

— Да, да, конечно.

— Я чуточку годами старше тебя, а представь, в старики еще не записываюсь. Или возьми вон Степана Иваныча. Попробуй сказать ему «старик». Так огреет, что век не забудешь. За седьмой десяток перевалило, а сам явился к Коссе и потребовал работы. Сперва предложили ему ухаживать за одной лошадкой. А ныне он командует всем лошадиным составом. Вот как!..

— А в отставку не собирается, — вмешалась Ефимия Федоровна, — потому, как говорит Иваныч, уход за поголовьем есть сугубо государственное дело.

Сели за стол. Николай, Василий, Константин, Виталий и Иван с женами и детьми, Надя и Леля с мужьями. Паша — между Валериком и Сталинкой.

— Дорогие дети... — Никита Васильевич встал, постучал ножом по бокалу и торжественно произнес: — Выпьем за нашу славную Коммунистическую партию.

Все встали, поцеловались по кругу, чокнулись, снова сели.

— Я предлагаю выпить, — взволнованно поднялась Паша, — за здоровье всех советских трактористов, мы в этом теперь особенно нуждаемся.

Василий Никитич поднялся, чтобы обнять и поздравить Пашу и пожелать ей счастья и здоровья.

— За молодость, Паша!

Никита Васильевич налил себе и Ефимии Федоровне.

— Готовы повторить за тобой этот тост... За молодость, Василий Никитич! — взволнованно сказал он.

До рассвета звучали в доме смех, песни и музыка.

В эти мартовские дни на первую сессию Верховного Совета СССР

пятого созыва съехались со всех концов страны народные избранники. Среди них немало людей сельскохозяйственного труда: полеводы, доярки, свиноводы, трактористы, комбайнеры, агрономы, председатели колхозов, директора совхозов. Депутаты привезли с собой из сел и деревень, из колхозов и совхозов много ценных предложений. В них — сокровенные думы, чаяния, воля народа неустанно поднимать колхозный строй, сельское хозяйство.

Здесь, на сессии в Кремле, Паша встретила многих друзей — людей разных профессий и разного возраста. Все это люди смелых дерзаний, упорства, большой инициативы.

С неослабевающим вниманием и интересом депутаты и гости слушали доклад Никиты Сергеевича Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

Никита Сергеевич подводил итоги всенародного обсуждения тезисов доклада. Предложения о перестройке работы МТС встретили в народе единодушное одобрение. Они открывали отличные перспективы для дальнейшего роста колхозов и совхозов.

В далекие годы начала коллективизации враги колхозного строя пытались возбудить в крестьянстве ненависть к машинам. Кто-кто, а старые трактористы, такие, как Паша, хорошо помнят то страшное время, когда находились люди, которые под влиянием вражеской агитации готовы были убить тракториста или сжечь его «чертову машину».

Но партия убедила крестьян в том, что без передовой техники невозможно поднять сельское хозяйство. Была создана разветвленная сеть машинно-тракторных станций, явившихся могучими проводниками дружбы рабочего класса с колхозным крестьянством. В деревню были посланы тысячи лучших представителей рабочего класса. В короткий срок машина заняла почетное место на колхозных нивах. Из среды крестьян выдвинулись мужественные люди — трактористы и комбайнеры.

Вот и в Старо-Бешевской МТС в первый год ее существования было только пять «фордзонов», несколько конных молотилок и одна старенькая сеялка. Машин не хватало вплоть до 1938 года и, естественно, в первые послевоенные годы. А уже к открытию сессии Верховного Совета, на которой решался вопрос о реорганизации машинно-тракторных станций, только в одной бригаде Ангелиной было уже десять мощных тракторов, двадцать три тракторные сеялки, десять комбайнов, весь необходимый прицепной и навесной инвентарь.

Огромная сила! А люди? В Пашиной бригаде были такие

механизаторы, как Антон Дмитриев, Илья Савин, Илья Челпанов, которые работали на тракторе больше четверти века. А рядом с ними — молодые трактористы, такие умелые мастера, как Иван Челпанов, Степан Коссе, Павел Тохтамышев, Ефим Борлов. Возраст этих трактористов меньше, чем производственный стаж их старших товарищей. И молодые, а тем более старые трактористы — большие специалисты своего дела. Посади такого человека на трактор, на комбайн, поставь его к слесарным тискам или на сварку — везде он будет на своем месте. Старо-бешевские трактористы научились производить любой ремонт своих машин, в том числе и капитальный.

Да, теперь было что передать колхозу. И было в чьи руки передать! А о пользе такой передачи нечего и говорить. Она была ясна. Колхозное поле и техника действительно требовали одного хозяина.

Встреча эта состоялась в Кремле незадолго до открытия вечернего заседания сессии. В тот день продолжались прения по докладу Никиты Сергеевича. Паша стояла у окна, глядя на движущийся поток людей, когда к ней вдруг подошли Никита Сергеевич Хрущев и Климент Ефремович Ворошилов.

— Вот Паша Ангелина, — сказал Никита Сергеевич, обращаясь к Ворошилову, — сколько лет в одном колхозе, в одной тракторной бригаде!

— Если память не изменяет, — с улыбкой сказал Климент Ефремович, — мы знакомы двадцать три года. Помню вас еще молодой трактористкой, но и тогда уже с качествами бывалого земледельца.

Никита Сергеевич с ласковым одобрением заметил, что Паша приобрела богатый опыт борьбы за урожай.

— Я не раз бывал у нее на полях, видел, как уверенно ведет трактор по глубокой ровной борозде. Пожалуй, за ней и сейчас не угнаться самым боевым трактористам. Только об одном хотел попросить вас, Паша... — Никита Сергеевич помедлил, отечески обнял ее. — Поберегите себя, слишком растрчиваете силы.

— Слушай, слушай, Паша, совет старших, — улыбнулся Климент Ефремович.

— Желательно, чтобы берегла себя, но вряд ли послушается.

Эти слова Никиты Сергеевича как-то особенно растрогали Пашу, и она горячо, взволнованно сказала:

— Никита Сергеевич, обещаю... — И больше слов у нее не хватило.

Климент Ефремович заметил, что украинские республиканские организации представили Ангелину на вторую золотую медаль. Показатели превосходные как по использованию техники, так и по урожайности полей.

— Душевно рад за ваши дела, Паша, — сказал Никита Сергеевич.

И тут снова завязался разговор. Паша поделилась своими планами, рассказала о новой, более рациональной расстановке кадров в связи с покупкой колхозом эмтээсовской техники. Поделилась и дальнейшими планами организации борьбы за получение устойчивых урожаев.

Потом речь зашла и о делах соседнего, Марьяновского объединенного колхоза.

До недавнего времени марьяновцы плелись в хвосте, и их колхоз был, пожалуй, самый отстающий на Украине. А теперь они догоняют старобешевцев. Каким же образом им удастся выйти в передовые. Может быть, для них созданы какие-то особые условия? Нет. Земля та же... Степь и степь. Техника та же, что и раньше. Тракторы, комбайны, сеялки... Люди те же. Но после сентябрьского Пленума отношение к работе изменилось. Вот в чем главная причина успеха. Теперь тем же проверенным перекрестным севом на качественно обработанных полях они быстро набирают темпы. На площади в пятьсот девяносто гектаров марьяновцы взяли без малого двадцать восемь центнеров пшеницы с каждого гектара.

— Любопытные вещи рассказываешь. Молодцы марьяновцы. Так, помаленьку, Паша, марьяновцы и догонят старобешевцев. По животноводству у них тоже хорошо идут дела. Там председателем работает Илья Павлович Ломако. Интересный человек, хороший хозяин.

— Совершенно верно, Никита Сергеевич, очень интересный человек, — поддержала Паша. — Вот мы только предполагали посеять гречиху новым способом, а Ломако взял да посеял.

— И, наверно, неплохой урожай взял, — заметил Климент Ефремович.

— Да, прибавку взял солидную, по пять центнеров на гектаре. Теперь он задумал опередить старобешевцев и по садоводству. У них уже есть саженцы на сорок пять гектаров сада. А Ломако, до мельчайших подробностей изучивший мичуринскую науку, уже мечтает о винограде, о лучших сортах яблок, груш. Правда, про апельсины и мандарины пока еще не слышно, но если кто-нибудь по соседству посадит хоть одно апельсиновое деревце, я не поручусь за то, что Ломако не начнет и такие опыты.

— Побольше бы нам в колхозных хозяйствах таких горячих энтузиастов, — сказал Никита Сергеевич, прощаясь, и у обоих собеседников, и у главы государства, и у старо-бешевской трактористки было хорошо и радостно на душе.

В жизни земледельца нет более радостной минуты, чем та, когда он

стоит весной в степи и любит пышными всходами озимых и молодой зеленью трав.

Лишь одного радостных весен пережил советский крестьянин. Никогда не забудет он той великой весны, когда были навечно перепаханы межи между крохотными единоличными полосками земли. Но весна 1958 года была особенной. Она войдет в историю как новая крутая веха на пути к полному изобилию.

Внешне было все так же, как и в прошлые годы. До самого горизонта тянулась дышащая теплом, освещенная солнцем донецкая степь. Расцветали в байраках боярышник, дикая вишня, груша. Где-то вдали плескались в белом цветении молодые сады, в просторах неба слышались трели жаворонков.

Но в весеннем наряде пятьдесят восьмого года взгляд улавливал и что-то новое, возвышенное, чудесное...

На просторах донецкой земли то здесь, то там возникали ровные зеленые квадраты. До недавних пор лишь немногие земледельцы в Старо-Бешевском районе применяли квадратно-гнездовой метод посевов кукурузы и других культур. А если и применяли, то не на больших площадях. Этой же весной, убедившись в преимуществах квадратов, земледельцы впервые стали внедрять их на больших массивах.

«Укладывали» правильные квадраты по-хозяйски. Вот как это было.

Поля, отведенные под посев кукурузы, трактористы еще осенью вспахали на глубину в двадцать пять сантиметров. При этом на каждый гектар внесли по двадцать тонн навоза. Как только земля освободилась от снега, Павел Тохтамышев, Степан Коссе и Антон Дмитриев первыми вывели свои машины в степь. «Ныне не жаворонки, а наши любезные трактористы «открывают» весну, — с гордостью говорили колхозники.

Впрочем, весну, «открытую» ангелинцами, жаворонки и не могли открыть — они еще не прилетали: по утрам снежная пороша укрывала поля.

Колхозным трактористам был дорог каждый день, каждый час. Надо было забороновать зяблевую пахоту, внести удобрения под озимые, снова пахать и сеять яровые: ячмень, овес, гречиху — и притом сеять не рядовым, а перекрестным способом. Но главной заботой было «класть» квадраты на кукурузные плантации. И все это делать машинами и в лучшие агротехнические сроки.

Еще задолго до выезда в поле Паша разработала детальный план. Сроки были предельно сжатыми. Бригадир трактористов — на то он и бригадир! — обязан все спланировать и предусмотреть заранее.

Паша спланировала так, чтобы заборонить зябь и окультивировать все поля органическими и минеральными удобрениями в пять рабочих дней.

В то раннее утро, когда трактористы приступили к боронованию, Паша села в машину и выехала в деревню: ей надо было побывать у директора ремонтно-технической станции Цимиданова, встретиться и поговорить с секретарем райкома партии Гребенюком.

Но в райкоме Паша застала лишь одного технического секретаря. Гребенюк был в марьяновском колхозе, где механизаторы и колхозники тоже на больших площадях вели сев кукурузы новым квадратно-гнездовым способом. Вполне понятно волнение секретаря райкома — всякое новое дело, разумеется, требует к себе пристального внимания. Где же еще быть секретарю в такое горячее время? Не в кабинете, конечно. Место его в поле, в бригаде, среди колхозников, на переднем крае, там, где решается судьба урожая.

...Из райкома Паша направилась к Цимиданову, хотя и не надеялась застать его в такой ранний час. Технику он продал колхозам, теперь, пожалуй, можно и попозже дома посидеть, попить ароматного чайку да полистать интересный роман. Но Паша ошиблась. Цимиданов был уже на работе, сидел за большим столом, просматривал какие-то бумаги.

— Константин Федорович, — торопливо проговорила она, едва переступив порог кабинета, — вот уж и не гадала встретить вас в такую рань.

— Зря не гадала, — ответил он, неодобрительно качая головой. — Сейчас у меня только и начинаются настоящие дела...

Паша подумала, что он занят обеспечением колхозов запасными частями и горючим, но оказалось, что в этом заключается только часть больших забот директора ремонтно-технической станции. Его обязанности теперь намного расширились.

— Дома не сидится, всякий покой потерял. И так на все лето. По секрету скажу, со дня реорганизации твой бывший директор завел и новый распорядок: планерка — вечером, ранним утром — поле, потом мастерские, а затем снова поле... — он засмеялся. — И превосходно себя чувствую. Директору РТС тоже положено знать положение дел в тракторных бригадах и не по сводкам, разумеется, а по делам. Вот вчера побывал на полях колхоза имени Фрунзе.

— Ну как там?

— Хорошо идет работа. Техника используется идеально, выросли

отличные механизаторы.

— Кстати, как у марьяновцев?

— Могу тебя успокоить. Разгон у них превосходный. Помнишь, в прошлом году они распахали двести пятьдесят гектаров бросовой земли и взяли приличный урожай кукурузы — по сорок центнеров в крупных початках и по четыреста пятьдесят центнеров зеленой массы... Я верю в творческие силы марьяновцев, они и в этом году завоюют богатый урожай. Зерновые сеяли крест-накрест, по черным парам, а кукурузу сажают только квадратами.

Это было приятное известие, и оно заставляло подтягиваться соревнующихся с марьяновцами старобешевцев.

— Может, кое для кого это и неприятно? — Цимиданов с хитрецей посмотрел на Пашу, но она была действительно обрадована.

Они вдвоем прошли в мастерские. Паша погрузила нужные запасные части в машину и тотчас же умчалась в степь.

В поле было уже довольнолюдно. Трудовой день начался с восхода солнца. Одна за другой подкатывали машины и привозили колхозников. У всех довольные загорелые лица, смеющиеся, радостные. Вот автомашин привезла в поле новую группу молодых колхозниц, они заняли места по всей линии огородных посадок и, не теряя времени, взялись за работу.

Стараясь никого не отвлекать, Паша разгрузила машину, уложила запасные части в кладовой. Потом снова пошла в поле. Подъехал на своем мотоцикле Дмитриев.

— Антон? Откуда?

— Вернее, куда. Еду на дальние поля... Прискакал помочь разгружаться...

— Опоздал, все уже сделала сама.

— Одна? Ты не смеешь рисковать.

— Ко мне это не относится, у меня отличное здоровье.

Она рассказала Антону о встрече с Циминдановым, посоветовалась, что надо сейчас делать. Он был настроен вполне оптимистически и крепко рассчитывал на их новшество — почасовой график работы тракторов.

Послышался звук мотора. Мимо них промчалась грузовая машина.

— Звеньева Валентина Юрьева, — заметила Паша.

Машина остановилась. Юрьева крикнула своим ребятам:

— Дружки, годи балачки калякать! — Хватит болтать! — В мгновение открыла борт машины. Ее новые друзья — молодые ребята — подложили на край кузова бревно, и она по этим бревнам лихо скатывала бочки с

водой.

.. В полдень Паша встретила с Коссе и Пефтиевым. Втроем они побывали на кукурузных полях, проверили состояние и готовность машин.

Без четверти восемь вечера, бледная от усталости, Паша въехала во двор мастерской. Дмитриев уже ожидал ее.

— Радуйся, Паша! Почасовой график действует магически, — сказал он, — правда, пришлось несколько повозиться с трактором Борлова, не в порядке были насосы и фильтры, но тем не менее из графика не вышли. Порядок полный. Хочешь, проверим еще раз?

Паша поблагодарила его за добрые известия и пошла домой. В этот вечер Москва передавала концерт ее любимого певца Козловского.

— Ах так, — раздался позади нее молодой голос, — тогда я побежал переодеваться.

— Пошли, Виталик, — обняла его Паша.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Обычно дневная смена трактористов продолжалась десять часов. Каждый участок для пахоты и сева Паша делила на десять равных отрезков. По всему полю их отмечали вешками. Вместо последней вешки Паша ставила красный флажок.

Это финиш. Но добраться до финиша не так-то легко. От тракториста требовалось, чтобы он в установленное графиком время отлично обработал поле и чтобы его машина была в хорошем состоянии. Только в этом случае тракторист получал право водрузить красный флажок на свой трактор.

Степан Коссе на большом массиве сеял ячмень. Дисковые сеялки шли за трактором развернутым строем на жестком сцеплении — одна за другой.

Секретарь райкома партии Гребенюк долго ходил по полям, знакомился с посевами яровых.

— Пожалуй, молодой Коссе сегодня не достигнет финиша. — Гребенюк мельком взглянул на часы, — уже без двадцати семь.

— Голову даю наотрез, — засмеялась Паша, — что Степан выйдет к финишу. Вот позавчера — жара, ветер, пыль... На посеве яровой ему отмерили двадцать пять гектаров — и довел трактор. Вчера накинули еще пять — тоже взял финиш.

Гребенюк с удивлением повел плечами.

— Сколько отмерили сегодня?

— Сорок два...

— И, думаешь, засеет?

— Ну конечно... Надо знать Степана!..

...По полевой дороге двигалась пара лошадей, запряженных в глубокую бестарку с зерном. Сбоку, держа вожжи в руках, степенно шагал Василий Емельянович Ангелин. Доехав до вешки, он остановил лошадей, замахал руками, громко крикнул:

— Реб-ят-ки! Реб-я-а-а-туш-ки, прибыл в полном здравии! — И обернулся к Паше и Гребенюку: — Ну и ну! За Степой только поспевай.

Вскоре Степан Коссе подогнал свой «ДТ» с тремя сеялками на прицепе к бестарке. И в то же мгновение парни ловко подхватили мешки с посевным зерном.

— Вот приспособились! — воскликнул Гребенюк. — Как по конвейеру...

— Степан Гурьевич, это же почасовой график в действии, — весело

сказал Дмитриев. — У наших трактористов даже поговорка есть такая: «Работать по часам, работать как часы».

Гребенюк больше ни о чем не спрашивал. Всякому партийному работнику, а тем паче такому опытному человеку, как Гребенюк, наделенному «земледельческой» жилкой, без комментариев было ясно, что означали в соревновании за изобилие продуктов эти слова.

Глубоко вспаханная, свободная от сорняков и хорошо удобренная земля была готова принять янтарные кукурузные семена.

Степан Коссе подтянул к загону спаренные сеяльные агрегаты со специальными приспособлениями. За сеялками, шутливо переговариваясь, шли машинист Христофор Челпанов, контролер Григорий Федоров, молодые кукурузоводы Александра Данилова, Кира Иванова, Вера Дмитриева и звеньевая Мария Коссе.

— Рано хвалитесь, друзья, — сказал, смеясь, Степан Коссе, — посмотрим, какие квадраты класть станете.

Христофор Челпанов поинтересовался, долго ли они будут стоять без дела, и показал рукой на плотные облака, обложившие небо.

— Если бы я, скажем, с богом на той вон тучке сидел, то незамедлительно прислал бы оттуда весточку: начинайте, братцы!

Да, время было начинать.

Спустя час колхозники на двух бестарках снова подвезли семена. Выгрузив мешки, они собрались в круг поговорить о том, о сем да и скрутить по козьей ножке. А Василий Емельянович, неуклюже переставляя натруженные ноги, медленно побрел по полям.

— Добре обработана земля...

Он прошел еще дальше по зяблевой пахоте, в которой ноги утопали по щиколотку. Уже по одной этой пашне старый хлебоборб видел, что никакой культивации больше не требуется. Потом, припав на колено, он порылся в борозде, смерил пальцем глубину: «Сантиметра двадцать четыре выйдет».

К нему подошел Степан.

— Клад какой нашли, Василий Емельянович?

— Клад? — Василий Емельянович опять порылся в борозде. — Говорю: земля теплая. Время дожить квадраты.

Степан молчал.

— Чего молчишь? — Василий Емельянович бросил пристальный взгляд на тракториста и ухмыльнулся. — Не думал, что такой ладный тракторист может скучать.

Степан еще долго молчал, потом с трудом выдавил:

— Ох, Василий Емельянович, по правде сказать, я сильно заскучал. — И тоже припал на колено, просеивая сквозь пальцы землю. — Перед пахотой, севом тракторист всегда тревожен, а ныне как-то особенно неспокойно у меня на душе. Ведь трактор надо вести по новой борозде. Квадраты — новая наука. Это не то что, скажем, сеять озимые... На тех посевах привычно. А тут? Проверка сил, так сказать... Можно такие квадраты «наложить», что на междурядной обработке сам черт голову сломает. Потом же вы сами и скажете: мол, такой-сякой шалопай, до мирового позора привел.

— И то верно, Степа! — сочувственно сказал Василий Емельянович.

Подошла Паша.

— Пора выезжать, Степа.

Не прошло и пяти минут, как «ДТ» плавно заработал.

— Степан... Степа-а!.. — побежал вперед Василий Емельянович, желая что-то еще сказать ему.

Набирая скорость, трактор уходил все дальше и дальше в степь.

Вдоль натянутой медной проволоки по всей линии загона послушно двигались спаренные сеялки, аккуратно укладывая кукурузное зерно.

Под вечер на следующие сутки в поле появился Цимиданов. Вид у него был отличный, хотя он немного похудел и глаза блестели...

— Значит, не иссякли силы, повоюем, Константин Федорович, а?

— Пожалуй, не иссякли, Паша. А ты как? Чем намерена порадовать?

Паша повела Цимиданова по линии только что уложенных квадратов: все было, как говорится, в ажуре. Даже опытному земледельцу Цимиданову не к чему было придраться.

— Тут, собственно, Паша, и видны твои труды. — Константин Федорович широко раскинул руки. — С такими посевами ты всех обрадуешь. Умельцы!

Да, Цимиданов не ошибался. Именно умелые руки клали правильные квадраты. Здесь требовалось исключительное трудолюбие, точность, аккуратность и, главное, знание дела. Не натянул, например, мерную проволоку строго по прямой вдоль загона — провал. Не поставил трубку фиксатора точно по контрольной линии — опять провал. Не установил натяжные лебедки на расстоянии семи-восьми метров от границы поворотной полосы и на два метра от линии первого прохода агрегата — снова провал. Каждое движение должно быть подчинено единому ритму и точному заданию — севу «по квадрату».

Механизаторы и колхозники, обслуживающие сложные сеялки с

особыми приспособлениями, работали уверенно, слаженно. Больше всех преуспевал на севе кукурузы коллектив во главе со Степаном Коссе. Качество их работы не вызывало сомнения, правда, на первых порах коллектив выбивался из графика. За первые три дня было посеяно восемьдесят пять гектаров. Этого было мало.

— Тоже мне «боевой экипаж на переднем крае», — сердился Степан и с укором глядел на машинистов Челпанова и Федорова. — Сеять надо в сроки, иначе на ваших квадратах бурьян вырастет.

Челпанов и Федоров посасывали козы ножки и молчали.

Иосиф Пефтиев подбадривал трактористов:

— Надо согласиться, что машина идет идеально, обеспечивает качественные квадраты.

Но Степан с недоверием посмотрел на Пефтиева. Почему вдруг он стал таким любезным?

— Между прочим, товарищ Пефтиев, вам следовало бы принять срочные меры, чтобы отрегулировать сеялки. Это, кажется, входит в ваши обязанности.

Пефтиев покраснел.

— Нечего краснеть, Иосиф, — сказала Паша, — Степан абсолютно прав.

...Через день Степан Коссе сцепом двух агрегатов посеял тридцать восемь гектаров кукурузы. Потом сорок три гектара. Паша была в восторге. Никто до этого так удачно не клал квадраты и так быстро не сеял.

Уже пятый день с небольшими перерывами Паша вела междурядную обработку на плантациях кукурузы. Под вечер на шестой день она почувствовала себя усталой и остановила трактор.

— Марийка! — позвала она звеньевую Коссе. — Забываешь, что тебе надо собираться в дорогу?

«Но если я сию же минуту отправлюсь домой и начну готовиться в дорогу, то кто же вместо меня станет работать в поле?» — такой была первая мысль Марийки, которую она, впрочем, побоялась высказать Паше. Вместо этого она сказала:

— В Киев поеду послезавтра.

— А не провалишься?

— Что вы, тетя Паша — испуганно воскликнула Марийка. — Я давно готова поступить в институт.

— Счастливая ты, Марийка, — сказала Паша, — незаметно пролетят годы, и возвратишься агрономом. Сколько тебе тогда будет лет?

— Двадцать пять.

— Двадцать пять — четверть века. — Паша улыбнулась. — Вот сколько лет я хотела бы еще поработать для счастья моего народа.

— Поработаете больше, тетя Паша, вы очень мужественная и сильная.

— Все мы сильны на родной земле, Марийка.

Не спеша они пошли по узкой тропе вдоль широкого поля.

— Дивно как растет кукуруза! — сказала Мария мечтательно.

— Ну, вот уж и дивно...

— Да, тетя Паша, я даже слышу, как янтарные зерна росу пьют, — добавила шепотом Мария.

Паша подошла к трактору и завела мотор.

— Не пора ли вам, тетя Паша, отдохнуть?

— Что ты, Марийка, луна ярко светит, поведу свой «ДТ» на кукурузу. Ведь янтарные зерна росу пьют, а, Марийка?

Они стояли окутанные сиянием полной луны, и вокруг стояла такая необыкновенная тишина, что, казалось, слышно было, как не только янтарные зерна росу пьют, но и как шуршит добрая и теплая земля, поднимая вверх свой роскошный золотисто-зеленый наряд.

ВСТУПАЯ В ТРИДЦАТЫЙ СЕЗОН...

Несколько дней подряд шел дождь. Потом ветер переменялся, прояснилось небо, похолодало.

В этот декабрьский день Паша неожиданно почувствовала себя плохо и слегла в постель. Врачи посоветовали срочно вызвать детей.

В Старо-Бешево примчались Светлана и Валерик. Светлана из Москвы, где она училась на пятом курсе филологического факультета МГУ, Валерик из Днепропетровска.

После окончания десятилетки Валерик пришел в тракторную бригаду. Мать не создавала для своего единственного и любимого сына «тепличные» условия. Нет, Валерику было трудно «выбиваться в люди» у бригадира Прасковьи Никитичны. Она, как говорится, вгоняла его в десять потов. Заставляла и сено стоговать, и возить горючее, и копать землю лопатой, и вилами вгрызаться в навозную жижу, и так мчаться с поручением на рыжем скакуне, «чтоб в ушах звенело». Только через год перевела Валерика на более ответственный участок — на работу прицепщиком.

Валерик не раз грозился уйти, чтобы «найти себе дело по душе». Его тянуло на большой завод, к станкам. Мечтал стать токарем. Но мать считала, что он должен унаследовать от нее самое заветное и самое дорогое — любовь к земле.

С поразительной энергией Прасковья Никитична готовила себе достойного преемника, хотя здоровьем была еще крепка и не думала так скоро оставлять работу.

Потом Валерик, уже будучи трактористом, поступил учиться в Днепропетровский институт механизации сельского хозяйства.

...Светлана, Валерик и младшая дочь Сталинка пять дней и пять ночей ни на минуту не покидали дом. Их мать впервые так тяжело заболела — лежала с высокой температурой. Врачи ей запретили подниматься с постели.

Прасковья Никитична нервничала. Как некстати подошла болезнь! Несколько дней назад, когда она находилась в поле, ей стало известно об Указе Верховного Совета СССР. За выдающиеся заслуги в сельском хозяйстве она была удостоена второй Золотой Звезды. Потом на областной партийной конференции ее избрали делегатом на XXI съезд Коммунистической партии.

Сколько дел навалилось сразу! Бригада получила новые мощные гусеничные тракторы и комбайн новой конструкции на резиновом ходу. Посмотреть бы новую технику! Отец вчера сказал ей, что навестить ее придет Дмитрий Лазаревич. Обещал приехать с планами и графиками и Антон Дмитриев. Но Коссе все не шел. Не было и Антона. Антон, конечно, застрял в мастерских — заканчивает ремонт тракторов «ДТ». Он и не уйдет, пока не испытает машины.

— Батя, вы не знаете, чем сейчас заняты мои трактористы? — спросила Паша.

Никита Васильевич молча прошел через комнату, остановился у стола, за которым сидели Светлана, Валерик и Сталинка.

— Не представляю, чтобы они сидели без дела. Ясное дело — работают.

— Выходит, одна я бездельничаю, — печально улыбнулась Паша.

— С детьми? Ты ведь с ними как в раю.

Паша посмотрела на детей. Ей, правда, было с ними чудесно. Казалось, что и болезнь в их присутствии не так мучительна.

— Зима пролетит незаметно, а весной поведешь свои тракторы в поле, — успокоил ее Никита Васильевич.

— Весной, — повторила Паша. — В апреле будет мой тридцатый сезон... Подумайте, батя, тридцать лет на тракторе!

Она замолчала, поглядела на отца, и внезапно лицо ее изменилось, чувствовалось, что она очень страдает. Все в доме знали, что болезнь ее очень опасна, но она сама и думать об этом не хотела. Она была уверена, что встанет на ноги, что нет такой силы, которая могла бы оторвать ее от трактора, от работы.

В понедельник Паша почувствовала себя лучше. На следующее утро ей уже разрешили вставать, и несколько дней спустя, когда Валерик и Светлана уже уехали, секретарь областного комитета партии позвонил ей по телефону и сказал, что надо готовиться в Москву, на съезд партии. А до начала съезда еще столько работы!

Еще в прошлом, пятьдесят седьмом, году Паша обратилась с призывом ко всем трактористам страны максимально механизировать возделывание кукурузы, сахарной свеклы, подсолнечника и картофеля. Сама она накопила ценнейший опыт комплексной механизации. Ею были созданы механизированные звенья, которые вели и пахоту, и посев, и уборку кукурузы и подсолнечника без применения ручного труда. Звено в составе двух механизаторов с трактором «Беларусь», с набором навесных машин и комбайном самостоятельно обрабатывало до двухсот гектаров кукурузы.

Это был большой, невиданный доселе успех. Центральный Комитет партии Украины поддержал замечательный почин Прасковьи Никитичны. Во многих колхозах и совхозах по примеру ее тракторной бригады начали создаваться механизированные звенья. К тому времени, когда Паша собиралась на XXI съезд партии, на Украине было уже до пятнадцати тысяч механизированных звеньев. Несколько месяцев назад к ней домой из Москвы звонил Никита Сергеевич и поблагодарил за отличную инициативу. Нужно ли говорить о том, как счастлива была Прасковья Никитична после душевного разговора с Первым секретарем Центрального Комитета партии, с какой энергией стала она «вербовать новых энтузиастов», как советовал ей Никита Сергеевич.

Сперва Паша отправилась в соседние колхозы и совхозы, затем перебралась в отдаленные от районного центра деревни и села. Всюду выступала в защиту комплексной механизации, включала в это новое движение все больше и больше новых механизаторов и колхозников. По неделям не возвращалась она в Старо-Бешево. От деревни к деревне, от одного тракторного стана к другому мчалась на машине или верхом.

Каждая встреча звала и поднимала людей. Все, кому доводилось ее слушать, поражались ее глубоким знаниям в сельском хозяйстве, ее умению доходчиво объяснять самые сложные вопросы сельского хозяйства. Но с каждым часом ей становилось все труднее разъезжать по деревням и селам...

Все острее чувствовалась боль в почках. То ли от бессонницы, то ли от тяжелого недуга под глазами легли у нее черные круги. Но ни один человек, с кем она беседовала, не чувствовал, что она торопится закончить разговор или что она переносит такую боль... И при этом она не только рассказывала о механизированных звеньях и о комплексной механизации, но внимательно выслушивала (тут уж как депутат) каждого собеседника, вникала в разные семейные дела, которые на первый взгляд никакого отношения к сельскому хозяйству не имели.

Особенно горячо разъясняла она председателям колхозов, бригадирам полеводческих и тракторных бригад, как важно помогать механизированным звеньям, чтобы при возделывании кукурузы и других пропашных культур на больших площадях исключить ручной труд.

...Декабрь стоял холодный, бесснежный. В середине января начались ветры со снегопадами. Но какое дело трактористам до погоды! Пусть буйствует, ревет, шумит, сердится! Им что? Для них главное — ковать, шлифовать и ставить детали на трактор, главное — добиваться чистоты и порядка в мастерских. Все силы — ремонту. Когда работаешь рядом с

Пашей Ангелиной, нельзя поступать иначе.

Тридцатый сезон на тракторе. Тридцать лет в боевом строю. И Паша темпераментно, как будто в первый год, ведет ремонт.

К открытию XXI съезда надо выпустить из мастерских все тракторы и одновременно подготовить навесные и спаренные прицепные агрегаты.

Почему Паша отдает предпочтение навесным и спаренным прицепным агрегатам? Потому, что ими выгоднее всего сеять и культивировать посевы. Опыт подсказывает, что затраты труда при работе с навесными машинами значительно ниже, чем с прицепными, так как в первом случае тракторист обслуживает агрегат без прицеппщика. Экономичны также спаренные прицепные агрегаты: если на два отдельных агрегата надо ставить четырех человек, то на один спаренный — двоих, да и тракторы при этом лучше используются.

Паша сама берется за инструмент — у нее под руками пилы, ключи и молотки. Вместе с ней работают и другие трактористы — Антон Дмитриев, Павел Тохтамышев, Степан Коссе. Тут же бригады полеводческих бригад Иосиф Пефтиев и Николай Лефтеров. Паша показывает им, как сподручнее ремонтировать агрегаты, как по-новому упрячь ими, чтобы уменьшить применение ручного труда.

В такой обыденной, не бросающейся в глаза, но и не прекращающейся ни на миг упорной борьбе за высокие урожаи накапливался у нее и ее друзей огромный опыт.

По просьбе ученого совета сельскохозяйственной академии здесь же, в Старо-Бешеве, решено провести очередную сессию. Со всей Украины и из соседних с Украиной областей съехались в Старо-Бешеву академики, агрономы, трактористы. С докладом выступила Прасковья Никитична. Она говорила о борьбе за двухсотпятидесятипудовые урожаи пшеницы и комплексной механизации при возделывании кукурузы.

Председательствовал на сессии Трофим Денисович Лысенко. Он теоретически обобщил и научно обосновал практический опыт работы тракторной бригады Ангелиной. Цифры и факты, которые приводил академик Лысенко, были разительны. Все, что видели участники сессии здесь, в Старо-Бешеве, все, что слышали от трактористов и колхозников, подтверждало вывод: «Двести пудов пшеницы вкруговую — налицо. Будет и двести пятьдесят!»

После сессии Ангелина беседовала с Лысенко. От него она узнала о том, что земледельцы соседнего Константиновского района тоже начали борьбу за двухсотпудовые урожаи пшеницы.

Константиновцы? Паша не удивлена. Ведь там председатель

райисполкома Брызгалов, тот самый Брызгалов, который много лет жил в Старо-Бешеве. Он хорошо образован в сельском хозяйстве, знает приемы выращивания высоких урожаев. Брызгалов — человек дела! Поставит перед собой цель — на полпути не остановится.

— Мои земляки-донбассовцы не подведут, — говорит Паша Трофиму Денисовичу. — Видимо, они хорошо подготовились для такого взлета. О, теперь я понимаю, почему Брызгалов в разгар уборочной страды провел у нас в степи две недели. Хитер мужик! За всем нашим присмотрел — и за хорошим и за плохим. Нет, за константиновцев нечего опасаться. Вот боюсь, что я слово не сдержу. Ведь не шутка — двести пятьдесят пудов вкруговую! Но как бы хотелось осилить, взять этот новый рубеж!..

— Победите, обязательно победите, Прасковья Никитична.

Трофим Денисович верит, что такой урожай, о котором он сам мечтал в молодые годы и за который борются все его коллеги, будет завоеван в донецкой степи этой неутомимой колхозницей-механизатором.

— Вы понимаете, Паша, — говорит он, — как важно всем нам думать и работать именно в этом направлении. Ваш превосходный опыт надо распространить по всей стране. Все колхозы могут и должны взять у земли богатые урожаи. Да что я говорю, вы понимаете это не хуже меня. Но все же на XXI съезде я намерен рассказать обо всем виденном у вас в Старо-Бешеве.

В воскресенье Паша никуда не выезжала. Решила посвятить день разбору почты. Писем и телеграмм было видимо-невидимо. Писали трактористы — они применяют на полях опыт глубокой пахоты и обработки посевов. «Тебе, Паша, за твой крестьянский труд спасибо!» Писали шахтеры, сталевары, тракторостроители, инженеры — они крепко жмут руку женщине-трактористке, мастеру высоких урожаев.

«Дорогая Паша! Я с Вами лично не знаком. Но мысленно всегда с Вами. Вот уже двадцать пять лет внимательно слежу за Вашей деятельностью и радуюсь Вашим героическим трудом. Вы в крови земледелец! Чувствуется, что никому и никогда не оторвать Вас от земли, от трактора. Такой советской женщине не стыдно поклониться. Кланяюсь и я Вам, простой советский человек из далекой Сибири, Ефим Егорович Киселев.

Извините уж, пожалуйста, но хочу посоветоваться. У меня есть дочь Мария. Ей исполнилось девятнадцать лет. Здоровая, красивая и бойкая девушка. Посоветовал я ей пойти учиться на тракториста. Смеется, слушать не хочет. Говорит, что неприлично молодой девушке в наше время

напяливать на себя комбинезон и отравлять девичий организм бензином. Мол, я, то есть Ефим Егорович, отсталый человек, ежели равняю тридцатые годы на конец пятидесятых. Правильны ли такие взгляды молодых на современную жизнь? Скажите, Паша, как бы Вы поступили на месте моей Марии?»

«Как бы я поступила на месте Марии, будь мне девятнадцать лет?» — повторила про себя Паша. И тут же написала ответ. Пусть Ефим Егорович прочтает своей «здоровой, красивой и бойкой девушке».

«Если бы нашелся человек, — писала Паша Ефиму Егоровичу Киселеву, — который сказал бы мне: «Вот твоя жизнь, Паша, начни свой путь сначала», — я, не задумываясь, повторила бы его с первого до последнего дня и только лишь постаралась бы идти путем еще более прямым...»

Она не слышала, как отворилась дверь и вошел отец. Комната была полна теплым, мягко-золотистым предсумеречным светом. Лицо Паши было ярко освещено.

Никита Васильевич долго стоял в дверях, не решаясь потревожить ее. Но вот она обернулась, подняла глаза, улыбнулась.

— А, батя, это вы!

— Паша, к тебе просится один человек — отбоя от него нет.

— Кто?

— Сергей...

На секунду ей показалось, что почва уходит из-под ног. Сергей?! Да, пятнадцать лет прошло с тех пор. Даже вспомнить трудно, какой он из себя. Со слов друзей она знала, что Сергей живет где-то в Донбассе с другой семьей. Жена, дети... Был на ответственной работе, но опять накуролесил и его освободили.

Пятнадцать лет! Целая вечность. Светлана, Валерик и Сталинка росли без отцовской ласки и заботы. Несмотря на исключительную занятость, Паша сама их выходила, воспитала и вывела в люди. Хоть бы раз пришел Сергей и спросил: «Паша, а не трудно ли тебе одной с детьми? Может, в чем помочь?»

Нет, он не приходил, не интересовался ни Пашей, ни детьми. Зачем же явился сегодня? Ведь прошлого не вернуть. Чужой он для детей, родителей и друзей. Не сможет она смотреть прямо ему в глаза, говорить с ним, слушать его.

Да, собственно, о чем говорить? Опять вспоминать старое, ушедшее? Какое сердце надо было иметь, чтобы разбить такую жизнь, какая у них начиналась! Он растоптал самое святое на земле — любовь. А Паша

любила его. Он отнял эту любовь и ожесточил ее против себя.

Она долго молчала. Отец стоял не шевелясь. Казалось, он забыл, что там, у входа на веранду, стоит и ждет его возвращения Сергей. Потом он словно очнулся и обнял дочь.

— Так позвать его в дом? Отчаянно просит, хочет повидаться с тобой...

— Зовите... — сказала она тихим, изменившимся голосом, — но только не ко мне. Это выше моих сил. Я не могу и не хочу встречаться с ним. Принимайте, если считаете нужным, его сами. Все же он отец моих детей. Да, кстати, чтобы не забыть... дайте денег на дорогу, если попросит. Зарплата моя лежит в шкафчике, в левом углу на верхней полке.

Никита Васильевич ушел. Паша опять занялась чтением писем. Но кто из людей, пишущих ей и радовавшихся за нее, знал о ее личной семейной трагедии?

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАРОДУ

Было уже восемь часов вечера. Паша пошла постелить, чтобы пораньше лечь спать. Вдруг раздался телефонный звонок. Звонил из Марьяновки председатель колхоза Пухно. У него неотложное дело. Год назад упал с лошади старый колхозник Григорий Максимович Костенко, повредил себе позвоночник. Два месяца пролежал в районной больнице. Паша хорошо знала Григория Максимовича — старейшего земледельца и добросовестного труженика. После выписки из больницы Костенко снова стал работать, хотя боль в позвоночнике не проходила. Несколько дней назад старику стало хуже. А сегодня схватило так, что «чуть богу душу не отдал». Просьба такая: организовать легковую машину и позвонить в областную больницу. Хотелось бы, чтобы он немедленно попал на прием к профессору.

Паша чувствовала себя скверно-прескверно. Но она уже не думала о себе.

— Хорошо, — сказала она, выслушав Пухно, — пойди домой к Григорию Максимовичу, успокой старика, а я сейчас выезжаю.

Вошла Ефимия Федоровна. Паша сказала ей, что должна сейчас же поехать в Сталино.

— Вы ложитесь спать. Я скоро вернусь.

Спустя час она была уже в Марьяновке. Оттуда с больным стариком помчалась в областную больницу. Дежурная сестра сказала, что профессора нет, возможно он в театре. Паша отправилась на поиски. Она ехала на красный свет, не обращая внимания на угрозы милицейских. Простят ребята, ведь в больнице лежит тяжело больной крестьянин. Его надо спасти, вернуть к жизни. Это ее долг, обязанность...

Профессора она нашла не в театре, не дома и не у родственников, а у больного, который жил где-то на окраине города, на Макеевском тракте, и нуждался в срочной медицинской консультации.

Обратно она гнала «Победу» с недозволенной скоростью. Профессор Владимир Петрович умолял ее не гнать так бешено, чуть что — и недалеко до аварии, но она гарантировала профессору, что доставит его целым и невредимым.

— Ваша жизнь мне очень дорога. Я хочу, чтобы еще долгие годы без болезней и болей жил и радовался наш колхозник Григорий Максимович Костенко.

— Кстати, дорогая, а вы-то как себя чувствуете? Что-то забыли ко мне дорогу. Скоро возьмусь за вас. Надо вам отдохнуть и подлечиться.

— Ну, это уж, дорогой Владимир Петрович, совсем некстати, — отшучивалась Паша, — я чувствую себя отлично...

Несколько дней спустя у Паши опять обострился воспалительный процесс в почках. Ночь она провела тревожно. Но на рассвете поднялась и по-прежнему была веселой. Умылась, надела комбинезон и неизменную свою кубанку. Чем не лихой казак?

Потом прошла в гараж, завела мотор и вывела свою «Победу» к воротам.

Полная луна скользила по ярко-звездному небу. Выпавший за ночь снег блестел, как перламутр.

— Что это значит, Паша? — Никита Васильевич строго посмотрел на нее. — Неужели в степь?

Пока мотор прогревался, мать подала завтрак. Ефимия Федоровна состарилась и, кажется, еще больше сгорбилась за эти дни. Она стояла возле дочери притихшая, но спокойная. Спокойная внешне. Она хорошо знала натуру своей дочери: отговаривать ее сейчас от поездки к трактористам бесполезно.

Ефимия Федоровна припала к ней щекой, крепче обычного поцеловала, тайком смахнула слезу, чтобы дочь не заметила. Когда человек отправляется в путь, у него должно быть спокойно на сердце.

— Я ненадолго... к обеду возвращусь. Ждите!

Паша гнала машину. Деревня осталась позади, и белое шоссе бежало перед ней, теряясь у горизонта. Луна скрылась, и на небе появилось красное зарево восходящего солнца.

Она мчалась так быстро, что машину частенько подбрасывало. Вот, наконец, «Победа» забралась на гребень первого подъема. Отсюда открывался изумительный вид. В просторной снежной степи, освещенной солнцем, виднелся высокий каменный дом — Дом трактористов. Где-то там сейчас Антон Дмитриев. Скоро она увидит его, встретится со своими трактористами. Как они там без нее? Ведь третий день не выезжала в мастерские. Для нее, бригадира, это непомерно много.

Так мчалась она по шоссе, думая о своих ребятах и молча наблюдая восход солнца. И вдруг... Что это? Что случилось с нею? Машина как будто сама резко затормозила и остановилась. И Паша медленно выбирается из машины, прикрывая глаза ладонью, оглядываясь вокруг...

Но напрасно смотрит она по сторонам. Глаза ее затуманились, она

ничего не видит. Ни степных просторов, ни неба, ни солнца. «Только бы добраться туда... к друзьям», — шепчут ее побелевшие губы. Она вдруг покачнулась. Неужели от ветра? Но ведь вокруг тихо. Шатаясь, она сделала еще несколько шагов в сторону и, не удержавшись на ногах, повалилась в глубокий снег...

Очнулась Паша спустя минут тридцать на руках близких своих друзей — Антона Дмитриева и Павла Тохтамышева. За рулем сидел Степан Коссе.

— Куда вы меня везете? Домой? Не надо... Давайте в степь... в Дом трактористов.

— Хорошо, Паша, — сказал Антон. — Сперва посоветуемся с врачом.

— Друг мой, — прошептала она, — друзья мои... Верьте мне, все уже хорошо. Я буду жить...

Машина медленно подкатила к дому. Степан Коссе откинул спинку сиденья. Антон Дмитриев и Павел Тохтамышев осторожно подняли Пашу и пронесли в дом, и всем им казалось, что борьба продолжается и что они после многодневных сражений в донецкой степи доставили утомленного боевого товарища с переднего края в тихий тыл.

Всего лишь несколько часов прошло с той поры, когда Пашу привезли домой, но уже во всех окрестных селах знали: с Пашей плохо. Она лежит с высокой температурой. Бедняга заболела в дороге. Спасли друзья.

Много людей пришло к ее дому, запрудили двор.

— Освобождайте дорогу, люди добрые! — раздался голос Григория Максимовича Костенко. Пять дней назад он выписался из больницы, где перенес тяжелую операцию. Узнав, что Паша заболела, он примчался верхом в Старо-Бешево.

Раздались голоса:

— Тише, тише! Профессору дорогу...

Владимир Петрович хотел что-то сказать, но по лицу его от волнения пробежало ярко-красное пламя. Он торопливо прошел в дом. Люди смотрели ему вслед. Спасет ли он трактористку? Отступит ли от нее смерть?

Профессор долго пробыл у постели больной.

— Владимир Петрович, скажите... Ведь моя Пашенька будет жить? Ведь, верно, она должна жить... — говорила Ефимия Федоровна, и крупные слезы текли по ее морщинистому лицу. — Она такая сильная, молодая... такая жизнерадостная! Мне вон, старенькой, покоиться бы там... но не моей ненаглядной доченьке.

Профессор не отвечал. Он снова пощупал пульс больной, выслушал

сердце. Потом Владимир Петрович поднялся, вышел в столовую, бледный, строгий. На молчаливый вопрос родственников и друзей ответил:

— Я бессилён помочь... Бес-си-лен, мои друзья! Слишком поздно. Это именно так... Советую везти Пашу в Москву. Только чудо может ее спасти.

В тот же день специальным самолетом Прасковью Никитичну доставили в Москву.

Паша умерла в среду на рассвете, за три дня до открытия XXI съезда партии, делегатом которого она была избрана коммунистами Донбасса.

Во вторник утром она вдруг почувствовала облегчение. Исчезли боли, и неожиданно к концу дня упала температура. Она включила приемник, и сперва тихо, а потом все громче и полнее зазвучала в светлой палате музыка. В это время из Колонного зала транслировался концерт Давида Ойстраха.

— Как прекрасно, не правда ли, Светочка? И уходить от такой жизни? Это же невозможно.

Светлана прислонилась головой к ее плечу. Мать отвернулась и напряженно разглядывала себя в зеркало. Светлана сразу же выключила приемник и попросила ее прилечь отдохнуть.

— Не лишай меня хотя бы этого удовольствия, Светочка, — сказала она дочери. — Так труднее и так легче.

Уже поздно вечером Пашу пришел навестить Демьян Сергеевич Коротченко, председатель Президиума Верховного Совета Украины. Много лет он знал Нашу. Уважал ее за исключительное трудолюбие, за беззаветную преданность партийному делу.

Когда Демьян Сергеевич появился в дверях, Паша растерялась, почувствовав, что ее душат слезы, но она быстро овладела собой. Как была счастлива она увидеть старого друга! Демьян Сергеевич принес ей букет красных роз и теплый привет от друзей — делегатов Украины, прибывших на XXI съезд партии.

— К сожалению, я не могу вас ничем обрадовать, — грустно покачала головой Паша, — выбраться отсюда совершенно невозможно, хотя можете себе представить, как мне хочется побывать на съезде и послушать доклад Никиты Сергеевича. Если... если чуточку легче станет, я обязательно вырвусь...

— Добре, Паша, — Демьян Сергеевич крепко обнял ее. — Может, тогда вместе и домой поедem. Украина ждет свою трактористку.

— Полетела бы на крыльях, Демьян Сергеевич, в донецкую степь! Там опять развернем гигантскую битву за урожай.

— Что ж, вполне убедительный довод в пользу твоего выздоровления. Ты держись молодцом, Паша!

Весь вечер она была в приподнятом настроении. А под утро опять начался приступ удушья.

Мучительно и трудно уходила она из жизни, и не было такой силы в мире, которая могла бы ей помочь.

Она крепко сжала руку Светланы и, уже задыхаясь, сказала:

— Прости, Светочка, что так мало прожила... Улыбнись же, доченька моя. Не надо плакать, не надо... Твоя мать любила жизнь... — и сама улыбнулась, закрыв глаза.

Вся страна была глубоко опечалена известием о смерти старобешевской трактористки Прасковьи Никитичны Ангелиной. Но особенно тяжело переживали утрату ее друзья — сельские коммунисты и колхозники, которые знали Пашу еще с тридцатых годов, когда она провела первую тракторную борозду в донецкой степи.

«21 января на 47-м году жизни, — писалось в некрологе, — скончалась Прасковья Никитична Ангелина — замечательная советская женщина-труженица, которой по праву гордится весь советский народ.

Имя знатного механизатора сельского хозяйства, государственного и общественного деятеля тов. П. Н. Ангелиной широко известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Жизнь и трудовой путь Прасковьи Никитичны — яркое свидетельство величайших социалистических преобразований, осуществленных в стране под руководством Коммунистической партии.

Еще на заре коллективизации Паша Ангелина, как ее любовно называл народ, одной из первых девушек-трактористок овладела трактором, добилась наивысшей выработки на трактор. Возглавив 26 лет тому назад первую в стране женскую тракторную бригаду, она со своими подругами показала образцы социалистического отношения к труду, высокое мастерство».

Сорок семь лет прожила Паша на свете. Всего лишь сорок семь. Но какой глубокий след оставила она и на земле и в человеческих сердцах. Все люди в нашей стране, да и земледельцы на всем земном шаре называли ее этим теплым, ласковым именем Паша, хотя она давно уже вступила в пору зрелости и была матерью троих взрослых детей.

Пройдут годы, десятилетия. Неузнаваемо преобразится вся советская земля. По четыреста, по пятьсот пудов пшеницы будут собирать с гектара советские люди, достигнет небывалого расцвета наше сельское хозяйство,

и всегда, радуясь достигнутым победам, наш народ будет помнить о скромной и мужественной советской женщине, первой трактористке колхозной деревни Прасковье Никитичне Ангелиной.

Старо-Бешево— Сталина — Москва.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Паше Ангелиной 17 лет. Старо-Бешеве, 1929 г.

Осуществилась мечта: Паша Ангелина на тракторе. Старо-Бешево, 1930 г.

Первая в стране женская тракторная бригада (слева направо): бригадир Паша Ангелина, трактористки: Вера Коссе, Наташа Радченко, Вера Золотонуп. Старо-Бешево, 1934 г.

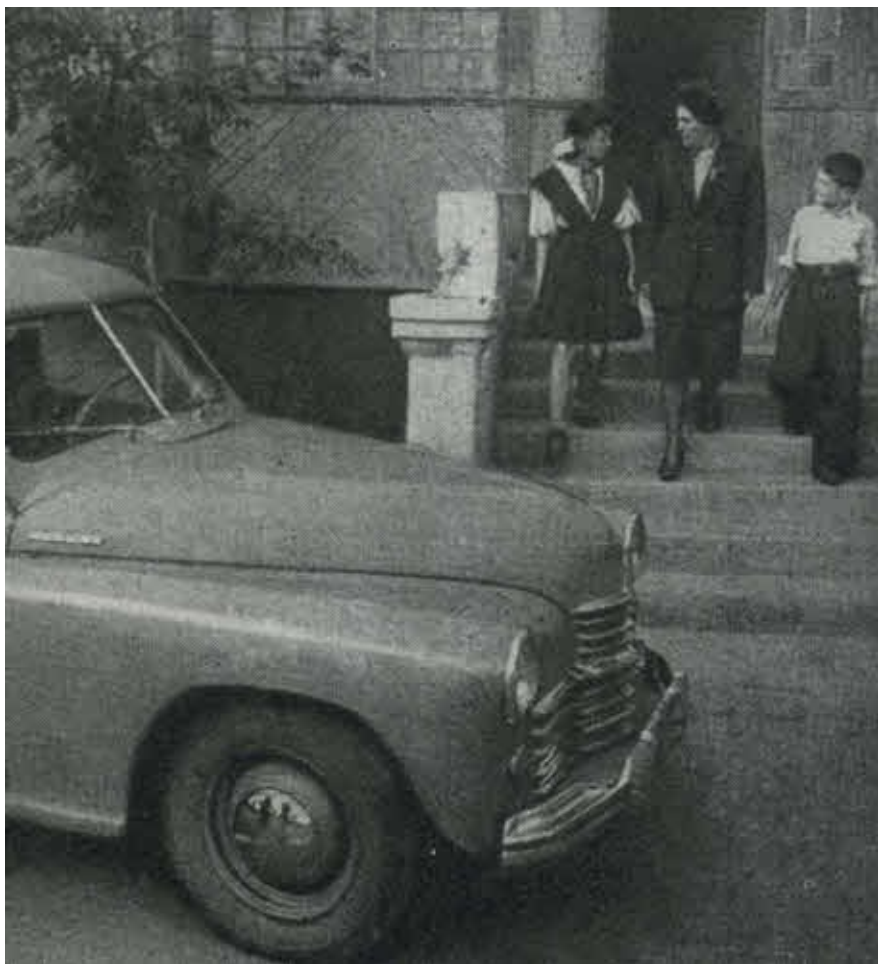
Паша Ангелина и тракторист Илья Савин. Старо-Бешевская МТС, 1938 г.

После возвращения из Казахстана. Паша снова за рулем трактора. Старо-Бешево, 1945 г.

Друг детства Паши — бригадир полеводческой бригады Иосиф Пештиев.

Паша Ангелина с дочкой Светланой и сыном Валерием. Старо-Бешеве, 1949 г.

Ангелина в гостях у пионеров. Киев, 1957 г.

Прасковья Никитична Ангелина и писатель Федор Иванович Панферов на сессии Верховного Совета СССР. Москва, 1954 г.

*В свободное от работы время Прасковья Никитична знакомится с письмами избирателей.
Старо-Бешево.*

Утро в донецкой степи. П. И. Ангелина любит дивную пшеницу. Июнь 1955 г.

Всегда, даже в самую горячую пору, трактористы были сыты. Для них часто готовила вкусные блюда Прасковья Никитична. На снимке: Ангелина за раздачей обеда. Старо-Бешево, 1957 г.

Бригада П. Н. Ангиной знакомится с достопримечательностями столицы. Старо-бешевские трактористы в Кремле. 1957 г.

INFO

Славутский Аркадий Овсеевич
ПРАСКОВЬЯ АНГЕЛИНА

Редактор *Ю. Коротков*
Художник *И. Незнайкина*
Худож редактор *А. Степанова*
Техн редактор *Л. Кувыркова*

А03684. Подп к печ. 5/VII 1960 г.
Бум 84x108 1/32 Печ л. 7,5(12,3).+4 вкл.
Уч-изд. л. 11,6. Тираж 65 000 экз. Заказ 762.
Цена 5 р 20 к
С 1/1 1961 г. цена 52 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»
Москва, А-55, Сущевская, 21.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция серии «Жизнь замечательных людей» просит вас присылать краткие отзывы о книгах серии, а также свои предложения по улучшению их содержания и оформления

Напишите нам, о ком еще из замечательных людей вы хотели бы прочесть книги.

Наш адрес Москва, А-55, Сущевская, 21. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.